

НЕВЛЯ

11 • 2007

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

- Станислав Маркелов** Европейская сказка
в реальности российских колоний 4
- Европейские пенитенциарные правила 10
- Александр Константинов** Надзорная жалоба –
дело серьезное 19
- Александр Константинов** Особый порядок
судебного разбирательства по делу 26
- Справка о состоянии преступности 28
- Справка о состоянии УИС 32
- Ольга Афанасьева** Мода на зону 35
- Правила внутреннего распорядка ВК 40
- Виталий Полозюк** Новые правила
для воспитательных колоний 78

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

- Борис Пантелеев** Игры памяти,
или Парадоксы воспитания 82
- Олег Зыков** «Надо быть хитрее и умнее начальников» 92

ИСТОРИЯ

Алексей Мокроусов Все лучшее – вождям	104
Александр Сидоров Паровозный детектив	111
Ростислав Горчаков Баллада о Рыжем Джеке	124

POST MORTEM

Марина Поливанова Андрей	136
Андрей Борисов Неужели все будет опять бесполезно?	138

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Станислав Маркелов

Европейская сказка в реальности российских колоний

В нашей стране со времен Советского Союза очень любили рамочные и рекомендательные нормы. Их можно было декларировать на каждом собрании и на каждой трибуне, на деле руководствуясь вполне конкретными ведомственными инструкциями, имевшими в реальности силу большую, чем любая Конституция. В этом плане Европейские пенитенциарные правила, принятые как приложение к Рекомендации, были бы идеальны для российского чиновника от тюремного ведомства, если бы не одно существенное «но»: эти правила не включали бы нормы слишком конкретные для простой отсылки к ним как к неким абстрактным символам.

Колония и тюрьма, действительно, слишком реальное место, чтобы ограничиваться общими гуманными посылами. Поскольку конкретные нормы поведения и пребывания заключенных не закрепляются, то эти правила устанавливаются на местах, иначе говоря, местный держиморда, злой на то, что без всякой вины должен отбывать свой срок в далекой от центра колонии, пусть даже в качестве ее начальника, срывает свою злость на заключенных, как на самом доступном доказательстве его жизненной неудачи. И крик «запорю!» разносится над зоной точно по Салтыкову-Щедрину.

Представляю, какими глазами будут смотреть тюремные «хозяева» на эти Европейские правила, если их текст когда-нибудь до них дойдет. Впрочем, в этом я сильно сомневаюсь, хотя не буду впадать в излишнее критиканство – по сравнению с 90-ми годами до мест отбывания наказания и содержания заключенных уже стало доходить кое-что, позволяющее выполнять один из блоков вышеназванных правил. Я имею в виду материальное обеспечение, наконец появившееся в большинстве колоний и

тюрем, что при всем воровстве позволило сократить число «голодных» зон и в ряде случаев прекратить пытку недоеданием и нищетой. Очень бы хотелось, чтобы через несколько лет мне бы удалось заменить слово «в большинстве» на «повсеместно», но до этого еще очень далеко.

Пока, улучшив положение по одному из критериев Европейских пенитенциарных правил, мы резко ухудшили ситуацию в другом, а именно в обеспечении прав заключенных в местах их пребывания. Ссылка руководства исправительного ведомства на борьбу с воровскими порядками вряд ли здесь приемлема, так как с воровскими «законами» боролись и раньше, при советской власти. Я слабо себе представляю, что запуск в «хаты» ОМОНа, громящего все вокруг, сильно осложнит положение воров в преступной иерархии. Скорее наоборот, пусть не явно, но оттого более сильно эски сплотятся в противостоянии администрации.

Тут мы подходим к различиям между российской исправительной системой и западными пенитенциарными принципами, закрепленными в Европейских правилах. Говоря о том, что нормы пребывания заключенных не терпят абстракции, я не упомянул о самом главном обобщении, лежащем в основе любой исправительной системы: для чего мы лишаем граждан, преступивших закон, свободы?

Российская система исполнения наказания не менялась, несмотря на все политические катаклизмы, ни сейчас, ни в советские времена. Она была исправительной, значит, преступника надо исправлять, делать из него добропорядочного гражданина. Какой-либо вопрос о человеческом достоинстве при этом даже не ставился, так как он противоречил всей исправительной модели.

Совершенно иное отношение к цели наказания, связанного с лишением свободы, сложилось в европейских (в первую очередь в западноевропейских) странах. После Второй мировой войны окончательно установилась нормативно-охранительная система, которая ставит охрану норм закона в основу всех правовых отношений. Соответственно, задача наказания – не переделать преступника, а создать условия, когда продолжение преступной деятельности невозможно (при изоляции) и максимально затруднено (по выходе бывшего заключенного из мест отбывания наказания). Сам человек при этом остается фигурой неприкосновенной, и во главу угла исправительной системы ставится понятие человеческого достоинства.

Европейские пенитенциарные правила явились, по сути, квинтэссенцией этого положения, прямо зафиксировав, что «при исполнении наказаний, предусматривающих лишение свободы, и обращении с заключенными следует учитывать требования безопасности, порядка и

дисциплины при одновременном обеспечении таких условий содержания, которые не ущемляли бы достоинство человека и предоставляли возможность включения в полезные занятия и проведения для заключенных соответствующих программ с целью их подготовки к возвращению в общество»¹. «Помимо правил, применимых ко всем заключенным, режим для осужденных заключенных должен быть направлен на то, чтобы они вели ответственный образ жизни без совершения преступлений. Заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и поэтому режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением»². Исходя из этого принципа, менять заключенного, «перековывать» его уже не нужно. Тюремного заключения вполне достаточно.

В современной России, ужесточив режим содержания, мы отходим от данного принципа, используя трудности пребывания в тюрьме именно как механизм слома натуры и характера заключенного. В каком-то смысле представление о необходимости ломать заключенного пошло от педагогических приемов А.С. Макаренко, организовавшего свою знаменитую трудовую коммуну из малолетних преступников. Только Макаренко действовал путем убеждения и коллективного примера, а современные работники исправительных учреждений – путем лично-насилия и коллективных пыточных условий содержания.

Не имея здесь возможности рассматривать каждый пункт Европейских рекомендаций, нам следует обратить внимание еще на одно положение: «Ни один заключенный в пенитенциарном учреждении не должен наниматься на работу или наделяться полномочиями, связанными с обеспечением дисциплинарного режима»³.

Самым распространенным способом нажима на заключенных в российских колониях сегодня является фактическое принуждение зэков к участию в «группах поддержания порядка», «дисциплинарных кружках» и прочих структурах внутри исправительного учреждения, прямо направленных на оказание дисциплинарного воздействия на его контингент. Под это воздействие попадают как заключенные, вписанные в подобные структуры, так и остальные зэки, поскольку такие организации объективно создаются именно против них. Это не первая попытка раскола зэковского сообщества в российско-советской истории – самой знаменитой и кровавой из них была «сучья война»

¹ Из Преамбулы Европейский пенитенциарных правил.

² Европейские пенитенциарные правила, п.п. 1, 2 ст. 102.

³ Европейские пенитенциарные правила, п. 62.

второй половины сороковых годов прошлого века. Можно крайне отрицательно относиться к уголовным эковским правилам, но если администрация использует, тем более насильственно, заключенных, значит, сама она не справляется с поддержанием порядка. Применение вышеприведенной рекомендации в корне меняет всю российскую систему контроля над положением в колониях, если только она хоть когда-нибудь будет использована на практике.

Правда, в предыдущих Европейских правилах имелась существенная оговорка: «данное правило, однако, не является препятствием для осуществления мероприятий... и участия в деятельности социального, образовательного и спортивного характера»⁴. Во что подобные мероприятия могут вылиться в российских условиях, и говорить не стоит.

Авторы изменений Европейских правил, очевидно, учли практику создания подобной показухи и уже отделяют спортивные, образовательные и прочие мероприятия от взаимодействия с администрацией. Однако они тут же создали новую возможность для нажима на заключенных. «В качестве неотъемлемого элемента общего режима для осужденных заключенных должна предусматриваться система увольнительных из пенитенциарного учреждения. Заключенные, согласившиеся на такую систему, могут быть задействованы в программе восстановления справедливости и заглаживания своей вины за совершенные преступления»⁵. Институт увольнительных, сам по себе полезный, может оказаться мощным рычагом воздействия в руках администрации.

Есть еще одна проблема, которая часто служит аргументом для руководства исправительных учреждений, когда они говорят о том, что улучшить материальное положение заключенных невозможно. Стоит практикующим юристам прийти с нормами Европейских правил к начальникам тюрем и колоний, они начнут рассказывать об отсутствии средств, недофинансировании, а в колониях еще вспомнят, что там вольным живет не лучше. Хорошо бы при этом знать реальный уровень дохода лагерных и тюремных начальников, а также коммерческую целесообразность привлечения тех или иных фирм, обеспечивающих жизнь заключенных. Вполне вероятно, что уворованное как раз обеспечило бы тот минимум, которого требуют Европейские пенитенциарные правила.

Может сложиться впечатление, что я выступаю апологетом западноевропейской исправительной системы и предлагаю ее скопировать у нас, используя Европейские правила в качестве тарана.

⁴ Европейские пенитенциарные правила, прежняя редакция, п. 34.2.

⁵ Европейские пенитенциарные правила, п.п. 6, 7.

Это не так. В нашем обществе сложился миф о том, что европейские тюрьмы похожи на санаторий, куда уставшие от закона граждане приходят отдохнуть и набраться свежих сил. Западноевропейская система права исходит из нормативистского понимания закона, и любая попытка его игнорировать карается жестко и чисто механически, как на фордовском конвейере. Тюрьма в этом плане выполняет узловую роль и делает это безукоризненно и крайне жестко.

Приведу конкретный пример: известное дело Шлёнова, арестованного в Швеции и обвиненного в нападении на полицейского. По его рассказу, простыни в камере действительно накрахмалены, чистота безукоризненная, и персонал обращается исключительно вежливо, разумеется, никакого физического насилия, и, чтобы вы окончательно поверили в рай на земле, – кормят заключенных клубникой со сливками. Дальше рай кончается. Каждый день ровно с 9.00 до 18.00 следователи твердили ему о его преступлении, и под конец он был готов признаться в чем угодно. Следователи менялись каждые 20–30 минут. И четко объяснили, что подобное приятное общение будет продолжаться ближайшие десять лет точно. Наконец, через месяц пришла справка, что в момент преступления он находился в Финляндии и напасть на шведского полицейского никак не мог. Из скандинавского «тюремного рая» Шлёнов вышел с острой потребностью в психологической (или психиатрической) помощи и воплем: «Все что угодно, только не шведская тюрьма!». А Европейские пенитенциарные правила не были нарушены.

Российские заключенные за длительное время противостояния карательной системе выработали неформальный механизм взаимоподдержки и солидарности. Эта система существует на разных уровнях, объединяет как блатных воров, так и простых «мужиков», использует любые лазейки в тюремных правилах, продолжает коррумпировать исправительную систему. Как только наши оказавшиеся на Западе соотечественники предпринимают попытки привнести этот механизм в западноевропейские тюрьмы, их беспощадно выкорчевывают. Причем – никаких ОМОНов, «дисциплинарных кружков» и прочих доморощенных ноу-хау. Просто в систему законодательно определенных правил поведения в западной Европе четко вписаны не только заключенные, но и персонал исправительного учреждения.

Но любой ад рано или поздно заканчивается, и заключенный доходит до ворот освобождения. К сожалению, в этом плане Европейские правила отошли от норм, закрепляющих – хотя бы как рекомендации – четкие социальные гарантии освобожденному, и вернулись к слабо реализуемым абстрактным посылам.

Возьмите хотя бы тот пункт Европейских пенитенциарных правил в прежней редакции, который грел душу возможностью осуществления когда-нибудь в будущем. Протицирую его полностью: «принимаются меры для того, чтобы при необходимости снабдить освобождаемых заключенных соответствующими документами и удостоверениями личности и помочь им найти подходящее жилье и работу. Они также обеспечиваются средствами существования на период, непосредственно следующий за освобождением, подходящей одеждой, отвечающей условиями климата и времени года, и достаточной суммой денег, чтобы прибыть к месту следования»⁶.

Теперь данное положение выглядит следующим образом: «заблаговременно до их освобождения осужденным заключенным должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе»⁷.

Но все же новая редакция Европейских правил подтверждает стандарты предыдущих и, следовательно, их можно использовать и в настоящее время.

Принято считать, что освобождение из зоны – это начало дороги к новому приговору. Оставляя вчерашнего зэка в социально пораженном статусе, мы готовим завтрашнего преступника. Вышедшие из колонии бичи говорят: «На зоне есть определенность». Лишая человека минимальных стартовых условий, мы не оставляем ему выбора и фактически принуждаем к совершению нового преступления. Тем более что он умеет создавать видимость расставания с собственным достоинством вольного человека и использовать любые лазейки для противостояния администрации. При таких обстоятельствах провозглашенная Европейскими правилами цель для заключенного – «восстановить свое место в обществе и, в частности, вернуться к семейной жизни и устроиться на работу» – напоминает красивый лозунг из коммунистической сказки.

А может быть, применение этих Правил на практике все-таки позволит нам хоть чуть-чуть приблизиться к такой исправительной сказке?

Тем более, что данные Правила являются обязательными для стран-членов Совета Европы, хотя и содержат в своем именовании слово «рекомендация». И к тому же в этих обязательных Правилах точно указано, что «содержание заключенных в условиях, ущемляющих их права человека, не может быть оправдано нехваткой ресурсов»⁸.

⁶ Европейские пенитенциарные правила, прежняя редакция, п. 89.2.

⁷ Европейские пенитенциарные правила, п. 1 ст. 107.

⁸ Европейские пенитенциарные правила, ст. 4.

**СОВЕТ ЕВРОПЫ
КОМИТЕТ МИНИСТРОВ**

**Рекомендация Rec(2006)2 Комитета
Министров к государствам-членам**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ПРАВИЛА

[Извлечения]

**Часть I
Основные принципы**

1. При обращении со всеми лицами, лишенными свободы, следует соблюдать их права человека.

2. Лица, лишенные свободы, сохраняют все права, которых они не были по закону лишены на основании решения суда, по которому они приговорены или оставлены под стражей.

3. Ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствовать той обоснованной цели, с которой они налагались.

4. Содержание заключенных в условиях, ущемляющих их права человека, не может быть оправдано нехваткой ресурсов.

5. Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе.

6. Содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишенных свободы, в общество.

7. Следует поощрять сотрудничество с внешними социальными службами и, насколько возможно, участие гражданского общества в жизни заключенных.

8. Сотрудники пенитенциарных учреждений выполняет важную общественную функцию, и поэтому порядок их набора, профессиональной подготовки и условия работы должны обеспечивать им возможность поддерживать высокие стандарты обращения с заключенными.

9. Все пенитенциарные учреждения должны на регулярной основе инспектироваться государственными органами и проверяться независимыми структурами.

Часть II

Условия тюремного заключения

Прием

14. Лицо может быть принято в пенитенциарное учреждение или содержаться в нем лишь при наличии действительного постановления о заключении под стражу, соответствующего требованиям национального закона.

15. При приеме немедленно регистрируются следующие сведения о каждом принимаемом заключенном:

- a. сведения о личности заключенного;
- b. основания для заключения и название органа, принявшего соответствующее решение;
- c. день и час приема;
- d. список принадлежащего заключенному личного имущества, принимаемого на ответственное хранение;
- e. любые заметные телесные повреждения и жалобы на плохое обращение до поступления в пенитенциарное учреждение; и
- f. с учетом требований медицинской тайны, любые сведения о здоровье заключенного, имеющие отношение к физическому и психическое состоянию заключенного или других лиц.

Место отбытия наказания и размещение

17. 1. По возможности заключенные должны направляться для отбытия наказания в пенитенциарные учреждения, расположенные вблизи от дома или мест социальной реабилитации.

2. При направлении следует также учитывать требования, связанные с продолжением уголовного расследования и обеспечением безопасности, а также необходимость создания соответствующего режима для всех заключенных.

3. По возможности, следует выяснить мнение заключенного в отношении первоначально назначенного для него места отбытия наказания и любых последующих переводах из одного пенитенциарного учреждения в другое.

18. 1. Размещение заключенных, и в частности, предоставление мест для сна, должно производиться с уважением человеческого достоинства и, по мере возможности, с обеспечением возможности уединения, а также в соответствии с санитарно-гигиеническим требованиям

с учетом климатических условий и, в частности, площади, кубатуры помещения, освещения, отопления и вентиляции.

2. Во всех зданиях, где заключенные должны жить, работать или собираться:

- а. окна должны быть достаточно большими, чтобы заключенные могли читать или трудиться при естественном освещении в нормальных условиях, и обеспечивался приток свежего воздуха, кроме тех случаев, когда имеется соответствующая система кондиционирования воздуха;
- б. искусственное освещение должно соответствовать общепринятым техническим нормам;
- с. должна быть предусмотрена система сигнализации, позволяющая заключенным незамедлительно устанавливать контакт с персоналом.

Гигиена

19.1. Все части пенитенциарного учреждения должны постоянно содержаться в порядке и чистоте.

2. При помещении заключенных в пенитенциарное учреждение камеры или другие помещения, в которых они размещаются, должны быть чистыми.

3. Заключенные должны иметь беспрепятственный доступ к санитарным устройствам, отвечающим требованиям гигиены и позволяющим уединение.

4. Ванн и душевых должны быть достаточно для того, чтобы каждый заключенный мог пользоваться ими при температуре, соответствующей климату, по возможности ежедневно, но не менее двух раз в неделю или чаще, если это необходимо для поддержания гигиены.

Одежда и постельные принадлежности

20.1. Заключенные, не имеющие собственной приемлемой одежды, получают одежду, соответствующую климату.

2. Эта одежда не должна быть позорящей или унижающей.

3. Вся одежда должна содержаться в хорошем состоянии и при необходимости заменяться.

4. Заключенных, получивших разрешение на выход за территорию места заключения, нельзя заставлять надевать одежду, выдающую в них заключенных.

21. Каждый заключенный обеспечивается отдельной кроватью и индивидуальными постельными принадлежностями, которые содер-

жаты в надлежащем порядке и в хорошем состоянии и обновляются так часто, как это необходимо для поддержания их чистоты.

Питание

22. 1. Заключенные обеспечиваются комплексным питанием с учетом их возраста, состояния здоровья, религии, культуры и характера их работы.

Правовая помощь

23. 1. Все заключенные имеют право на получение правовой помощи, и администрация пенитенциарного учреждения обязана предоставить разумные возможности для получения доступа к такой помощи.

2. Заключенные могут советоваться по любым правовым вопросам с юристом по своему выбору и за свой счет.

3. В тех случаях, когда существует признанная система бесплатной правовой помощи, администрация обязана проинформировать об этом всех заключенных.

4. Консультации и любое общение между заключенными и их юристами, включая переписку по правовым вопросам, носят конфиденциальный характер.

6. Заключенные должны иметь доступ к документам, касающимся судебно-следственных действий в отношении них, или иметь такие документы у себя.

Контакты с внешним миром

24. 1. Заключенным разрешается максимально часто общаться по почте, по телефону или с помощью иных средств общения со своими семьями, другими лицами и представителями внешних организаций; разрешается также посещение заключенных указанными лицами.

4. Посещения должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения.

5. Администрация пенитенциарных учреждений должна помогать заключенным поддерживать адекватные контакты с внешним миром и оказывает им с этой целью соответствующую материальную поддержку.

6. Любые сведения о смерти или тяжелой болезни кого-либо из близких родственников немедленно доводятся до заключенного.

7. Всегда, когда это позволяют обстоятельства, заключенному следует разрешать с сопровождением или самостоятельно покидать

пенитенциарное учреждение для посещения больного родственника, присутствия на похоронах или по иным гуманитарным мотивам.

8. Следует разрешать заключенным немедленно информировать свои семьи о заключении или переводе в другое пенитенциарное учреждение, а также о любом тяжелом заболевании или травме.

9. При приеме заключенного в пенитенциарное учреждение, в случае его смерти или серьезного заболевания, получения им тяжелой травмы или переводе заключенного в больницу, администрация должна, если только заключенный не попросит не делать этого, незамедлительно проинформировать супругу (супруга) или партнера заключенного, или, если заключенный неженат, ближайшего родственника, или другое лицо, ранее указанное заключенным.

10. Заключенные должны иметь возможность регулярно получать информацию об общественных событиях, получая по подписке или читая газеты, периодические издания и другие публикации, а также по радио или телевидению, за исключением случаев, когда судебный орган в отдельных случаях устанавливает конкретный запрет на определенный период.

Трудовая деятельность

26.1. Труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима и никогда не применять в качестве наказания.

10. В любом случае заключенные должны получать за свой труд справедливое вознаграждение.

11. Заключенные должны иметь возможность расходовать по крайней мере часть своего заработка на приобретение разрешенных предметов для личного пользования и выделять часть заработка своим семьям.

Обучение

28.1. Каждое пенитенциарное учреждение стремится предоставить всем заключенным доступ к образовательным программам, которые должны быть максимально широкими и отвечать индивидуальным потребностям заключенных, соответствуя при этом их устремлениям.

2. Первоочередное внимание следует уделять заключенным, не умеющим читать, писать и считать, а также заключенным, не имеющим базового образования или профессиональной подготовки.

3. Особое внимание следует уделять образованию молодых заключенных, а также заключенных с особыми потребностями.

Освобождение заключенных

33.1. Все заключенные освобождаются сразу же по истечении срока их заключения или при вынесении судом или иным органом постановления об освобождении.

3. Все заключенные должны иметь возможность воспользоваться мерами, предпринимаемыми для оказания им помощи при возвращении в общество после освобождения.

4. При освобождении заключенному возвращаются все принадлежащие ему предметы и деньги, взятые на ответственное хранение, за исключением тех случаев, когда производилось санкционированное изъятие денег или санкционированное направление любого такого имущества за пределы пенитенциарного учреждения, или по санитарным соображениям было признано необходимым уничтожить те или иные предметы.

5. Заключенные расписываются в получении возвращенного имущества.

6. При подготовке освобождения в соответствии с Правилom 42 производится медицинский осмотр заключенного по возможности как можно ближе к дате освобождения.

7. Должны быть предприняты соответствующие шаги к тому, чтобы при освобождении заключенные получали соответствующие документы и документы, удостоверяющие их личность, а также получали помощь в поиске подходящего жилья и работы.

8. Освобожденным заключенным предоставляются средства вспомоществования, они должны быть одеты соответственно климату и времени года и иметь достаточно средств, чтобы добраться до места назначения.

Часть III

Охрана здоровья

Медицинский и санитарный персонал

41.1. Каждое пенитенциарное заведение должно иметь не менее одного имеющего соответствующую квалификацию врача общей медицинской практики.

2. Принимаются меры по обеспечению в случаях срочной необходимости неотложной помощи имеющего соответствующую квалификацию врача.

3. В тех случаях, когда пенитенциарные учреждения не имеют штатного врача, эти заведения должны регулярно посещать врач, работающий по совместительству.

4. Каждое пенитенциарное учреждение должно иметь персонал, имеющий надлежащую медицинскую подготовку.

5. Услуги квалифицированных дантистов и окулистов должны быть доступны каждому заключенному.

43.1. Врач заботится о физическом и психическом здоровье заключенных и осматривает, в условиях и с частотой, соответствующим стандартам здравоохранения в обществе, всех больных заключенных, всех, кто обратился с недомоганием или травмой, и любого заключенного, на которого специально обращено внимание.

2. Врач или подчиненная такому врачу медицинская сестра обращают особое внимание на здоровье заключенных, содержащихся в условиях одиночного содержания, ежедневно посещают их и оказывают им неотложную медицинскую помощь и лечение по просьбе таких заключенных или сотрудников пенитенциарного учреждения.

3. Врач докладывает директору обо всех случаях, когда предполагается, что продолжение заключения или любые условия заключения, включая условия одиночного содержания, ставят под угрозу физическое или психическое здоровье заключенного.

Прочие вопросы

48.1. Заключенные не должны подвергаться никаким экспериментам без их согласия.

2. Эксперименты на заключенных, которые могут привести к физическим травмам, психическим страданиям или вызвать иной ущерб здоровью, запрещены.

Дисциплина и наказания

56.1. Дисциплинарные процедуры рассматриваются как крайние меры.

60.1. Любое наказание, наложенное в результате осуждения за дисциплинарный проступок, должно соответствовать закону.

2. Строгость любого наказания должна быть пропорциональна нарушению.

3. Коллективное наказание и телесное наказание, наказание помещением в карцер без окон и все иные виды негуманного или унижительного наказания запрещены.

4. Наказание не должно предусматривать полное запрещение контактов с семьей.

5. Одиночное заключение должно использоваться в качестве наказания только в исключительных случаях и на конкретно установленный срок, который должен быть как можно короче.

6. Средства ограничения свободы движения никогда не должны применяться для наказания.

61. Заключение, признанный виновным в совершении дисциплинарного проступка, должен иметь возможность обжалования в компетентном и независимом вышестоящем органе.

62. Ни один заключенный в пенитенциарном учреждении не должен наниматься на работу или наделяться полномочиями, связанными с обеспечением дисциплинарного режима.

Средства сдерживания

68.1. Использование цепей и кандалов запрещено.

2. Наручники, смирительные рубашки и другие средства ограничения подвижности не применяются за исключением следующих случаев:

- a. если это необходимо в качестве средства предотвращения побега во время перевозки, при условии, что они будут сняты, когда заключенный предстает перед судебными или административными властями, если администрация не примет иного решения; или
- b. по распоряжению начальника, если другие методы контроля не дают результатов, для того чтобы предотвратить нанесение заключенным травм самому себе, другим или для предотвращения серьезного ущерба собственности, при условии, что в таких случаях начальник немедленно сообщает об этом врачу и докладывает в вышестоящую инстанцию пенитенциарных учреждений.

3. Средства сдерживания не должны применяться дольше, чем это абсолютно необходимо.

4. Характер применения средств сдерживания конкретно оговаривается национальным законодательством.

Просьбы и жалобы

70.1. Заключение, индивидуально или группой, должны иметь широкие возможности для высказывания просьб или жалоб начальнику пенитенциарного учреждения или любой иной компетентной инстанции.

3. Если в удовлетворении просьбы отказано или жалоба отклонена, то причины этого должны быть доведены до заключенного, а заключенный имеет право обжаловать это решение в независимой инстанции.

4. Заключенные не должны наказываться за высказывание просьбы или жалобы.

5. Компетентная инстанция должна принимать во внимание любые жалобы, направленные в письменном виде родственниками заключенного, если у них есть основания полагать, что права заключенного были нарушены.

6. Никакая жалоба законного представителя или организации, занимающейся вопросами надлежащего обращения с заключенными, не может быть представлена от имени заключенного, если этот заключенный не дал на это согласие.

Часть VIII

Цель режима для осужденных заключенных

102.2. Заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и поэтому режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением.

Освобождение осужденных заключенных

107.3. Эта цель может быть достигнута программой мероприятий, предшествующих освобождению, или частичным, либо условным освобождением под надзором в сочетании с действенной социальной поддержкой.

4. Пенитенциарные органы должны работать в тесном сотрудничестве со службами и ведомствами, осуществляющими надзор за освобожденными заключенными и содействие им, с тем, чтобы позволить всем осужденным заключенным вернуться к жизни в обществе, особенно в том, что касается семейной жизни и работы.

5. Представителям таких социальных служб или ведомств должен предоставляться любой необходимый доступ к пенитенциарному учреждению и заключенным, чтобы они могли оказывать заключенным содействие в подготовке к освобождению и планировать программы работы с освобожденными.

Надзорная жалоба – дело серьезное

В январе 2007 года Пленум Верховного суда РФ принял Постановление «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции».

В пункте 16 статьи 5 УПК РФ сказано, что, надзорная инстанция – это суд, рассматривающий в порядке надзора уголовные дела по жалобам и представлениям (представления вносятся только прокурором) на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления судов. В соответствии с требованиями ст. 123, ч. 2 ст. 125, ч. 2 ст. 127, ст. 402 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть обжалованы: подозреваемым, обвиняемым, осужденным, оправданным, лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено, их защитниками, представителями или законными представителями, потерпевшим, его законным представителем или представителем, гражданским истцом и гражданским ответчиком, их представителями (в части, касающейся гражданского иска), прокурором, частным обвинителем, а также иными лицами в той части, в которой судебное решение затрагивает их интересы. Следует помнить, что поступившие в суд надзорной инстанции ходатайства иных лиц и организаций рассмотрению не подлежат и возвращаются заявителям с разъяснением уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, никакие общественные организации не могут обращаться в надзорную инстанцию в интересах осужденных. Порядок подачи жалоб, принесения представления и рассмотрения уголовных дел в надзорной инстанции регулируется статьями 402–412 УПК РФ.

В надзорном порядке может быть подвергнуто проверке любое судебное решение.

Подача надзорной жалобы никакими сроками, в отличие от кассационной или апелляционной жалобы, не ограничивается.

Этапы надзорного производства:

- принесение надзорных жалоб или представления;
- истребование, изучение судьей уголовного дела для разрешения вопроса о возбуждении надзорного производства;
- вынесение решения о возбуждении надзорного производства и передаче на рассмотрение суда надзорной инстанции надзорных жалоб или представления вместе с уголовным делом, если оно было истребовано;
- рассмотрение уголовного дела судом надзорной инстанции.

В какие суды можно обращаться осужденным с жалобами в порядке надзора, указано в Постановлении Пленума ВС РФ. Производство в надзорной инстанции осуществляется с соблюдением установленного статьей 403 УПК РФ требования инстанционности, в соответствии с которым надзорные жалоба или представление равно как и уголовное дело вначале рассматриваются в нижестоящем, а затем в вышестоящем суде надзорной инстанции.

Пленум ВС РФ разъяснил, что по смыслу статьи 406 УПК РФ предварительное производство по жалобе или представлению в каждой надзорной инстанции осуществляется в два этапа: вначале ходатайство рассматривается судьей, а затем, если в удовлетворении жалобы или представления отказано, постановление судьи может быть проверено лицом, указанным в части четвертой статьи 406 УПК РФ. В связи с этим надзорные жалоба или представление могут быть приняты к производству судьи вышестоящего суда лишь в тех случаях, когда постановлением судьи нижестоящего суда надзорной инстанции в удовлетворении жалобы или представления отказано и председатель этого суда, проверив постановление судьи по жалобе или представлению, согласился с решением судьи либо когда состоялось решение этого суда, вынесенное в порядке, установленном статьями 407, 408 УПК РФ.

Компетенция судов, рассматривающих дела в порядке надзора (согласно ст. 403 УПК РФ)

Президиумы Верховных судов республик в составе РФ, краевого, областного судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономного округа рассматривают приговор и постановление мирового судьи; приговор, определение и постановление районного суда;

– кассационное определение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ – судебные решения, указанные в первом абзаце, если они обжаловались в порядке надзора в президиум верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа;

– приговор, определение и постановление верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, если указанные судебные решения не были предметом рассмотрения Верховным Судом РФ в кассационном порядке;

– постановление президиума верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа.

Президиум окружного (флотского) военного суда – приговор, определение и постановление гарнизонного военного суда;

– кассационное определение окружного (флотского) военного суда.

Военная коллегия ВС РФ – судебные решения, указанные в предыдущей строке, если они обжаловались в порядке надзора в президиум окружного (флотского) военного суда;

– приговор, определение и постановление окружного (флотского) военного суда, если эти судебные решения не были предметом рассмотрения Верховным Судом РФ в кассационном порядке;

– постановление президиума окружного (флотского) военного суда.

Президиум ВС РФ – определение Кассационной коллегии ВС РФ;

– приговор и определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ или Военной коллегии ВС РФ;

– постановление судьи ВС РФ о назначении судебного заседания.

Основаниями к обжалованию и пересмотру приговора, определения либо постановления суда в порядке надзора являются:

– нарушение уголовно-процессуального закона;

– неправильное применение уголовного закона;

– несправедливость приговора.

Судебное решение подлежит отмене или изменению, если суд надзорной инстанции признает, что:

- определение или постановление суда первой инстанции незаконно или необоснованно;

- определение или постановление вышестоящего суда необоснованно оставляет без изменения, отменяет или изменяет предшествующие приговор, определение или постановление по уголовному делу;

- определение или постановление вынесено с нарушением требований УПК, которое повлияло или могло повлиять на правильность вынесенного судом определения или постановления.

Для рассмотрения надзорных жалоб и представлений устанавливаются следующие сроки (ст. 407 УПК РФ):

- любая надзорная инстанция кроме ВС РФ – не позднее 15 суток со дня принятия предварительного решения;

- ВС РФ – не позднее 30 суток со дня принятия предварительного решения.

Надзорная жалоба должна содержать:

- наименование суда надзорной инстанции, в который подается жалоба;

- данные о лице, подающем жалобу, с указанием его процессуального положения, места жительства или места нахождения;

- указание на приговор или иное решение, которое обжалуется, и наименование суда, его постановившего или вынесшего;

- доводы лица, подающего жалобу, с указанием оснований, по которым, по мнению подающего жалобу, судебное решение должно быть отменено или изменено (определение или постановление суда первой инстанции незаконно или необоснованно; определение или постановление вышестоящего суда необоснованно оставляет без изменения, отменяет или изменяет предшествующие приговор, определение или постановление по уголовному делу; определение или постановление вынесено с нарушением требований УПК РФ, которое повлияло или могло повлиять на правильность вынесенного судом определения или постановления);

- перечень прилагаемых к жалобе материалов;

- подпись лица, подающего жалобу.

К надзорной жалобе необходимо приложить следующие документы:

- копию приговора или иного судебного решения, которые обжалуются;

- копии приговора или определения суда апелляционной инстанции, определения суда кассационной инстанции, постановления суда надзорной инстанции, если они выносились по данному уголовному делу;

– в необходимых случаях копии иных процессуальных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в надзорной жалобе.

Если надзорная жалоба не соответствует вышеперечисленным требованиям, то надзорное производство не начинается, а сама жалоба возвращается судьей заявителю и назначается срок для ее пересоставления.

Часто возникает такой вопрос: а имеет ли право осужденный лично принимать участие в заседании суда надзорной инстанции? Статья 407 УПК РФ однозначно указывает на то, что да, осужденный имеет право участвовать в судебном заседании и давать свои устные объяснения.

По результатам рассмотрения надзорная инстанция выносит одно из следующих решений:

– оставить надзорную жалобу или представление без удовлетворения, а обжалуемые судебные решения без изменений; при этом, как подчеркнул Пленум ВС РФ, при вынесении постановления об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления судья обязан привести аргументированные ответы на все доводы, в которых оспариваются законность, обоснованность и справедливость судебного решения, и изложить мотивы, по которым эти доводы признаются несущественными;

– отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу;

– отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение;

– отменить приговор суда апелляционной инстанции и передать уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение;

– отменить определение суда кассационной инстанции и все последующие судебные решения и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение;

– внести изменения в приговор, определение или постановление суда.

Надзорная инстанция может смягчить назначенное нижестоящим судом наказание или применить закон о менее тяжком преступлении. Пересмотр судебного решения в порядке надзора в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, допускается только по жалобе потерпев-

шего (его законного представителя, представителя) и (или) по представлению прокурора, поэтому суд вправе вынести определение (постановление), ухудшающее положение этих лиц, лишь по тому правовому основанию, которое указано в жалобе или представлении. Это основание к тому же должно обязательно отвечать критериям фундаментального нарушения, сформулированным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5-П, и в сроки, указанные в Постановлении. И суд не вправе принять решение, ухудшающее положение осужденных, в отношении которых жалоба или представление по этим мотивам не были принесены.

Если при изучении надзорных жалобы или представления, материалов уголовного дела (если оно было истребовано) и дополнительно представленных материалов будет установлено, что по делу допущены нарушения, на которые не указывается в жалобе или представлении, но их устранение повлечет улучшение положения осужденного, оправданного либо лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, названные в статье 406 УПК РФ лица обязаны возбудить надзорное производство.

Часто возникает и такой вопрос: в каких случаях надзорная жалоба считается повторной и может ли она вновь быть рассмотрена? Пленум ВС РФ дал по этому поводу подробное толкование. Повторной надзорной жалобой следует считать жалобу, принесенную по тому же делу, в отношении того же лица, в ту же надзорную инстанцию, тем же субъектом обжалования, если ранее в отношении этого лица состоялось судебное решение (постановление, определение) этого же суда надзорной инстанции либо жалоба была оставлена без удовлетворения постановлением судьи, с которым согласились председатель соответствующего суда, либо Председатель ВС РФ или его заместитель. Повторная жалоба возвращается судьей соответствующего суда надзорной инстанции без рассмотрения со ссылкой на положения ч. 1 ст. 412 УПК РФ. Но если, отмечает Пленум ВС РФ, из повторной жалобы усматриваются основания для отмены или изменения судебного решения, то лица, указанные в ч. 4 ст. 406 УПК РФ, в пределах своей компетенции могут отменить постановление судьи, возбудить надзорное производство и передать жалобу или представление на рассмотрение суда надзорной инстанции.

В исправительном учреждении осужденный, написав надзорную жалобу, сдает ее в спецотдел ИУ лично во время приема работникам спецотдела либо через начальника отряда. К надзорной жалобе осужденный должен приложить копии приговора и определения суда (если

определения выносились). При рассмотрении уголовного дела в порядке надзора могут быть использованы не только надлежаще заверенные копии процессуальных документов, но и иные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они подтверждают доводы, изложенные в надзорных жалобе или представлении, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В случае, если осужденный не приложил копию приговора и настаивает на отправке жалобы в таком виде, она должна быть отправлена.

Если осужденный направляет жалобу в суд, не уполномоченный ее рассматривать, такая жалоба не отправляется, о чем осужденный ставится в известность под расписку.

При отсутствии копии приговора или определения получить их можно несколькими способами. Во-первых, копию приговора или определения могут получить родственники, обратившись непосредственно в суд и заплатив госпошину. Во-вторых, обратиться в суд, заплатив госпошину, может сам осужденный через администрацию ИУ. Если у осужденного нет денег на лицевом счете, он может обратиться в суд с заявлением об отсутствии у него средств на оплату копии приговора или определения. В этом случае администрация ИУ прикладывает к заявлению справку об отсутствии денег на лицевом счете осужденного. И, в-третьих, осужденный может обратиться с заявлением на имя начальника ИУ о том, чтобы ему сняли копию с приговора, имеющегося в личном деле, в качестве дополнительной оплачиваемой услуги. Осужденный таким образом может получить и другие судебные документы (например, копии ответов на ранее им отправленные надзорные жалобы). Если у осужденного нет денег, он также может обратиться с заявлением на имя начальника ИУ об изготовлении ему таких копий бесплатно.

Александр Константинов

Особый порядок судебного разбирательства по делу

5 декабря 2006 года Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства по делу».

Особый порядок судебного разбирательства – новый институт российского уголовно-процессуального права. Он заключается в том, что при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, то есть когда отсутствует спор между сторонами обвинения и защиты, суд вправе по ходатайству обвиняемого, если против этого не возражают потерпевший, государственный или частный обвинитель, постановить приговор без исследования доказательств виновности обвиняемого. Применение такой процедуры (разумеется, при строгом соблюдении относящихся к ней требований закона) направлено на дифференциацию уголовного судопроизводства. Это соответствует требованиям процессуальной экономии, позволяет избежать излишних затрат времени и сил суда и сторон по очевидным уголовным делам. Особый порядок судебного разбирательства определенным образом стимулирует поведение обвиняемого, позволяет ему при осознании своей вины избежать неоправданных задержек в разрешении уголовного дела и гарантирует назначение менее строгого наказания. Кроме того, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке с осужденного не взыскиваются процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ.

Особый порядок судебного разбирательства, при наличии предусмотренных в законе условий, может применяться по уголовным делам о преступлениях, за которые по закону может быть назначено наказание не свыше 10 лет лишения свободы, то есть по большинству уголовных дел.

Следует помнить, что при рассмотрении дела в особом порядке подсудимому не может быть назначено наказание более двух третей

максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение вменяемого преступления.

Пленум Верховного Суда разъяснил, что невыполнение органами предварительного расследования возложенной на них обязанности по разъяснению обвиняемому права ходатайствовать при ознакомлении с материалами уголовного дела о применении особого порядка судебного разбирательства влечет нарушение права обвиняемого на защиту и является основанием проведения предварительного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору.

Обращено внимание на то, что обвиняемый вправе заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в момент ознакомления с материалами уголовного дела и на предварительном слушании, когда оно является обязательным, поэтому ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства может быть удовлетворено лишь в том случае, если оно заявлено до назначения судебного заседания.

Пленум указал, что по делу, рассматриваемому в особом порядке, в ходе судебного заседания могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Указано на недопустимость рассмотрения уголовных дел в особом порядке без подсудимого, его защитника, государственного или частного обвинителя.

Приговор, постановленный без проведения судебного разбирательства, не может быть обжалован сторонами в кассационном и апелляционном порядке в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Обжалование допускается лишь в случае нарушений уголовно-процессуального законодательства, неправильного применения уголовного закона либо несправедливости приговора. При этом суд апелляционной инстанции не вправе исследовать доказательства, подтверждающие или опровергающие обвинение. Вместе с тем вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда по делу, рассмотренному в особом порядке, могут быть обжалованы в надзорном порядке без каких-либо ограничений, поскольку статья 317 УПК РФ такого запрета не содержит.

Пленум также разъяснил, что глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено. Однако это возможно, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств.

Состояние преступности в России в 2006 году

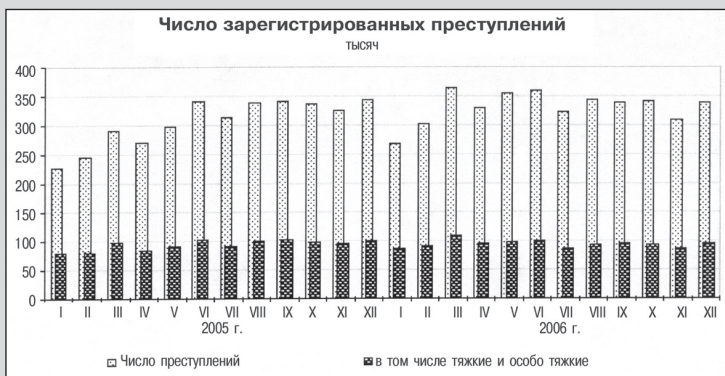
	2006 г., тысяч	В % к 2005 г.
Зарегистрировано преступлений	3855,4	108,5
в том числе:		
особо тяжкие	127,2	107,3
тяжкие	947,3	98,8
средней тяжести	1561,3	112,0
небольшой тяжести	1219,6	112,5
из общего числа зарегистрированных преступлений по отдельным составам преступлений:		
убийство и покушение на убийство	27,5	89,0
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	51,4	88,9
изнасилование и покушение на изнасилование	8,9	96,2
разбой	59,8	93,9
грабеж	357,3	103,7
кража	1677,0	106,6
в том числе из квартир	235,6	89,0
вымогательство	14,7	99,8
мошенничество	225,3	125,5
хулиганство	28,6	95,4
взяточничество	11,1	112,6
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	58,6	102,9

В 2006 г. зарегистрировано 1,4 млн преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, что составляет 36,9% от об-

щего числа преступлений. По сравнению с предыдущим годом их число возросло на 3,4%.

Зарегистрировано 432 факта бандитизма (в 2005 г. – 473), 112 фактов терроризма (203), 1,0 тыс. фактов похищения человека (1,1 тыс.), а также 14,3 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (18,3 тыс.) и 15,8 тыс. фактов нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (15,7 тыс.).

Число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения в 2006 г. составило 2701 против 2478 в 2005 г. (увеличение на 9,0%). Максимальное значение этого показателя зафиксировано в Пермском крае (4926), Хабаровском крае (4554), Удмуртской Республике (4226), Приморском крае (4083).

В декабре 2006 г. зарегистрировано 339,0 тыс. преступлений, что на 1,6% меньше уровня декабря 2005 г. и на 9,6% больше уровня ноября 2006 года. Тяжких и особо тяжких преступлений зарегистрировано 94,9 тыс. (снижение на 6,2% по сравнению с декабрем 2005 г. и на 10,0% больше по сравнению с ноябрем 2006 г.).

По сравнению с декабрем 2005 г. произошло уменьшение числа убийств и покушений на убийство (на 15,1%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (на 11,7%), разбоев (на 12,6%), грабежей (на 9,5%), краж (на 1,2%), хулиганств (на 20,6%). Увеличилось число изнасилований и покушений на изнасилование (на 4,1%), фактов присвоения или растраты (на 3,3%), преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (на 10,8%), выявленных фактов взяточничества (на 20,0%). Число фактов хищения либо вымогатель-

ства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось на 25,0%.

Из общего числа преступлений, зарегистрированных в 2006 г., 1,1 млн отнесено к тяжким и особо тяжким. Удельный вес подобных преступлений в общем объеме составил 27,9%. Среди раскрытых преступлений доля тяжких и особо тяжких составила 28,4%, среди нераскрытых – 27,6%.

Зарегистрировано 269,5 тыс. преступлений, причинивших крупный ущерб или совершенных в крупных и особо крупных размерах. Их раскрываемость составила 57,8% против 60,4% в 2005 г.

Число зарегистрированных в 2006 г. **преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков**, выявленных правоохранительными органами, увеличилось на 21,0% по сравнению с предыдущим годом и составило 212,0 тыс., из них тяжкие и особо тяжкие – 152,8 тыс. (увеличение на 13,2%). Число преступлений, совершенных в особо крупных размерах, составило 41,2 тыс. (рост на 34,2%), в крупных размерах – 78,3 тыс. (рост на 43,1%).

В 2006 г. из числа зарегистрированных преступлений, дела о которых окончены расследованием, 10,8 тыс. преступлений совершены в состоянии наркотического опьянения, что на 33,5% больше, чем в 2005 г. Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, снизилось на 3,1% и составило 302,3 тысячи.

В 2006 г. зарегистрировано 30,1 тыс. преступлений, связанных с **незаконным оборотом оружия**, что на 0,5% больше, чем за 2005 г. С применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 18,7 тыс. преступлений, из них 7,6 тыс. преступлений совершено с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, их раскрываемость составила 61,9% против 62,4% в 2005 г.

В 2006 г. **в общественных местах** зарегистрировано 718,7 тыс. преступлений (на 27,4% больше, чем в предыдущем году). На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 441,6 тыс. преступлений (увеличение на 24,3%), из них 163,9 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким (рост на 16,9%).

В 2006 г. зарегистрировано 41,9 тыс. **экологических преступлений** (на 25,1% больше, чем в предыдущем году).

В 2006 г. количество выявленных **лиц, совершивших преступления**, увеличилось на 4,9% по сравнению с 2005 г.

Лица, совершившие преступления

	<i>2006 г., тысяч</i>	<i>В % к 2005 г.</i>
Выявлено лиц, совершивших преступления	1360,9	104,9
из них:		
женщины	204,9	114,8
несовершеннолетние	148,6	99,1
не имеющие постоянного источника дохода	811,3	103,8
из них безработные	84,1	102,6
ранее судимые	316,0	102,3

В 2006 г. число лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 11,7 тыс. человек, что на 9,0% больше, чем в предыдущем году. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 18,2 тыс. человек (уменьшение на 15,2%).

По оперативной информации **Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации**, в федеральные суды общей юрисдикции и мировым судьям в 2006 г. поступило 1224,4 тыс. уголовных дел. Судебным производством окончено 1222,3 тыс. уголовных дел, осуждено 937,7 тыс. человек, оправдано с учетом дел частного обвинения 12,3 тыс. человек. Судами общей юрисдикции окончено производством 7,6 млн гражданских дел, из них с вынесением решения рассмотрено 6,6 млн гражданских дел.

Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы России по состоянию на 1 января 2007 года

В 2006 году в целях совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России и обеспечения соблюдения прав человека приняты 2 федеральных закона, 7 постановлений и распоряжений Правительства РФ.

Правительством России утверждена новая федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», направленная на улучшение условий содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, бюджет которой составляет 54,6 млрд рублей.

По состоянию на 1 января 2007 года в учреждениях УИС содержалось 871,7 тыс. человек¹, в том числе в 765 исправительных колониях – 696,9 тыс., 216 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 160 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов и тюрем, – 161,7 тыс. человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 12,7 тыс. человек. В учреждениях содержится 59,8 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 736 детей. Наполняемость учреждений от установленного лимита мест составила: в ИК – 89,6 %, ВК – 59,8 %, СИЗО – 108 %, тюрьмах – 66,7 %.

В 2006 году открыты 3 исправительных учреждения на 920 мест. Созданы 76 изолированных участков различных видов режима на 7 тыс. мест. Введено в эксплуатацию 14 472 места в СИЗО. Средний размер камерной площади на заключенного в СИЗО увеличился на 11% и составил 3,97 кв. м.

В 2006 году в учреждениях УИС массовых беспорядков не допущено. Предотвращено 105,5 тыс. противоправных намерений и действий осужденных. Количество побегов из-под охраны сократилось на 35,3%. Побегов из тюрем и воспитательных колоний не было. Количество побегов из СИЗО сократилось на 60%. В результате оперативно-розыскных мероприятий задержано 305 осужденных, находившихся в розыске.

¹ На 50,8 тыс. больше, чем в январе 2006 года.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 132 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 58 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС входят также 2453 уголовно-исполнительных инспекции, в которых состоят на учете 572,1 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, что на 26 тысяч меньше, чем в январе 2006 года.

Производственный потенциал УИС составляет 601 предприятие исправительных учреждений.

Товарооборот по поставкам продовольствия для собственных нужд составил 3,6 млрд руб., что составляет 36% от объема финансирования, выделяемого для приобретения продуктов питания.

Предприятиями УИС получена прибыль в сумме 391,7 млн руб². Средняя зарплата осужденных составляет 64,56 руб³.

На оплачиваемых работах трудоустроено 348,8 тыс. осужденных.

Затраты на 1 рубль товарной продукции составили 94,48 копейки⁴.

При исправительных и воспитательных колониях функционирует 294 вечерних общеобразовательных школы и 222 учебно-консультационных пункта, 338 профессионально-технических училищ, действуют 396 церкви, 695 молитвенных комнат. В 2006 году открыты 3 общеобразовательных школы, 35 учебно-консультационных пункта и 39 новых филиалов ПТУ. Более 1200 человек осужденных получают образование в 50 учреждениях среднего и высшего профессионального образования по заочной или дистанционной формам обучения.

В 2006 году более 94% осужденных от числа нуждающихся получили помощь в бытовом и трудовом устройстве после освобождения.

Штатная численность персонала УИС составляет 355,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 253,9 тыс. человек. На службу в 2006 году принято 21,5 тыс. человек, уволено – 19,4 тыс. человек, из них по отрицательным мотивам – 271 человек.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория. В 2006 году вспышек инфекционных заболеваний и массовых отравлений не допущено.

² АППГ (аналогичный период прошлого года) – 280,1 млн руб.

³ АППГ – 50,1 руб.

⁴ АППГ – 95,93 коп.

По сравнению с 2001 годом количество больных туберкулезом⁵ уменьшилось в 2 раза, заболеваемость – в 2,5 раза, смертность – в 3,8 раза.

Общая заболеваемость по сравнению с 2005 годом уменьшилась на 3,3%, а смертность – на 8,8%.

На 1 января 2007 года общее число ВИЧ-инфицированных в учреждениях УИС составило более 39 000 человек.

В составе УИС действуют 5 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права управления Минюста России, 2 юридических колледжа, 1 средняя специальная школа, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната: «Московский кадетский корпус юстиции» и «Симбирский кадетский корпус юстиции».

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание» и «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

В 2006 году организовано 15 посещений учреждений УИС делегациями комитетов и комиссий ООН, Совета Европы и ЕКПП.

Мода на зону

Процесс проникновения криминальной и тюремной субкультуры в «обычный» социум, протекавший особенно активно в «бандитское» время начала 90-х, уже давно никого не удивляет. Напротив, элементы тюремной культуры, принесенные криминализацией общества в целом, внедряются всюду: в рекламно-развлекательную и киноиндустрию, в повседневность, и становятся чем-то настолько привычным, что многие этого практически уже не замечают. Совершенно очевидно это внедрение проявляется в неизменной популярности телепрограмм и сериалов криминально-тюремной тематики, в издании словарей, справочников и другой литературы различного качества по тюремному жаргону, татуировкам и жизни «по понятиям», которая вызывает смешанное со страхом любопытство. А сравнительно недавно в Москве открылся ночной клуб «Зона» с шокирующими элементами дизайна в виде экзотических галерей из грубых досок, с металлическими ограждениями, особого устройства полов с бегущими под стеклом крысами, мелькающими силуэтами охранников с автоматом и «фейс-контролем» при входе. Лексика из бандитского или тюремного жаргона перешла даже не в просторечье, а стала практически «литературным языком».

Но все же более важно, на мой взгляд, хотя и менее очевидно то, что этот процесс выражается в широком распространении своего рода «криминального мышления», которому свойствен цинизм, связанный с негативным восприятием российской общественной жизни в целом. Часто он происходит от разочарования в социальных и правовых нормах, которые декларируются, но остаются «написанными на бумаге», то есть не работают, а потому и не заслуживают сколько-нибудь серьезного отношения. Так, в обычной беседе с друзьями или знакомыми вопрос: «Сколько ему нужно дать?» по поводу какой-нибудь чиновни-

чье-бюрократической волокиты мы «естественно» воспринимаем отнюдь не как вопрос о предполагаемой длительности тюремного срока для взяточника. В кухонных разговорах между делом с увлечением обсуждаются «сплетни в виде версий» (как пел В. Высоцкий) – о крышевании какой-нибудь структуры и о «продажности ментов» в целом. Все это мыслится как нечто нормальное. Многим не нравится более грубый «блатняк», он их раздражает, но часто они сами не замечают, насколько «по-тюремному» мыслят и поступают. Ведь известна магическая сила слова и образа.

Удачные блатные песни, как и другой зонавский фольклор, отличает то, что они поразительно эффективно обучают определенным моделям поведения и восприятия мира. Возможно, именно поэтому к блатной лирике относятся настолько категорично: либо да, либо нет. Ассоциируя себя с героем, находя точки соприкосновения со своим внутренним миром, принимают такой взгляд на мир – с позиции преступника, еще находящегося на воле, или с позиции заключенного. Это как прочитанная в детстве сказка, которая, возможно, забыта, но свою изначальную функцию – научить – исполнила. Как сказки, так и блатной фольклор, особенно архаичные песни и истории или новые, но с «традиционными», легко узнаваемыми сюжетами, отличает простота и непосредственность выражения героями своих чувств и желаний, а также целостность сюжета. Классический Иван-дурак народных сказок сходен с героем блатных песен и в том, что не занят никакой полезной деятельностью, и в этом противопоставляется более практичным и расчетливым, но безмянным братьям. Принципиальным отличием является то, что Иван делает что-то доброе, за что и получает волшебные способности, которые помогают ему выходить победителем из тяжелых испытаний, часто связанных со смертью. В результате он меняется сам и получает уже более крупные выигрыши – в виде богатства, славы или женитьбы на царской дочке. А «блатные» сюжеты, часто умалчивающие о содержательной стороне «дел» главного героя, в лучшем случае приводят его к некой внутренней победе, связанной со стойкостью в противостоянии представителю гораздо менее справедливо работающей властной системы, которую ему удастся либо перехитрить, либо относительно успешно с ней сразиться, отстояв, по крайней мере, воровскую честь и связанные с ней принципы. Правда, в большинстве случаев они приводят к трагической развязке или в тупик.

36 Пожалуй, наиболее привлекательная черта зэков – их веселость. Это замечательное качество отличает их от многих несудимых. Если в

более практичных и успешных согражданах, делающих карьеру, жизнерадостность убывает пропорционально карьерному росту, и даже юмор у них становится какой-то не смешной, то приколы в стиле эзков ничуть не утрачивают своей искрометной силы. Потому что их смех – искренний и от души. Это смех людей, которым ни бояться, ни терять практически нечего, ведь самое худшее уже произошло... только и остается – плакать или смеяться. Но смеяться обычно лучше. Так и смех получается натуральный, такой, который редко бывает доступен более успешно продвигающимся по жизни согражданам, обеспокоенным то социально-бытовыми проблемами, то накоплением материальных благ, то сохранением порой даже того небольшого, что имеют.

Вот и смотрят они захватывающие бандитские и тюремные сериалы – выжимку из неизведанного экзотического мира, порождающую страх и в то же время компенсирующую недостаток острых ощущений. И перетаскивают тюремные атрибуты в рекламную индустрию, создавая для поднятия общего тона некий эрзац. Ведь еще известный писатель Эдуард Лимонов, исследуя западные демократии скорее с позиции россиянина, отмечал скуку в качестве общего фона жизни цивилизованного мира. Нам до их «скуки» пока что далеко, конечно. Именно поэтому удалось Лимонову создать самую веселую, пожалуй, за всю недавнюю историю, молодежную политическую партию, «обогатившую» российские тюрьмы немалым количеством «политэзков». При всей эпатирующей странности идеологии так называемой НБП все же выгодное отличие ребят-«лимоновцев» от менее «идейных» эзков – в способности выбирать свою судьбу и за этот выбор платить, в данном случае – ценой своей свободы.

Многие из тех, кто в своей жизни в общем-то далек от криминала или тюремной культуры, испытывают не меньшую придавленность по сравнению со «среднестатистическим» эзком. «Придавливают» социально-бытовые проблемы, например, неразрешимый квартирный вопрос, когда жизнь становится похожа на тюрьму. И не приносящая радости работа, когда человек попадает в зависимость от какого-нибудь самодура-начальника, вынужден вариться в коллективе-«змеюшнике» с интригами или стукачеством на коллег. Социальная свобода напрямую связывается с деньгами, точнее, их количеством, ибо что толку малоимущему с «бюджетной» зарплатой, пенсией или пособием по безработице от изобилия товаров, услуг и прочих возможностей. В каком-то смысле это даже хуже, чем находиться в тюрьме, где, по крайней мере, все в равных условиях, товарищи по несчастью, и уже поэтому – «все свои».

Так или иначе, ситуации, связанные с ограничениями, сходны, вне зависимости от их причин. Стремясь вырваться из убогого существования, то есть фактически получить большую свободу реализации своих материальных стремлений, человек идет «зарабатывать деньги». И, находя социально приемлемый источник дохода... в свободное от основной работы время, попадает в ловушку, практически полностью лишившись свободы. Возможно, причина в том, что социальные ценности – все же преимущественно ценности борьбы за выживание. Спорный вопрос, в какой мере оправдано разделять или, тем более, противопоставить инстинктивную и духовную природу человека. И все же принципиальный вопрос, который в той или иной форме возникает перед каждым, – жить или выживать? Из него логически следует более важный – быть ли человеком? И хотя в общественном сознании ценности материального благополучия имеют тенденцию перемешиваться с ценностями более высокого уровня, такими, как любовь, милосердие, свобода, творчество, честность, но, пожалуй, стоит учиться их различать и на индивидуальном, и на коллективном уровне.

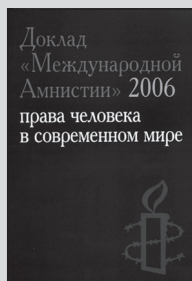
Может быть, устойчивый, хотя и часто скрываемый или неявный интерес в обществе к криминально-тюремной тематике объясняется тайной завистью несудимых сограждан, не способных на лихость, искренность и свободолюбие эзков? Пусть эта смелость и ведет их не к подвигам, а к преступлению. В человеке, способном перешагнуть отведенные рамки, всегда есть притягательность. Особенно для обывателя, который обычно принимает существующие нормы как данность, какими бы ханжескими на поверку они ни оказывались. Или такой интерес объясняется завистью к тем, кто более удачно «наворовал»? То есть разбогател и пришел к власти.

Социальная зависть считается явлением вполне приемлемым, нормальным и даже желательным, поскольку может создавать стимул для роста и реализации амбиций, причем в неких отведенных рамках. Но это когда есть четкие правила игры, как в цивилизованных странах, то есть более или менее известно, какие шаги нужно сделать, чтобы прийти к тем или иным результатам карьерного и материального роста. Тогда у простого человека появляется ощущение социальной справедливости.

А что остается нам, при возрастающей ценности денег и престижности высокого уровня доходов, без видения каких-то четких путей к тому, как получить все эти блага? Накапливать негативные эмоции, и возвращать цинизм по отношению к социальным нормам, и ненавидеть богатых.

В чем свободен нормальный «среднестатистический» гражданин? Возможно, в том, чтобы зарабатывать и тратить деньги; но чем многие из них за это платят? Образно говоря, душа многих простых людей находится в тюрьме, и некоторый уровень достатка или стабильности, за которые они держатся, лишь слабо компенсирует их личностную нереализованность, невозможность проявить себя такими, какие есть, порождающую, в свою очередь, неискренность, непонимание, а порой и полный беспорядок во взаимоотношениях даже со своими близкими.

Некоторые эзки говорят: «Мы сидим ради свободы», то есть потому, что их не устраивают принятые в социуме правила игры, и человек в них, что называется, не вписывается. С большим трудом, видимо, вписываются в них и многие на свободе, и не отсюда ли идет устойчивая мода на зону?

Доклад «Международной Амнистии» 2006.
Права человека в современном мире.
М.: Права человека. 348 с.

Российская Федерация

Случаи произвольного задержания, пытки и условия содержания под стражей

Поступали сообщения о нарушениях норм российского и международного права, касающихся содержания под стражей, в том числе произвольного задержания и пыток. Условия содержания в некоторых переполненных местах предварительного заключения были настолько суровы, что были равносильны жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Заключение пожизненные приговоры, содержащиеся в условиях, равносильных жестокому обращению, а в отдельных случаях, возможно, и пыткам. <...>

ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ¹

I. Общие положения

1. Настоящие Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы² на основании Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации³ регламентируют внутренний распорядок работы воспитательных колоний в целях создания наиболее благоприятных возможностей для реализации предусмотренных законом порядка и условий исполнения наказания в виде лишения свободы, обеспечения изоляции, охраны прав, законных интересов осужденных и исполнения ими своих обязанностей.

2. Правила применяются во всех воспитательных колониях⁴, дислоцирующихся на территории Российской Федерации, и обязательны для сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы⁵, осужденных и лиц, посещающих данные учреждения. Нарушение Правил влечет ответственность, установленную действующим законодательством.

II. Прием осужденных в воспитательную колонию

3. Прием осужденных в воспитательную колонию осуществляется оперативным дежурным, сотрудниками отделов режима, оперативно-го, специального учета, медицинской части и психологом.

4. Во время приема осужденных сотрудник отдела специального учета устанавливает принадлежность личных дел прибывшим осужденным, проверяет наличие в них необходимых документов. Медицин-

¹ Утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 октября 2006 г. № 311.

² Далее – Правила.

³ Далее – УИК.

⁴ Далее – ВК.

⁵ Далее – УИС.

ский работник проводит наружный осмотр осужденных с целью выявления у них телесных повреждений, оказания необходимой помощи и принятия соответствующих мер. С каждым вновь прибывшим индивидуально проводят беседы оперативный сотрудник и психолог с целью выявления неприязненных отношений с другими осужденными для последующего размещения в карантинном отделении.

5. Прибывшие в ВК осужденные после уточнения данных подвергаются полному обыску, а принадлежащие им вещи – досмотру.

6. Вещи и предметы, продукты питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать (Приложение № 1), изымаются в установленном порядке, передаются на хранение либо уничтожаются в соответствии с правилами раздела XX настоящей Инструкции.

7. В день прибытия после полного обыска осужденные проходят комплексную санитарную обработку и размещаются в карантинном отделении, где за ними устанавливается медицинское наблюдение продолжительностью до 15 суток. При выявлении в этот период инфекционных больных они немедленно изолируются в медицинскую часть, больницу и в учреждении проводится комплекс противоэпидемических мероприятий.

8. В период пребывания в карантинном отделении осужденные содержатся в обычных условиях отбывания наказания, где они знакомятся с порядком и условиями отбывания наказания, со своими правами и обязанностями, установленными законодательством Российской Федерации и настоящими Правилами, предупреждаются об ответственности за нарушения установленного порядка отбывания наказания в ВК. Начальником колонии или его заместителем с осужденными проводится беседа о положительных традициях в ВК.

9. Решение о распределении осужденных по отрядам (отделениям) принимается комиссией ВК, возглавляемой начальником колонии, с учетом полученных данных об индивидуально-психологических особенностях их личности. В состав комиссии включаются заместители начальника колонии, начальники отрядов, директора общеобразовательной школы и профессионального училища, руководитель производства, начальник психологической лаборатории (психолог), начальники отделов режима, оперативного, труда и заработной платы, начальник медицинской части, работник группы социальной защиты. Решение комиссии оформляется в виде приказа, фиксируется в специальном журнале и утверждается начальником колонии.

10. Количество отрядов устанавливается в зависимости от общей численности осужденных в учреждении. Отделения формируются по

принципу «класс – отделение» или «класс – отделение – группа профессиональной подготовки».

11. Администрация ВК в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством извещает суды, вынесшие приговоры, о начале и месте отбывания осужденными уголовного наказания.

Администрация ВК обязана не позднее 10 суток со дня прибытия осужденного направить уведомление одному из родственников по его выбору. В данном уведомлении указывается: почтовый адрес учреждения, перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать; порядок переписки, получения и отправления денежных переводов, предоставления выездов за пределы воспитательной колонии, свиданий, телефонных разговоров, дата окончания срока наказания.

О прибытии осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживавших до заключения под стражу за границей либо временно в Российской Федерации, уведомления, кроме того, направляются в посольства или консульства, представляющие интересы этих лиц в Российской Федерации.

III. Взаимоотношения сотрудников, работников ВК и осужденных

12. Взаимоотношения сотрудников, работников и осужденных основываются на строгом соблюдении законов Российской Федерации и определяются целями наказания.

13. Сотрудники и работники обязаны сочетать высокую требовательность с внимательным и доброжелательным отношением к каждому осужденному.

14. Сотрудникам и работникам категорически запрещается вступать с осужденными и их родственниками в отношения, не предусмотренные должностными обязанностями, пользоваться их услугами, а также допускать жестокое обращение с осужденными или унижать их достоинство.

15. Сотрудники и работники ВК могут обращаться к осужденным на «вы» и называть их «осужденный», «осужденная», по фамилии либо имени.

16. Осужденные обязаны быть вежливыми с сотрудниками и работниками, беспрекословно выполнять их законные требования. При встрече с сотрудниками и работниками ВК и другими лицами, посещающими колонию, осужденные обязаны здороваться, вставая, и обращаться к сотруднику и работнику на «вы», по имени и отчеству либо называя его «гражданин», «гражданка» и далее по званию либо занимаемой должности.

IV. Основные права и обязанности осужденных

17. Осужденные имеют право на:

получение информации о своих правах и обязанностях; порядке и условиях отбывания наказания; порядке изменения условий отбывания назначенного судом вида наказания; порядке обращения с ходатайством о помиловании, об освобождении от отбывания наказания и представлении о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

обращение с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами в территориальные органы уголовно-исполнительной системы, Федеральную службу исполнения наказаний, суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека;

вежливое обращение со стороны персонала ВК;

личное время, предусмотренное распорядком дня;

участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, пользование библиотекой, настольными играми, прослушивание радиопередач, просмотр телепередач, кино- и видеофильмов в установленное время;

приобретение вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным не запрещается иметь при себе, в пределах сумм, установленных уголовно-исполнительным законодательством, на деньги, находящиеся на их лицевых счетах, а также получать их в посылках, передачах и бандеролях;

краткосрочные и длительные свидания по установленным УИК нормам;

обращение по личным вопросам к администрации ВК;

получение и отправление писем, посылок и бандеролей, денежных переводов в установленном УИК порядке;

пользование телефонными разговорами в порядке, установленном УИК;

охрану здоровья и личную безопасность;

свободу совести и свободу вероисповедания;

получение юридической помощи;

вступление в самодеятельные организации осужденных;

психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи. Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия;

с разрешения начальника колонии на содержание птиц, декоративных рыб и комнатных растений;

осуществление иных прав, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

При осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказания, а также ущемляться права и законные интересы других лиц.

18. Осужденные обязаны:

выполнять требования настоящих Правил, соблюдать распорядок дня, установленный в ВК;

являться по вызову должностных лиц колонии, давать письменные объяснения по их требованию по фактам нарушения установленного порядка отбывания наказания;

проходить медицинское освидетельствование с целью выявления фактов употребления спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных, сильнодействующих (токсичных) веществ;

быть вежливыми с сотрудниками и работниками ВК и в общении друг с другом;

бережно относиться к имуществу ВК и другим видам имущества;

содержать в чистоте жилые и служебные помещения, учебные и рабочие места, по установленному образцу заправлять постель, соблюдать правила личной гигиены;

хранить продукты (Приложение № 2) и предметы индивидуального пользования в специально оборудованных местах;

в установленном порядке выполнять работы по благоустройству колонии, а также прилегающей к ней территории;

передвигаться группами по территории ВК только строем;

носить одежду установленного образца и нагрудные знаки на ней (Приложение № 3);

соблюдать требования пожарной безопасности, а также техники безопасности на производстве;

исполнять иные требования, установленные законодательством Российской Федерации.

19. Осужденным запрещается:

нарушать границу территории ВК либо линию охраны объектов, подходить к основному ограждению;

выходить без разрешения администрации за пределы участков жилой и производственной зон;

подниматься на крыши домов, цехов и других строений, находиться без соответствующего разрешения на территории отрядов, в кото-

рых они не проживают, учебных кабинетах либо цехах производственных объектов, где они не работают или не учатся;

покидать помещения, нахождение в которых регламентировано распорядком дня;

самовольно возводить различные постройки, изготавливать шкафы и сейфы, пользоваться заточным оборудованием, инструментом, механизмами и другими материалами не для производственных нужд;

менять без разрешения спальные места, а также оборудовать спальные места вне жилых помещений отрядов;

иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и бандеролях либо приобретать вещи и предметы, продукты питания, предусмотренные перечнем (приложение № 1);

выносить продукты питания из столовой без разрешения администрации, приготавливать и употреблять пищу в не предусмотренных для этого местах;

играть в настольные и иные игры с целью извлечения личной выгоды;

употреблять нецензурные и жаргонные слова, присваивать клички, наносить себе и другим лицам татуировки;

курить в не отведенных для этого местах;

вывешивать на стенах без разрешения администрации репродукции картин, фотографии, открытки и другую печатную продукцию.

V. Распорядок дня

20. В каждой ВК устанавливается строго регламентированный распорядок дня с учетом складывающейся обстановки, времени года, местных условий и других обстоятельств.

21. Распорядок дня ВК разрабатывается на основе примерного распорядка дня (Приложение № 4), утверждается начальником ВК и доводится до сведения персонала и осужденных.

22. Распорядок дня включает в себя время подъема, отбоя, утреннего и вечернего туалета, физической зарядки, принятия пищи, обучения в школе, профессиональном училище, развода на работу, учебу, работы на предприятии, проведения воспитательных и спортивных мероприятий и т. д. При этом предусматривается непрерывный сон осужденных не менее восьми часов и предоставление им личного времени.

23. Еженедельно начальником ВК или его заместителем организуется смотр осужденных, во время которого проверяется их внешний вид, состояние одежды, обуви и стрижки.

24. Контроль за соблюдением распорядка дня возлагается на оперативного дежурного.

25. Проверки наличия осужденных проводятся путем их пересчета и переклички по фамилии, имени и отчеству ежедневно утром и вечером в часы, определенные распорядком дня. В ночное время проверка наличия осужденных проводится один раз путем просчета осужденных на спальных местах. В необходимых случаях проверка может проводиться в любое время суток.

26. Для пофамильной проверки все осужденные выстраиваются по отрядам (по отделениям) в специально установленных местах. От построения освобождаются только лица, отдыхающие после работы либо имеющие освобождение по болезни (с постельным режимом). Проверка наличия осужденных, занятых на работах, оставление которых невозможно (рабочие по кухне и т. д.), производится на местах их пребывания.

27. В ненастную погоду и при температуре ниже 10 градусов по Цельсию проверки производятся только в помещении.

28. Утренние и вечерние проверки не должны длиться свыше 30 минут. На проверках поочередно присутствуют начальник ВК и его заместители.

29. Проверка наличия осужденных в карантинном отделении, стационаре медицинской части, в изолированном жилом помещении для строгих условий отбывания наказания, дисциплинарном изоляторе, безопасном месте, общежитии за пределами колонии организуется в местах их пребывания силами дежурной смены и воспитателями.

VI. Прием осужденными пищи

30. Прием осужденными пищи производится в часы, установленные распорядком дня, поотрядно в столовой, оборудованной 4–6-местными столами.

31. Для поддержания должного порядка во время приема пищи осужденными в столовой присутствуют дежурные воспитатели и оперативный дежурный.

32. Осужденные посещают столовую поотрядно. При входе в столовую снимают верхнюю одежду, моют руки, занимают отведенные для отряда места. Выход осужденных из столовой осуществляется по команде воспитателя или оперативного дежурного.

33. В целях обеспечения непрерывной работы коммунально-бытовых объектов (бани, парикмахерской, прачечной и т. д.) начальник ВК может разрешить осужденным, работающим на этих объектах, прием пищи в составе других отрядов и отделений.

34. Лица, содержащиеся в дисциплинарном изоляторе, пищу принимают покамерно. Осужденные, содержащиеся в строгих условиях

отбывания наказания, карантинном отделении и стационаре медицинской части, принимают пищу в специально оборудованных помещениях. При организации питания в указанных помещениях доставка горячей пищи из столовой осуществляется в специально выделенных и промаркированных термосах.

35. Осужденными, проживающими за пределами колонии, прием пищи осуществляется в местах их проживания в специально оборудованных для этого помещениях или на объектах работ.

36. В помещении отряда (при отсутствии возможности – в другом специально отведенном месте) оборудуется комната, где осужденные хранят и употребляют продукты питания, приобретенные в магазине или полученные в посылке, передаче.

37. Указанные помещения ежедневно проверяются медперсоналом колонии в целях контроля за соблюдением санитарно-гигиенических норм, правил и условий хранения продуктов питания, их пригодности к употреблению.

38. Выдача продуктов питания производится работником ВК и организуется во время, отведенное расписанием дня, в соответствии с графиком, утвержденным начальником ВК. Осужденным предоставляется возможность пользоваться посудой и столовыми приборами.

VII. Передвижение осужденных в пределах колонии

39. Передвижение групп осужденных по территории колонии осуществляется строем (без маршировки) под управлением представителя администрации.

40. В личное время осужденные могут передвигаться в пределах территории жилой зоны ВК вне строя.

41. В период от отбоя до подъема передвижение осужденных за пределами жилого помещения без разрешения администрации колонии не допускается.

42. Передвижение осужденных, находящихся в строгих условиях, за пределами изолированного помещения осуществляется только в сопровождении представителя администрации.

43. В установленное расписанием дня время осужденные выстраиваются в отведенном месте для вывода на работу.

44. Начальником ВК с учетом условий труда устанавливается порядок поведения осужденных на производственных объектах, который предусматривает прибытие осужденных на объект строем, их инструктаж начальниками цехов (участков) или мастерами, подведение итогов работы, порядок сдачи рабочих мест и другие вопросы.

45. В установленное расписанием дня время осужденные выстраиваются для следования в школу, профессиональное училище и принимаются дежурным учителем школы или мастером профессионального училища по спискам.

VIII. Поведение осужденных за пределами воспитательной колонии

46. Осужденным разрешается передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ВК, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы.

47. Право передвижения без конвоя или сопровождения предоставляется осужденному на основании постановления начальника ВК, которое приобщается к личному делу осужденного.

48. Осужденному, которому предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения, выдается пропуск (Приложение № 5). Бланки пропусков изготавливаются типографским способом, хранятся в отделе режима и подлежат строгому учету.

50. Перед выдачей пропуска осужденному, которому разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ВК, под расписку объявляются правила поведения и проводится инструктаж. Расписка приобщается к личному делу осужденного.

51. Передвижение без конвоя или сопровождения разрешается осужденному только в часы и по маршруту, указанным в пропуске. Время его выхода из жилой зоны и возвращения в нее определяется разрядкой на вывод осужденного на работу.

52. Осужденные, которым предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения, размещаются в отдельных жилых помещениях в пределах ВК. Они также могут размещаться в отдельном помещении за пределами ВК, но в пределах границ, установленных администрацией по согласованию с органами местного самоуправления. В этом случае на них распространяется расписание дня, установленный руководством учреждения для лиц, проживающих в данном помещении.

53. В случае нарушения осужденным правил поведения или отклонения от маршрута движения по постановлению начальника учреждения он лишается права передвижения без конвоя или сопровождения.

54. Осужденный также лишается права передвижения без конвоя или сопровождения при изменении характера работ. Пропуск у лица, лишенного такого права, отбирается и уничтожается.

55. Осужденные, не имеющие права передвижения без конвоя или сопровождения, направляемые на погрузочно-разгрузочные, сельско-

хозяйственные и другие работы за пределами колонии, связанные с жизнеобеспечением ВК, находятся под надзором младших инспекторов дежурной смены.

56. Осужденным, пользующимся правом передвижения без конвоя или сопровождения, а также переведенным в льготные условия отбывания наказания, проживающим за пределами ВК, выдается пропуск установленного образца.

О получении пропуска осужденный расписывается на постановлении начальника учреждения о предоставлении осужденному права передвижения без конвоя или сопровождения либо отбывающему наказание в льготных условиях и проживающему за пределами воспитательной колонии.

57. Осужденным, переведенным в льготные условия отбывания наказания и проживающим за пределами ВК, разрешается пользоваться деньгами и носить гражданскую одежду.

58. Находясь вне общежития и территории проживания, осужденные обязаны:

соблюдать маршрут и время передвижения, правила общественного порядка;

своевременно возвращаться после работы в общежитие и сообщать о прибытии представителям администрации;

по первому требованию работников ВК и сотрудников милиции предъявлять пропуск.

59. Осужденным запрещается:

выходить из общежития и с территории проживания в не установленное расписанием дня время;

в рабочее время оставлять объект работы;

принимать для вручения или отправки передачи и письма, выполнять другие поручения осужденных;

передавать пропуск другим лицам.

60. Настоящие правила поведения объявляются осужденному под расписку, которая приобщается к его личному делу вместе с постановлением о предоставлении права передвижения без конвоя или сопровождения либо о переводе в льготные условия отбывания наказания с правом проживания за пределами учреждения.

61. В свободное от работы время они должны находиться в пределах общежития и соблюдать внутренний распорядок дня ВК.

62. Находящиеся вне жилой зоны осужденные обязаны при возвращении в учреждение сдавать пропуск оперативному дежурному.

IX. Выезды осужденных за пределы воспитательной колонии

63. Разрешение на краткосрочный выезд за пределы ВК в случаях, предусмотренных законодательством, дает начальник воспитательной колонии на основании письменного заявления осужденного.

64. К заявлению осужденного с просьбой о разрешении краткосрочного выезда в связи с исключительными личными обстоятельствами прилагаются официальные документы, подтверждающие наличие таких обстоятельств (справки органов здравоохранения, органов местного самоуправления и другие документы).

65. К заявлению осужденного с просьбой о разрешении краткосрочного выезда для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения прилагается мотивированное ходатайство работника группы социальной защиты.

66. Длительные выезды на время ежегодного оплачиваемого отпуска предоставляются по заявлению осужденного. Очередность выездов осужденных, не обеспеченных работой по независящим от них причинам, устанавливается по отдельному графику. Разрешение на выезд дается с соблюдением требований действующего законодательства и оформляется приказом за подписью начальника ВК.

67. Несовершеннолетним осужденным выезд за пределы воспитательной колонии разрешается только в сопровождении родственника или иного сопровождающего лица.

68. Осужденному, получившему разрешение на краткосрочный или длительный выезд, выдается удостоверение (Приложение № 6), разъясняется порядок выезда. Лица, достигшие возраста 16 лет, предупреждаются об ответственности за уклонение от отбывания наказания, о чем дается подписка (Приложение № 7).

69. По письменному заявлению осужденного необходимые для осуществления выезда деньги, имеющиеся на его лицевом счете, выдаются бухгалтерией ВК. Администрация колонии оказывает содействие в приобретении проездных билетов.

70. На период выезда осужденному выдается принадлежащая ему гражданская одежда и обувь.

71. Выезды всех видов приостанавливаются при введении режима особых условий и в случае проведения противоэпидемических мероприятий в учреждении или местности, в которой оно расположено. Выезды возобновляются после снятия всех ограничений.

72. В суточный срок по прибытии к месту назначения осужденный обязан явиться в дежурную часть органа внутренних дел, а в сельской местности – к участковому инспектору милиции и поставить в удостове-

верении отметку о прибытии, сообщить цель приезда, срок и место пребывания, дату убытия. По окончании отпуска осужденный в том же органе внутренних дел должен поставить в удостоверении отметку о выезде. При убытии в ВК в ночное время или рано утром отметка производится в день, предшествующий отъезду. Отметки о дате прибытия и убытия заверяются печатью органа внутренних дел.

73. По возвращении в учреждение осужденный предъявляет удостоверение и проездные билеты. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств, затрудняющих обратный выезд осужденного в установленный срок, по постановлению начальника органа внутренних дел по месту пребывания осужденного срок возвращения в ВК может быть продлен до пяти суток с обязательным срочным уведомлением об этом администрации ВК.

74. При заболевании во время выезда и необходимости госпитализации осужденный либо его родители или лица, их заменяющие, немедленно извещают об этом администрацию ВК и орган внутренних дел по месту пребывания. В этом случае он может быть направлен в ближайшее лечебное учреждение уголовно-исполнительной системы или лечебные учреждения органов здравоохранения.

75. После окончания лечения и выписки осужденный в установленном порядке убывает к месту отбывания наказания.

Х. Предоставление осужденным права посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами ВК и выхода за пределы ВК в порядке поощрения

76. Право посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами ВК в сопровождении сотрудников данной колонии, а также право выхода за пределы ВК в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников предоставляется осужденному на основании приказа (постановления) за подписью начальника колонии о поощрении с отметкой о сроках его нахождения за пределами колонии.

77. При выходе за пределы территории ВК осужденному выдается справка (приложение № 8), которая после возвращения осужденного приобщается к его личному делу. Перед ее выдачей осужденному под расписку объявляются правила поведения и проводится инструктаж. Расписка приобщается к личному делу осужденного. На время выхода за пределы колонии осужденному выдается принадлежащая ему гражданская одежда. При возвращении осужденный подвергается обыску.

78. Посещение осужденными культурно-зрелищных и спортивных мероприятий, проводимых в ночное время, не допускается. Продол-

жительность выхода за пределы воспитательной колонии не может превышать восьми часов. Осужденные имеют право снять со своих лицевых счетов деньги для приобретения во время выхода за пределы колонии продуктов питания и оплаты посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий.

XI. Проведение отпуска осужденных без выезда за пределы воспитательной колонии

79. Ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется на основании заявления осужденного согласно графику, утвержденному начальником воспитательной колонии. Во время отпуска осужденные проживают как в помещении отряда, так и в специально отведенном помещении.

80. На время отпуска осужденные освобождаются от работы на предприятии и работы по самообслуживанию. Проживающие в отряде подчиняются общему распорядку дня ВК и имеют право на послеобеденный час отдыха. Проживающие в специально отведенном помещении подчиняются отдельному распорядку дня, утвержденному начальником ВК.

81. В дневнике индивидуальной воспитательной работы с осужденным старшим воспитателем делается отметка о начале и конце отпуска.

XII. Особенности содержания осужденных в различных помещениях

82. Содержание осужденных в карантинном отделении осуществляется по распорядку дня (приложение № 9), который утверждает начальником ВК и доводится до осужденных и персонала учреждения.

83. Наряду с медицинским обследованием и санитарно-гигиеническими мероприятиями в течение 15 суток проводится предварительное изучение личности осужденного, особенностей его характера, определенного образовательного уровня, степени педагогической запущенности.

84. Во время нахождения в карантинном отделении с осужденными проводятся занятия по специальной программе, которая предусматривает ознакомление с порядком и условиями отбывания наказания, мерами ответственности за их нарушения, правами и обязанностями осужденных, порядком обращения с предложениями, ходатайствами, заявлениями и жалобами. Они информируются о применении в ВК аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, о предусмотренных законодательством случаях применения физической силы, специальных средств и оружия.

85. Воспитательное воздействие на несовершеннолетних осужденных в карантинном отделении проводится в форме занятий, бесед, вечеров вопросов и ответов, встреч с сотрудниками и т. д.

В это же время проводится психологическое изучение личности осужденных с целью выявления лиц, склонных к употреблению наркотических веществ и спиртных напитков, агрессии, иным противоправным действиям, для определения программы дальнейшей работы с указанными категориями осужденных.

86. В карантинном отделении осужденным предоставляется возможность читать книги, газеты и журналы, прослушивать радиопередачи, смотреть телепередачи. По письменному заявлению осужденных им может быть разрешен телефонный разговор.

87. В стационаре медицинской части осужденным предоставляется возможность читать книги, газеты и журналы, прослушивать радиопередачи, смотреть телепередачи в случае отсутствия медицинских противопоказаний.

88. Длительные и краткосрочные свидания осужденным, находящимся на стационарном лечении, предоставляются по заключению врача и разрешению начальника ВК. Свидания, не предоставленные осужденному в период болезни, переносятся на другое время.

89. Посылки, передачи и бандероли выдаются осужденному по месту его лечения.

90. В случае тяжелой болезни осужденного, представляющей опасность для его жизни, начальник ВК предоставляет возможность близким родственникам посетить больного.

91. Водворение осужденного в дисциплинарный изолятор (далее – ДИЗО) производится только при наличии медицинского заключения о возможности содержания его в ДИЗО по состоянию здоровья. До наложения взыскания у осужденного отбирается письменное объяснение. В случае отказа осужденного от дачи объяснения составляется соответствующий акт.

92. Постановление о водворении в ДИЗО объявляется осужденному начальником ВК или лицом, его замещающим, после обязательной личной беседы.

Содержание осужденных в ДИЗО осуществляется по распорядку дня (Приложение № 10), который утверждается начальником ВК и доводится до осужденных и персонала.

93. Прием в ДИЗО производится младшим инспектором под руководством оперативного дежурного. При поступлении осужденные подвергаются полному обыску, после чего переодеваются в одежду, закрепленную за данным помещением.

94. Осужденным запрещается брать с собой имеющиеся у них продукты питания и личные вещи, за исключением полотенца, мыла, зубной пасты (зубного порошка), зубной щетки, туалетной бумаги, средств личной гигиены (для осужденных женского пола), выписанных ими журналов и газет, а также религиозной литературы, предметов культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения. Им разрешается пользоваться учебниками и учебной литературой, печатными изданиями из библиотеки учреждения. Также разрешается иметь при себе судебные решения по их делу, ответы по результатам рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб.

95. На время сна они обеспечиваются постельными принадлежностями.

96. Осужденные выводятся на учебные занятия в приспособленное для этой цели помещение, расположенное в ДИЗО. Лицам, содержащимся в ДИЗО, предоставляется ежедневная прогулка продолжительностью два часа. При выводе за пределы помещения им выдается верхняя одежда по сезону.

97. К лицам, нарушающим правила содержания в ДИЗО, принимаются все предусмотренные меры взыскания, за исключением повторного водворения в ДИЗО.

98. Уборка камер ДИЗО производится поочередно лицами, содержащимися в них.

99. На срок водворения в ДИЗО осужденным запрещаются длительные свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение. Краткосрочные свидания осужденным, водворенным в ДИЗО, предоставляются в порядке, предусмотренном настоящими Правилами.

100. Посылки, передачи и бандероли осужденным, содержащимся в дисциплинарном изоляторе, вручаются после отбытия срока взыскания. Администрация ВК обеспечивает сохранность вложений посылок, передач и бандеролей.

101. По отбытии взыскания постановление о водворении в ДИЗО приобщается к личному делу осужденного. Досрочное освобождение осужденного из ДИЗО возможно по постановлению начальника ВК или лица, его замещающего, по медицинским показаниям, а также в воспитательных целях.

102. В экстренных случаях при отсутствии начальника колонии, когда иными мерами пресечь совершаемое преступление или нарушение режима невозможно, осужденный может быть помещен в ДИЗО по поста-

новлению оперативного дежурного до прихода начальника, но не более чем на 24 часа. Такая мера изоляции взысканием не является.

XIII. Особенности содержания осужденных в строгих условиях отбывания наказания

103. Осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях, проживают в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы и работы время. Помещения оборудуются полным комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от осужденных, отбывающих наказание в других условиях.

104. Лица, помещенные в изолированное помещение, из состава отрядов и отделений не исключаются. Старшие воспитатели (воспитатели), психологи, учителя, мастера, сотрудники отдела режима, оперативного отдела проводят с ними воспитательную и профилактическую работу по установленному распорядку дня.

105. Приобретение осужденными продуктов питания, предметов первой необходимости осуществляется воспитателем по предварительным заказам из имеющегося в магазине ассортимента товаров.

106. Пользование библиотекой обеспечивается в условиях изоляции от других осужденных.

107. Обучение в общеобразовательной школе ВК, профессиональном училище в период пребывания в строгих условиях отбывания наказания организуется в специальном кабинете, оборудованном в изолированном помещении.

108. Трудовая занятость также организуется в рабочих кабинетах, оборудованных в изолированном помещении.

109. Медицинский осмотр, санитарная обработка, амбулаторное лечение осужденных организуются отдельно от других осужденных.

110. Культурно-массовые мероприятия с осужденными проводятся в пределах помещения, в котором они проживают.

XIV. Перевод осужденного в безопасное место

111. При возникновении угрозы личной безопасности осужденного со стороны других осужденных или иных лиц он вправе обратиться с устным или письменным заявлением к любому должностному лицу учреждения. Сотрудник или работник ВК обязан незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного.

112. Начальник ВК по заявлению осужденного либо при получении информации об угрозе личной безопасности осужденного незамедлительно организует по ним проверку и, в случае их подтверждения, при-

нимает решение о переводе осужденного в безопасное место либо применяет иные меры, устраняющие угрозу его жизни и здоровью.

113. Перевод осужденного в безопасное место производится по постановлению начальника ВК на срок не свыше 30 суток. В экстренных случаях перевод осуществляется по решению оперативного дежурного, но не более чем на 24 часа. В выходные и праздничные дни оперативный дежурный может продлить срок содержания в безопасном месте еще на 24 часа.

114. В случае безуспешности перечисленных мер по обеспечению безопасности осужденного начальник ВК принимает меры для перевода его либо лица, от которого исходит угроза, в другое исправительное учреждение в установленном порядке.

XV. Переписка осужденных, получение и отправление денежных переводов

115. Осужденным разрешается получать и отправлять письма и телеграммы за счет собственных средств в неограниченном количестве. Получение и отправление ими писем производятся только через администрацию ВК.

116. На территории колонии в отведенных администрацией местах вывешиваются почтовые ящики, из которых ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, почтовые отправления изымаются специально назначенным для этого сотрудником. Отправление телеграмм производится путем заполнения осужденным бланка установленной формы, получаемого у администрации воспитательной колонии. Отправление телеграмм производится не позднее следующего дня, если этому не препятствуют сложившиеся обстоятельства (поломка или отсутствие транспорта в тех случаях, когда ВК значительно удалена от отделения связи, выходные или праздничные дни и др.).

117. Письма, поступившие на имя осужденного после его убытия из данной ВК, не позднее трех суток отправляются по новому месту его нахождения. Доплатные письма оплачиваются за счет адресата.

118. Получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации учреждения в соответствии с требованиями законодательства. Переписка осужденного с судом, прокуратурой, территориальным органом уголовно-исполнительной системы, Федеральной службой исполнения наказаний, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с зако-

нодательством Российской Федерации, Европейским Судом по правам человека цензуре не подлежит. Переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению начальника воспитательной колонии или его заместителя.

119. Денежные переводы, поступившие осужденным, зачисляются на их лицевые счета. Для отправления перевода близким родственникам и иным лицам осужденный заполняет бланк установленной формы и обращается с заявлением о переводе определенной суммы из средств, имеющихся на его лицевом счете. Прием заполненных бланков и заявлений осуществляется уполномоченными на то должностными лицами. Квитанция о переводе средств после ознакомления с ней осужденного приобщается к его личному делу.

120. При отправлении денежных переводов иным лицам осужденный указывает в заявлении причины, по которым он хочет отправить перевод. Решение администрации по данному заявлению принимается не позднее пяти дней со дня подачи заявления. О принятом решении сообщается осужденному.

XVI. Предоставление осужденным свиданий

121. Первое свидание может быть предоставлено осужденному сразу же по прибытии в ВК независимо от того, когда ему предоставлялось предыдущее свидание в местах содержания под стражей. При наличии права на краткосрочное и длительное свидание вид первого свидания определяет сам осужденный.

122. Последующие свидания предоставляются по истечении периода, равного частному от деления двенадцати месяцев на количество свиданий данного вида, полагающихся осужденному в год. В исключительных случаях и при наличии такой возможности свидание может быть предоставлено ранее положенного срока по прибытии в ВК родственников осужденного. Количество свиданий при этом не должно превышать установленной нормы. Объединение свиданий либо разъединение одного свидания на несколько не допускается.

123. Продолжительность краткосрочных свиданий четыре часа, а длительных в пределах территории ВК – трое суток. Начальником ВК

может быть предоставлено длительное свидание с проживанием за пределами колонии длительностью пять суток. Продолжительность свидания может быть сокращена администрацией по настоянию лиц, находящихся на свидании.

124. При отказе в предоставлении свидания на заявлении желающего встретиться с осужденным делается пометка о причине отказа.

125. Во время свиданий не допускается передача осужденному и прием от него каких-либо документов, записей, чертежей и т. д., кроме указанных в п. 17 Приложения № 1 настоящих Правил. Деньги, ценности, вещи и предметы, продукты питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, сдаются на хранение младшему инспектору по проведению свидания под роспись в специальном журнале.

126. При наличии достаточных оснований полагать, что лицо, прибывшее на свидание, намерено передать осужденному деньги, ценности, вещи и предметы, продукты питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, начальник ВК объявляет такому лицу о том, что свидание ему будет предоставлено лишь в случае его согласия на досмотр принадлежащих вещей и одежды до начала свидания. В случае обнаружения скрытых от досмотра запрещенных вещей и предметов и выявления лиц, пытавшихся передать их осужденным, администрацией рассматривается вопрос о применении к ним мер административного воздействия.

127. Если лицо, прибывшее на свидание, откажется от досмотра вещей и одежды, длительное свидание с осужденным ему не разрешается, однако может быть предоставлено краткосрочное свидание.

128. Время, в течение которого осужденному не предоставлялись свидания в связи с режимом особых условий, введенным в ВК на основании статьи 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, засчитывается в срок, по истечении которого осужденному могут быть предоставлены свидания.

129. Замена длительного свидания краткосрочным производится по письменному заявлению осужденного.

130. Краткосрочные свидания с родственниками или иными лицами предоставляются осужденному в присутствии представителей администрации ВК.

Разговор на краткосрочных свиданиях ведется на языке, выбранном лицами, прибывшими на свидание. Если никто из администрации ВК не знает языка, для контроля за содержанием беседы может быть приглашен переводчик или другое лицо (за исключением осужденно-

го), владеющее этим языком. Пронос лицами, прибывшими на свидание с осужденными, в комнаты краткосрочных свиданий каких-либо ценностей, денег, продуктов или вещей не допускается.

131. Лица, прибывшие на свидание, информируются о правилах поведения во время свидания и предупреждаются о немедленном прекращении свидания, если будет замечено нарушение правил.

132. При нарушении любой из сторон установленного порядка поведения на свидании оно немедленно прерывается, о чем инспектор докладывает оперативному дежурному, который принимает окончательное решение.

133. Длительные свидания предоставляются осужденному с правом совместного проживания с родителями, усыновителями, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, а также с супругом (супругой) и детьми. Длительные свидания с иными лицами предоставляются с разрешения начальника ВК.

134. Администрация ВК освобождает осужденных от работы на период длительного свидания.

135. На период длительных свиданий осужденному выдается одежда, белье и обувь из обменного фонда, постоянно хранящегося у младшего инспектора по проведению свиданий. Осужденный может пользоваться одеждой, бельем и обувью, принесенными родственниками. До и после свидания осужденные подвергаются полному обыску.

136. Осужденному разрешается приносить в комнаты длительных свиданий туалетные принадлежности, личные альбомы, фотографии, а в зимний период – теплые вещи.

137. В комнату длительных свиданий разрешается проносить продукты питания и напитки, за исключением алкогольных и пива.

138. Осужденному разрешается выносить после свидания продукты питания и предметы первой необходимости, которые не запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать.

139. В случае предоставления осужденному длительного свидания за пределами ВК место проведения свидания согласуется с начальником учреждения. При этом на осужденных и лиц, прибывших на свидание, распространяются правила поведения, установленные для проведения длительных свиданий в пределах ВК.

140. Осужденному, которому разрешено длительное свидание за пределами ВК, выдается справка, аналогичная той, которая выдается лицу, получившему право выхода за пределы колонии в порядке поощрения.

141. В случае опоздания осужденного с длительного свидания за пределами ВК администрацией проводится проверка, при необходимости к нему применяются меры дисциплинарного воздействия.

142. При проведении свиданий могут предоставляться дополнительные услуги. Их оплата производится за счет собственных средств осужденных или лиц, прибывших на свидание.

XVII. Предоставление осужденным телефонных разговоров

143. Телефонный разговор предоставляется по письменному заявлению осужденного, в котором указываются адрес, номер телефона абонента и продолжительность разговора, не превышающая 15 минут. Телефонные разговоры могут контролироваться администрацией колонии.

144. Для организации телефонных разговоров в соответствии с порядком организации телефонных разговоров, определенным Федеральной службой исполнения наказаний, в ведении которого находится исправительное учреждение, на территории жилой зоны устанавливается таксофонный аппарат. В случае невозможности его установки по техническим причинам используется телефон, находящийся в специально отведенном месте. Телефонные разговоры оплачиваются за счет средств осужденных, их родственников или иных лиц по действующим тарифам.

145. По прибытии в учреждение, а также при наличии исключительных личных обстоятельств администрация ВК предоставляет осужденному возможность телефонного разговора по его просьбе.

146. Осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания, а также в дисциплинарном изоляторе, телефонный разговор может быть разрешен лишь при исключительных личных обстоятельствах.

147. В исключительных случаях с разрешения начальника ВК осужденному может быть разрешен телефонный разговор с родственником, отбывающим наказание в виде лишения свободы.

Телефонные разговоры осужденных могут контролироваться персоналом исправительных учреждений.

XVIII. Прием и получение осужденными посылок, передач и бандеролей

148. Осужденным разрешено получение посылок, передач и бандеролей без ограничения их количества. Максимальный вес одной посылки или бандероли определяется почтовыми правилами. Вес одной передачи не должен превышать установленный вес одной посылки.

149. Для приема посылок, передач и бандеролей за пределами ВК оборудуются специальные помещения, вход в которые свободен для граждан. В них устанавливаются столы с письменными принадлежностями, стулья и скамейки, контрольные весы, ящик для заявлений и жалоб, поддерживается надлежащий санитарный порядок.

150. В указанных помещениях размещается информация о нормативных правовых актах, определяющих порядок предоставления свиданий, приема посылок, передач и бандеролей; перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах и бандеролях либо приобретать; распорядок работы комнаты приема посылок, передач и бандеролей; время приема граждан.

151. Учет посылок, передач, бандеролей, поступающих на имя осужденного, а также предоставляемых ему свиданий ведется младшим инспектором в специальных карточках, а вложения посылок и бандеролей – в специальной книге, которые подлежат строгому учету и хранению. Перечень и вес вложений посылок, передач и бандеролей регистрируются в специальном журнале, после чего они выдаются осужденному под роспись.

152. Лицо, доставившее передачу, составляет и подписывает заявление в двух экземплярах и передает их младшему инспектору.

153. Младший инспектор в присутствии лица, доставившего передачу, проверяет ее содержимое по ассортименту и весу, после чего, приняв передачу, возвращает первый экземпляр заявления лицу, доставившему ее, с росписью о приеме. Второй экземпляр заявления после расписки осужденного в получении передачи хранится у младшего инспектора.

154. Вещи и предметы, продукты питания, которые осужденным запрещено иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, возвращаются передающему лицу с указанием причины возврата либо изымаются в установленном порядке.

155. Вскрытие и досмотр содержимого бандеролей и посылок производятся младшим инспектором в присутствии адресатов. При осмотре и проверке вещей и предметов, продуктов, поступающих в посылках, соблюдается тот же порядок, что и при приеме передач.

156. Посылки и бандероли, адресованные осужденным, переведенным в другое исправительное учреждение, пересылаются к месту их содержания за счет ВК.

157. Посылки и бандероли, адресованные освобожденным либо умершим, возвращаются отправителям наложенным платежом с пометкой «подлежит возврату» и указанием причины.

158. При получении посылок, передач и бандеролей с лекарственными средствами и препаратами медицинского назначения должно быть составлено медицинское заключение о необходимости получения конкретным осужденным подобной посылки, передачи или бандероли. Осужденному такая посылка, бандероль или передача не вру-

чается, а направляется в медицинскую часть ВК для использования при лечении осужденного, в адрес которого она поступила.

159. Поступившие продукты питания проверяются медицинским работником на предмет годности к употреблению. Продукты, пришедшие в негодность, уничтожаются в присутствии осужденного, о чем составляется акт.

160. Вещи и предметы, продукты питания, которые осужденным запрещено иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, возвращаются отправителю наложенным платежом либо уничтожаются в установленном порядке. Обнаруженные в посылках деньги зачисляются на лицевой счет осужденного. При переводе осужденного в другое исправительное учреждение деньги пересылаются в установленном порядке к месту его содержания.

161. Родственники или иные лица, прибывшие на свидание, могут приобрести необходимые продукты питания и предметы первой необходимости в магазине ВК. В этом случае они подают заявление в двух экземплярах, в котором перечисляют количество (вес) предметов первой необходимости или вес продуктов питания, которые желают передать осужденному, и оплачивают их стоимость через бухгалтерию ВК. Первые экземпляры заявления вручаются указанным лицам, а вторые – хранятся у младшего инспектора и по окончании свидания приобщаются к личному делу.

162. Осужденные могут по заявлению за счет собственных средств отправлять родственникам и иным лицам посылки и бандероли с продуктами питания и предметами первой необходимости, приобретенными в магазине ВК, а также предметы и вещи, находящиеся в личном пользовании или хранящиеся на складе. Досмотр таких отправок производится представителями администрации в присутствии осужденного.

163. Не ранее чем за месяц до освобождения осужденного, не имеющего на складе собственной одежды и обуви гражданского образца по сезону, администрация может получить на хранение поступившую от родителей, других лиц одежду и обувь гражданского образца, которые выдаются осужденному накануне дня его освобождения.

XIX. Приобретение продуктов питания, вещей и предметов первой необходимости

164. Осужденным разрешается приобретать по безналичному расчету продукты питания, предметы первой необходимости в пределах средств, установленных уголовно-исполнительным законодательством.

165. Для продажи осужденным продуктов питания и предметов первой необходимости в ВК организуются магазины или ларьки, график ра-

боты которых устанавливается администрацией ВК с учетом того, чтобы каждый осужденный имел возможность посетить магазин или ларек не менее четырех раз в месяц во время, отведенное расписанием дня.

166. Для осужденных, содержащихся в безопасном месте и изолированных помещениях, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения, а также содержащихся в льготных условиях с правом проживания за пределами колонии, по их заявлению продукты питания и предметы первой необходимости приобретаются сотрудниками либо работниками колонии. С этой целью каждому осужденному, имеющему право на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, выдается бланк заявления (приложение № 11), который после заполнения сдается администрации.

167. Сотрудник либо работник, производящий покупку, предварительно проверяет в финансовой части либо бухгалтерии наличие денег на лицевом счете осужденного. Купленный товар вручается осужденному под роспись на заявлении.

168. Осужденные, отбывающие наказание в льготных условиях и проживающие за пределами колонии, могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за пределами колонии самостоятельно, пользуясь наличными деньгами.

XX. Изъятие у осужденных вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать

169. Правом изъятия у осужденных запрещенных к использованию в ВК вещей и предметов, продуктов питания обладают представители администрации учреждения.

170. Изъятые у осужденного деньги не позднее чем в суточный срок (исключая выходные и праздничные дни) сдаются в финансовую часть либо в бухгалтерию, где зачисляются на лицевой счет осужденного без права пользования и распоряжения ими во время отбывания наказания. Изъятые ценные бумаги и иные ценности хранятся в бухгалтерии либо на складе ВК, о чем владельцу выдается квитанция.

171. Запрещенные вещи, предметы изымаются у осужденных в момент обнаружения, о чем составляется рапорт или акт, и проводится проверка.

172. Изъятые у осужденных запрещенные предметы и вещи, не относящиеся к ценностям, продукты питания сдаются на склад для хранения либо уничтожаются по постановлению начальника колонии, о чем составляется соответствующий акт с ознакомлением осужденного под роспись.

173. Обнаруженные на территории ВК деньги, а также деньги, полученные после реализации через магазины комиссионной торговли иных ценностей и вещей, принадлежность которых установить не представляется возможным, в установленном порядке обращаются в доход государства.

По факту изъятия предметов, изделий и вещей, которые могли бы быть использованы в преступных целях, проводится проверка.

XXI. Организация учебно-воспитательного процесса

174. В целях исправления осужденных в ВК организуется единый учебно-воспитательный процесс, направленный на формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, получение начального профессионального образования и подготовки, повышение образовательного и культурного уровня.

175. Учеба в общеобразовательной школе и профессиональном училище организуется в соответствии с положениями об организации деятельности школы и профессионального училища. При необходимости в школе создаются специальные (коррекционные) классы для обучения осужденных с ограниченными возможностями здоровья.

176. Администрация ВК с учетом требований уголовно-исполнительного законодательства создает условия для заочного обучения осужденных в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

177. Осужденным разрешается пользоваться библиотекой ВК. Обмен книг производится не реже одного раза в 7 дней.

178. Осужденные обеспечиваются центральными, республиканскими, краевыми и областными газетами из расчета не менее одного экземпляра на 25 человек.

По одной газете выделяется в карантинное отделение, медицинскую часть, безопасное место, изолированное жилое помещение, ДИЗО.

Индивидуальная подписка осужденных на периодическую печать осуществляется в установленном порядке на добровольных началах и организуется администрацией ВК через местные органы связи либо магазины.

179. Каждый осужденный может хранить при себе помимо учебников не более 10 экземпляров книг и журналов. Остальную литературу осужденные сдают на склад для хранения либо передают в библиотеку.

180. В ВК раз в неделю, а также в праздничные дни организуется бесплатная демонстрация кинофильмов и видеофильмов. Ограничения не распространяются на короткометражные учебные, документальные и научно-популярные фильмы, используемые в образовательных целях.

181. Время радиотрансляции, просмотра телепередач и видеофильмов определяется распорядком дня воспитательной колонии. Осужденным запрещается просмотр телепередач и видеофильмов после отбоя.

182. Администрация ВК предоставляет в пользование осужденным настольные игры в соответствии с установленными нормами положенности.

XXII. Начальное профессиональное образование и профессиональная подготовка, привлечение к труду

183. Начальное профессиональное образование, профессиональная подготовка осужденных осуществляются на базе профессионального училища и предприятия ВК.

Несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации.

184. Запрещается использовать труд осужденных:

в помещениях, где находится оружие, специальные технические средства, служебная документация;

на работах, связанных с множительными аппаратами, радиотелеграфной и телефонной, факсимильной техникой;

на работах, связанных с учетом, хранением и выдачей медикаментов, химических реактивов, а также взрывчатых, лакокрасочных и других веществ на спиртовой основе;

в качестве фотографов, водителей автомашин;

по обслуживанию и ремонту технических средств охраны и связи;

в качестве продавцов, бухгалтеров-операционистов, кассиров, кладовщиков, заведующих продовольственными, вещевыми складами;

на должностях с подчинением им вольнонаемных работников.

185. Осужденные, достигшие 18-летнего возраста, могут быть привлечены к работам по хозяйственному обслуживанию ВК. Штаты хозяйственного обслуживающего персонала утверждает начальник ВК в пределах выделяемых средств.

186. Отбор осужденных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию ВК производится учебно-воспитательным советом. Осужденные, назначенные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, не освобождаются от занятий в школе и сводятся в один отряд (отделение). Их обязанности определяются начальниками соответствующих служб.

187. Дневальные в ВК не выставляются.

188. Условия и порядок оплаты труда лиц, лишенных свободы, определяются в соответствии с уголовно-исполнительным и трудовым законодательством Российской Федерации.

189. К выполнению работ без оплаты труда по благоустройству ВК осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от основной работы время, продолжительность таких работ не должна превышать 2 часов в неделю. В порядке, установленном уголовно-исполнительным законодательством, продолжительность работ без оплаты труда может быть увеличена.

190. Осужденным, прибывшим из следственных изоляторов или других ВК и трудоустроенных, при отсутствии средств на лицевых счетах может быть начислен аванс в счет будущего заработка в пределах сумм, установленных для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости в ВК.

XXIII. Учет мер поощрения и взыскания

191. Применяемые меры поощрения и взыскания оформляются постановлениями (приложения № 12, 13 и 14) или приказом за подписью начальника ВК (лица, его замещающего). Постановление или выписка из приказа после ознакомления с ним осужденного приобщается к его личному делу.

192. Поощрения и взыскания, объявленные устно, в статистической отчетности не отражаются, однако учитываются в дневниках индивидуальной воспитательной работы с осужденными.

193. Учет поощрений и взысканий ведется персонально по отделениям воспитателями, а по отрядам – старшими воспитателями по установленной форме.

XXIV. Материально-бытовое обеспечение осужденных

194. Для осужденных создаются необходимые жилищно-бытовые условия. Температура в жилых помещениях ВК поддерживается на уровне +18 до +20 градусов по Цельсию, норма жилой площади в расчете на одного осужденного в ВК не может быть менее 3,5 кв. м.

195. Осужденные обеспечиваются по установленным нормам трехразовым горячим питанием, индивидуальными средствами гигиены, постельными принадлежностями, а также одеждой, нательным бельем и обувью по сезону, с учетом пола и климатических условий.

196. Питание, коммунально-бытовые услуги, одежда, в том числе белье, индивидуальные средства гигиены предоставляются осужденным бесплатно.

197. Банно-прачечное обслуживание осужденных обеспечивается по графику. Ремонт одежды и обуви производится в мастерских ВК бесплатно.

198. Для осужденных может быть организовано дополнительное питание за счет продукции подсобного хозяйства колонии либо получаемой учреждением гуманитарной помощи.

199. За технологией приготовления пищи и ее качеством осуществляет контроль медицинская часть. Начальник ВК или один из его заместителей обязаны ежедневно снимать пробу с приготовленной пищи, о чем делается запись в соответствующем журнале.

200. Осужденные по своему желанию и с согласия администрации могут за счет собственных средств пользоваться услугами предприятий коммунально-бытового обслуживания, расположенных в районе дислокации ВК. К таким услугам относятся: пошив или ремонт одежды и обуви гражданского образца; чистка одежды, имеющейся у осужденных; парикмахерские услуги; копирование судебных документов, имеющих в личных делах осужденных; нотариальные услуги.

201. По усмотрению администрации воспитательной колонии осужденному может быть предоставлена возможность пользоваться другими услугами.

202. Дополнительные услуги, оплачиваемые осужденными за счет собственных средств, предоставляются по их письменному заявлению на имя начальника ВК. Оплата дополнительных услуг осуществляется путем почтового (телеграфного) перевода денег с лицевого счета осужденного в адрес соответствующего предприятия, организации или специалиста, их оказавшего, в сумме, указанной в заявлении осужденного.

203. Для оказания услуг в колонию приглашаются соответствующие специалисты и создаются условия для их работы.

XXV. Предоставление лечебно-профилактической и санитарно-профилактической помощи осужденным

204. В воспитательных колониях лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы предоставляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и настоящими Правилами, организуется в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативное правовое регулирование в сфере здравоохранения, совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти.

205. В воспитательных колониях обеспечивается выполнение санитарно-гигиенических и противоэпидемических норм и требований.

При поступлении в карантинное отделение осужденные проходят первичный медицинский осмотр и комплексную санитарную обработку, включающую в себя помывку, обработку одежды в дезинфекцион-

ной камере, короткую стрижку волос на голове. Объемы и полнота указанных мероприятий определяются медицинскими и санитарно-гигиеническими показаниями. В период пребывания в карантинном отделении осужденные проходят обязательное медицинское обследование. Полученные при обследовании данные регистрируются в медицинской амбулаторной карте осужденного.

206. Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным оказывается по профилям медицинских специальностей состоящих в штате врачей медицинской части учреждения.

207. Не реже одного раза в неделю для осужденных организуется баня с обязательной сменой постельного и нательного белья. По эпидемиологическим показаниям проводится камерная дезинфекция белья, одежды и постельных принадлежностей.

208. Распорядок работы медицинской части утверждается начальником ВК. Плановый прием осужденных в медицинских частях ВК производится в установленные часы работы медицинской части ВК по предварительной записи и (или) по назначениям медицинского персонала. Мероприятия по организации неотложной медицинской помощи осуществляются в любое время суток.

209. В случаях, когда медицинская помощь не может быть оказана в медицинской части ВК, осужденные могут получать необходимое лечение в лечебно-профилактических учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения. Для оказания специализированной, консультативной и стационарной медицинской помощи осужденным, по договоренности с территориальными органами управления здравоохранением, воспитательные колонии прикрепляются по месту их дислокации к краевым, областным, городским, районным больницам.

210. Осужденные могут получать дополнительную лечебно-профилактическую помощь, оплачиваемую за счет собственных средств. Такие медицинские услуги предоставляются специалистами лечебно-профилактических учреждений государственной или муниципальной систем здравоохранения в медицинской части ВК, в условиях лечебно-профилактических учреждений или лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. В исключительных случаях, когда невозможно предоставить необходимую медицинскую услугу в указанных условиях, она может быть выполнена в учреждении здравоохранения. Для этого осужденный или иные лица обращаются к начальнику ВК с заявлением, в котором указывается вид дополнительной лечебно-профилактической помощи.

211. Заявление рассматривается в трехдневный срок, в течение которого определяются медицинские показания, подтверждающие необходимость получения осужденным указанных услуг, а также возможности для их предоставления. Время прибытия медицинского специалиста определяется в соответствии с графиком работы медицинской части учреждения или лечебно-профилактического учреждения уголовно-исполнительной системы.

212. К заявлению прилагаются документы, подтверждающие согласие указанного медицинского специалиста на предоставление дополнительных медицинских услуг, договор с медицинской организацией или специалистом по предоставлению данных услуг.

213. По прибытии в учреждение приглашаемого специалиста устанавливается наличие у него права на занятие медицинской деятельностью. Специалист, предоставляющий дополнительные медицинские услуги, в установленном порядке оформляет медицинскую документацию, отражая полученные при медицинском осмотре (обследовании) данные, выносит медицинское заключение (диагноз).

214. Оплата дополнительной лечебно-профилактической помощи осуществляется путем почтового (телеграфного) перевода денег с лицевого счета осужденного (или иным оговоренным способом) в адрес медицинского учреждения либо медицинского специалиста, ее оказавшего, в сумме, указанной в соответствующем договоре.

215. При оплате данных услуг за счет средств, находящихся на лицевом счете осужденного, стоимость, указываемая в договоре, не может превышать суммы, имеющейся на лицевом счете осужденного, с учетом удержаний, предусмотренных законодательством.

216. Прием в учреждение медицинских препаратов, передаваемых родственниками, приобретаемых осужденными в установленном порядке за счет собственных средств, осуществляется только по рекомендации лечащего врача. Выдача осужденным медикаментов, в том числе переданных либо приобретенных, производится строго по медицинским показаниям под непосредственным контролем медицинского персонала ВК.

XXVI. Предложения, заявления и жалобы осужденных

217. Личный прием осужденных осуществляется руководством учреждения, а также начальниками отделов и служб по графику. Учет принятых на приеме осужденных с указанием вопросов, с которыми они обращались, и результатов их рассмотрения производится в журнале (приложение № 15), который хранится в канцелярии учреждения. Руководители, сотрудники и работники территориальных органов, центрального аппа-

рата ФСИН России проводят прием осужденных по вопросам, входящим в их компетенцию, при посещении исправительного учреждения. Начальник ВК или лица, уполномоченные им, не реже одного раза в месяц проверяют исполнение решений, принятых во время приемов.

218. Для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов. По заявлению осужденного свидания с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания.

219. В число свиданий, установленных законодательством, такие свидания не засчитываются.

220. Встречи предоставляются при предъявлении адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, документов, удостоверяющих личность, ордеров юридических консультаций или документов, удостоверяющих их право на оказание юридической помощи. Юридическая помощь может быть оказана осужденному также по письменному заявлению его родственников либо представителей попечительского совета, родительского комитета.

221. Каждый осужденный может изложить предложение, заявление и жалобу в устной и письменной формах, ходатайство – в письменной форме.

222. Все письменные предложения, заявления, ходатайства и жалобы направляются по адресу через администрацию ВК. Они регистрируются в отделах специального учета или в канцелярии колонии.

223. Предложения, заявления, ходатайства и жалобы, адресованные в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью ВК, не позднее одних суток (за исключением выходных и праздничных дней), а адресованные в иные органы и общественные объединения – не позднее чем в трехсуточный срок направляются по принадлежности.

224. Осужденные под роспись в течение трех дней со дня подачи обращения информируются о дате его отправки адресату.

225. Для написания предложений, заявлений, ходатайств и жалоб по просьбе осужденных им выдаются письменные принадлежности. При необходимости осужденным оказывается помощь в оформлении указанных выше документов.

226. При поступлении ответов о результатах рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб они не позднее чем в трехдневный срок выдаются адресату на руки, а в случае отказа осужденного хранить их у себя – приобщаются к личному делу осужденного.

227. Оплата расходов по пересылке писем и телеграмм производится из средств, имеющихся на лицевых счетах осужденных.

Приложение № 1

Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать

1. Предметы, изделия и вещества, изъятые из гражданского оборота.
2. Все виды оружия.
3. Транспортные средства.
4. Взрывчатые, отравляющие, пожароопасные и радиоактивные вещества.
5. Деньги, валюта зарубежных стран, ценные бумаги и иные ценности.
6. Оптические приборы.
7. Продукты питания, требующие тепловой обработки, с истекшим сроком годности, а также дрожжи. Перечень продуктов питания может быть ограничен по предписанию должностных лиц, осуществляющих государственный санитарно-эпидемиологический надзор на объектах ФСИН России.
8. Все виды алкогольных напитков, пиво.
9. Духи, одеколон и иные изделия на спиртовой основе.
10. Наркотические средства, психотропные и лекарственные вещества, предметы медицинского назначения.
11. Пишущие машинки, множительные аппараты.
12. Ножи, опасные бритвы, лезвия для безопасных бритв.
13. Колюще-режущие предметы, конструктивно схожие с холодным оружием.
14. Топоры, молотки и другой инструмент.
15. Игральные карты.
16. Фотоаппараты, фотоматериалы, химикаты, кинокамеры, видео-, аудиозаписывающая техника, средства связи.
17. Любые документы (кроме документов установленного образца, удостоверяющих личность осужденного, судебных документов по их делам, копий (выписок) из медицинских документов, отражающих состояние здоровья осужденного, ответов по результатам рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб осужденного, квитанций на сданные для хранения деньги, вещи, ценности).
18. Топографические карты, компасы, литература по топографии, единоборствам, служебному собаководству, устройству оружия.

19. Военная и другая форменная одежда, принадлежности к ней.
20. Одежда, головные уборы и обувь (за исключением тапочек, спортивных костюмов и спортивной обуви) неустановленных образцов.
21. Копировальная бумага.
22. Порнографические материалы, предметы.
23. Электронно-вычислительные машины.
24. Электробытовые приборы (за исключением электрокипятников бытовых заводского исполнения).
25. Вещи и предметы, продукты питания, полученные либо приобретенные в не установленном законом и настоящими Правилами порядке.

Примечание:

1. При переводе в другое учреждение осужденным разрешается брать с собой только личные вещи, продукты питания и предметы, приобретенные ими в установленном порядке.
2. Количество вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденные могут иметь при себе, определяется начальником учреждения, исходя из местных условий и возможностей. Общий вес принадлежащих осужденному вещей и предметов, продуктов питания, включая находящиеся на складе, не может превышать 50 кг.
3. Телевизионные приемники и радиоприемники могут приобретаться только для коллективного пользования и устанавливаться в местах, определенных администрацией.
4. Ношение спортивных костюмов и спортивной обуви разрешается во время спортивно-массовых мероприятий.
5. Допускается хранение фотографий, личной переписки, письменных принадлежностей, предметов личной гигиены в прикроватной тумбочке.

Приложение № 2

Перечень продуктов питания и предметов индивидуального пользования, которые осужденные могут хранить в специально оборудованных администрацией учреждения местах

1. Хлеб, хлебобулочные изделия.
2. Рыба соленая, не требующая тепловой обработки.
3. Жиры.
4. Сыр.
5. Сухие кондитерские изделия.
6. Чай, кофе, какао, сухое молоко.
7. Овощи, фрукты, сухофрукты.

8. Консервы.
9. Сахар.
10. Молоко, кисломолочные продукты в стандартной заводской упаковке.
11. Пищевые концентраты быстрого приготовления, не требующие кипячения или варки.
12. Предметы личной гигиены.
13. Письменные принадлежности.
14. Табачные изделия, спички.

Приложение № 3⁶

[образец нагрудного отличительного знака для осужденных]

Приложение № 4

Примерный распорядок дня в воспитательной колонии

Подъем – не позднее 7 часов утра.

Физическая зарядка (продолжительность) – до 15 мин.

Утренний туалет, заправка коек – до 20 мин.

Утренний осмотр, утренняя и вечерняя проверка – до 40 мин.

Завтрак – до 30 мин.

Развод на учебу или работу – до 30 мин.

Учеба в школе, самоподготовка – по отдельному графику в соответствии с учебным планом.

Рабочее время – в соответствии с трудовым законодательством.

Обеденный перерыв – до 30 мин.

Съем с работы, вечерний туалет – до 25 мин.

Ужин – до 30 мин.

Личное время – до 1 часа.

Воспитательные мероприятия – по отдельному графику до 1 час. 30 мин.

Подготовка ко сну – до 15 мин.

Сон (непрерывный) – 8 часов.

Примечания:

1. Распорядок дня составляется в каждой воспитательной колонии исходя из местных условий, продолжительности светового дня, времени года.

⁶ Формы бланков, приведенные в Приложениях 3, 5–8, 11–15, в журнальном варианте не публикуются.

2. В случае, если осужденные работают на производстве в несколько смен, распорядок дня составляется для каждой смены.

3. Распорядок дня осужденных, содержащихся в карантинном отделении, строгих условиях отбывания наказания, дисциплинарном изоляторе, а также находящихся в ежегодном оплачиваемом отпуске без выезда из ВК, устанавливается отдельно.

4. Промежуток времени между завтраком и обедом, обедом и ужином не должен превышать 7 часов.

Приложение № 5

[форма пропуска, выдаваемого лицу, которому предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения либо отбывающему наказание в льготных условиях и проживающему за пределами воспитательной колонии]

Приложение № 6

[форма удостоверения на отпуск]

Приложение № 7

[форма подписки об ответственности за нарушение правил отпуска]

Приложение № 8

[форма справки на предоставление осужденному(ой) права выхода за пределы воспитательной колонии в порядке поощрения]

Приложение № 9

Примерный распорядок дня в карантинном отделении

№ п/п	Мероприятия	Время проведения		Ответственный
		будние дни	выходные дни	
1	Подъем	7.00	8.10	оперативный дежурный
2	Утренняя проверка и осмотр осужденных	7.00–7.10	8.10–8.20	воспитатель, младший инспектор
3	Физическая зарядка	7.10–7.20	8.20–8.30	воспитатель

№ п/п	Мероприятия	Время проведения		Ответственный
		будние дни	выходные дни	
4	Туалет, заправка коек	7.20–7.30	8.30–8.40	воспитатель
5	Уборка помещений	7.30–8.00	8.40–9.10	воспитатель
6	Завтрак	8.00–8.30	9.10–9.40	воспитатель
7	Прогулка	8.30–9.00	9.40–10.10	младший инспектор
8	Занятия по программе	9.00–11.00	10.10–11.00	сотрудники, воспитатель
9	Чтение газет, журналов, просмотр передач	11.00–12.00	11.00–13.30	воспитатель, младший инспектор
10	Работы по благоустройству*	12.00–13.00		воспитатель
11	Обед	13.00–13.30	13.30–14.00	оперативный дежурный
12	Прогулка	13.30–14.00	14.00–14.30	младший инспектор
13	Занятия по программе	14.00–17.00		сотрудники, воспитатель
14	Прогулка	17.00–17.30		младший инспектор
15	Личное время	17.30–18.30	14.30–15.30	младший инспектор
16	Чтение газет, журналов, просмотр телепередач	18.30–19.00	15.30–19.30	младший инспектор, воспитатель
17	Ужин	19.00–19.30	19.30–20.00	оперативный дежурный
18	Уборка помещений	19.30–20.00	20.00 – 20.30	младший инспектор
19	Просмотр телепередач	20.00–21.20	20.30–21.20	младший инспектор
20	Прогулка	21.20–21.40	21.20–21.40	младший инспектор
21	Вечерняя проверка	21.40–21.55	21.40–21.55	младший инспектор
22	Отбой	22.00	22.00	оперативный дежурный

* Работа по благоустройству осуществляется в соответствии со статьей 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Приложение № 10

Примерный распорядок дня в дисциплинарном изоляторе

№ п/п	Мероприятия	Время проведения		Ответственный
		будние дни	выходные дни	
1	Подъем	7.00	8.10	оперативный дежурный
2	Утренняя проверка и осмотр	7.00–7.10	8.10–8.20	оперативный дежурный младший инспектор
3	Физическая зарядка	7.10–7.20	8.20–8.30	младший инспектор
4	Утренний туалет, заправка коек	7.20–7.30	8.30–8.40	младший инспектор
5	Уборка помещений	7.30–8.00	8.40–9.10	младший инспектор
6	Завтрак	8.00–8.30	9.10–9.40	младший инспектор
7	Прогулка	8.30–9.30	9.40–10.40	младший инспектор
8	Занятия по учебной программе	9.30–13.00		учителя, младший инспектор
9	Обед	13.00–13.30	13.30–14.00	оперативный дежурный
10	Прогулка	13.30–14.30	14.00–15.00	младший инспектор
11	Ужин	19.00–19.30	19.30–20.00	оперативный дежурный
12	Уборка помещений	19.30–20.00	20.00–20.30	младший инспектор
13	Вечерний туалет	21.00–21.30	21.00–21.30	младший инспектор
14	Подготовка ко сну	21.30–21.40	21.30–21.40	младший инспектор
15	Вечерняя проверка	21.40–21.55	21.40–21.55	младший инспектор
16	Отбой	22.00	22.00	оперативный дежурный

Приложение № 11

[форма заявления на приобретение товаров]

Приложение № 12

[форма постановления о поощрении осужденного(ой)]

Приложение № 13

[форма постановления о применении к осужденному меры взыскания]

Приложение N 14

[форма постановления о признании осужденного(ой) злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания]

Приложение № 15

[форма журнала приема осужденных по личным вопросам]

ВСЕ О ЖИЗНИ В ТЮРЬМЕ

Авторские материалы Виталия Лозовского
и не только ...

Сайт «Все о жизни в тюрьме» на www.tyurem.net был создан на основе интернет-рассылок Виталия Лозовского «Как выжить и провести время с пользой в тюрьме», «Жизнь и психология тюрьмы» и «Взгляд из тюрьмы». Первая состояла из воспоминаний самого автора о недавней трехлетней отсидке в тюрьмах и зонах России и Украины, во второй публиковались материалы о жизни в неволе других авторов (А. Кудин, А. Павлов, С. Параджанов, О. Уайльд, В. Майер, Э. Зейналов). Третья была составлена из писем автору и ответов на них. Сейчас появилась четвертая рубрика – «История пыток, тюрем, казней и наказаний». Общее количество подписчиков – 14 тысяч.

Сайт открыт для авторов, готовых рассказать о жизни в тюрьме.

Для правозащитных организаций, адвокатов, юристов мы можем создать отдельные субдомены. Наша цель – создать полноценный портал, который будет в состоянии помочь нашим гражданам, а также поднимать большие вопросы сегодняшней пенитенциарной и правоохранительной системы.

Виталий Полозюк

Новые правила для воспитательных колоний¹

Эти правила, как и другие нормативные документы, были переработаны в связи с происшедшим структурным реформированием всех ведомств. <...> Переработка Правил осуществлялась с начала 2005 года и по ряду объективных причин задержалась. <...>

Разумеется, то, что было в предыдущих Правилах, в большинстве своем вошло в новые ПВР, да и не могло не войти, потому что законодательство за это время хоть и изменилось, но не в такой степени, чтобы коренным образом их перерабатывать. Но вместе с тем есть и определенная новизна. Прежде всего это связано с предложениями, которые поступили от членов Совета Европы. Например, были претензии к тому, что у нас несовершеннолетние по территории колонии передвигаются строем, используя при этом маршировку. Мы доказали членам Совета Европы, что в наших условиях передвижение строем необходимо. Ведь массовые передвижения осужденных происходят практически в течение всех суток – на работу, учебу, прием пищи, в баню, на культурные и спортивные мероприятия и т. д. В то же время маршировка отменена, и это четко прописано в Правилах. По рекомендации экспертов Совета Европы убраны также ранее использовавшиеся термины «воспитанник» и «воспитанница».

Мы также учли пожелание экспертов, касающееся того, что в документах об образовании, выдаваемых в ВК, не должно указываться, что они получены именно в колонии. По согласованию с Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии РФ с текущего

¹ В.Л. Полозюк – начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, полковник внутренней службы. Публикуются фрагменты интервью В. Полозюка газете «Казенный дом», № 11, 2006.

года оттиски печати для документов об образовании не содержат информацию о том, что они выданы в исправительном учреждении.

Отменены и ежедневные проверки-смотры осужденных. Теперь это будет происходить один раз в неделю. Включено в Правила и положение об обязательном проведении начальником колонии или его заместителем беседы с вновь прибывшими осужденными в карантинном отделении, а в состав комиссии по распределению осужденных включен сотрудник группы социальной защиты. <...>

[О строевой песне.] Песни несовершеннолетние могут петь. Но в добровольном порядке. Исполнение песни в строю допускается при подготовке или проведении торжественных мероприятий, смотров, конкурсов, а также, если это обусловлено традициями конкретного учреждения, например, ритуал подъема или спуска флага колонии, вечерней прогулки и т. д.

[О свиданиях в 5 суток за пределами колонии.] К сожалению, пока такие условия есть не во всех ВК. Что касается свиданий продолжительностью до трех суток в пределах колонии, то здесь проблем нет никаких. А вот пятисуточные свидания пока являются больше исключением, чем правилом. Но мы нацеливаем начальников воспитательных колоний на то, чтобы такие условия были организованы как можно скорее. Однако в данном вопросе необходимо учитывать условия в каждой конкретной колонии, складывающуюся в ней обстановку и личность осужденного. Окончательное решение должно приниматься администрацией воспитательной колонии.

<...>

[Об «иных лицах», которым по ПВП разрешены свидания.] Что касается «иных лиц» по отношению к свиданиям, то мы считаем, что это родственники, не относящиеся к категории близких. Ну, например, двоюродные братья и сестры или дяди и тети.

<...>

Законодательно не закреплено, что в случае, если у несовершеннолетнего нет денег, администрация обязана отправить письмо за свой счет. Но реально именно так и происходит. Мне неизвестно ни об одном случае, когда бы администрация ВК отказалась отправить письмо в прокуратуру ли, в суд ли, или еще куда-нибудь. Кроме того, в этом вопросе помогают попечительские советы, спонсоры, которые выделяют деньги именно для таких случаев.

[О платных медицинских услугах.] Если лечение является экстренным, то тут принимаются все меры, чтобы обеспечить это лечение, причем бесплатно. А если, например, кто-то хочет, ну не знаю, скорректировать форму носа, то, ради бога, за плату – пожалуйста. Вы же понимаете, что это вполне может быть отложено до освобождения. Но если осужденный имеет деньги (или родственники или спонсоры готовы оплатить) и желает сделать операцию прямо сейчас, ну и ради бога. Только надо помнить, что дополнительные медицинские услуги могут оказываться только в учреждении, то есть не мы будем вывозить куда-то там осужденного, а врач приедет в колонию. Опять же это не значит, что вот захотел осужденный получить какую-то платную медицинскую услугу, и ему сразу же ее предоставят. Администрация рассмотрит это предложение, заслушает медицинских работников – действительно ли это необходимо, – и тогда уж будет принято решение.

[О запрете на электробритвы.] Дело в том, что из электробритвы очень легко сделать инструмент для нанесения татуировок, а несовершеннолетние, как вы сами знаете, в силу своего возраста склонны к некоторой бравате, и нанесение татуировок для них – некий ореол романтики, что ли. Повзрослев, они, конечно же, будут жалеть об этом, но поезд, как говорится, ушел. Поэтому мы решили, что коль скоро разрешены разовые станки, то электробритвы ни к чему. Кстати, эксперты Совета Европы с этим согласились. К тому же необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 99 УИК РФ осужденным, содержащимся в воспитательных колониях, индивидуальные средства гигиены (в том числе и одноразовые бритвы) предоставляются бесплатно.

Ни один нормативный документ не должен быть догмой. Конечно, с течением времени они [правила] будут меняться. Это ведь не первые Правила ВК, это уже четвертые по счету. Предыдущие, например, действовали четыре года. С изменением законодательства будут, естественно, меняться и эти Правила. Причем меняться они будут в сторону дальнейшей гуманизации условий отбывания наказания.

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Борис Пантелеев

Игры памяти, или Парадоксы воспитания

Размышляя о проведенных в тюрьме днях и годах, ловлю себя на мысли о том, что вспоминаются и оживают все мелочи быта, бесконечные диалоги с персоналом, жалобы и протесты, а не мысли об инквизиционном правосудии. Может быть, потому, что суд промелькнул, а заключение – это длинная череда дней и событий, потому что время, выстраиваясь в бесконечный ряд безликих дней, не оставляет зэка без событий вообще. Ну а события – это люди.

И в тюрьме люди как люди: ноги, руки, голова, со многими, возможно, мы встречались до тюрьмы. С некоторыми мы теперь, когда я оказался за решеткой, по разные стороны дверей, но это мало что меняет. И они, персонал, и я – все мы находимся в тюрьме. Я был в ней некоторое время, персонал постоянно. Они добровольно надели камуфляж и пошли работать в тюрьму – это их работа. Меня, как и других заключенных, тщательно отбирали. Их же взяли на работу всех, без разбора или с очень специфическим отбором. Парадокс в том, что именно они, волею случая занявшие должности прокуроров, тюремных воспитателей, оперов и начальников отрядов, «перековывают» нас. Просто по должности.

Тюремщики призваны законом воспитать у зэков уважительное отношение к труду, человеку, обществу. Вполне естественно, что они начинают с воспитания уважения к самому себе, и это, в общем-то, по-человечески понятно. Правда, злые языки утверждают, что многие воспитатели этим и ограничиваются.

Б. Пантелеев – руководитель С.-Петербургского отделения «Комитета за гражданские права».

Зона только на первый взгляд *terra incognita*. Приглядевшись, можно увидеть все давно знакомое: кадры, структура, планирование, методы, формы, взаимоотношения, людская психология, контроль и учет – все, как на воле. Больше всего зона напоминает структуру учреждений системы образования. В зоне, как и в школе, во главу угла поставлена воспитательная работа. Есть планирование, есть воспитатели, есть система мероприятий, поощрений и наказаний, есть проверки и отчетность.

Задачами учреждений и органов, исполняющих наказания являются: исполнение приговора, обеспечение процесса исправления осужденных и предупреждение преступлений. Всё – список исчерпывающий.

На мой взгляд, он нуждается в корректировке в сторону сокращения числа задач. Хорошо бы ФСИНу оставить только исполнение приговора. Тем более что с остальными задачами они справятся нескоро, поскольку исправление и предупреждение – это задача для всего общества. Не их это дело. Нет и не может быть у ФСИНа стопроцентной возможности «исправить» и «предупредить». Ну разве что предупредить преступления в самой зоне, которые чаще всего являются результатом деятельности самих воспитателей.

А чтобы предупредить, надо быть в курсе всего, что происходит в этой зоне. Добиться этого можно несколькими способами: или самому воспитателю быть в гуще событий, или иметь там свои «глаза и уши». Высшим пилотажем воспитания считается создание самоуправляемого коллектива, в котором происходит саморегуляция. Как случилось однажды, 40 лет назад, в одной из иркутских зон.

Там покойный Александр Любославский (в девяностые – известный правозащитник, а тогда простой зэк) смог сделать то, что не удаётся всей нынешней пенитенциарной системе. Возглавив все самодеятельные организации колонии в Ангарлаге, он поставил их работу таким образом, что деятельность этих секций устраивала обе стороны «баррикад». Это был первый опыт создания общественной организации в условиях колонии, причем инициированный снизу, самими колонистами. Совет колонии, во главе с Любославским, проверял нормы вложений продуктов на пищеблоке, распределял наряды на ежедневную работу вне зоны (строительство Ангарской ТЭЦ), следил за медицинским обслуживанием. Колонисты выпускали газету и делали радиопередачи. И все это при том, что это не была пресловутая секция дисциплины и порядка или досуга. То есть реально работающее общественное объединение (некая микромодель местного самоуправления в зоне), созданное не по инициативе администрации и преследующее ту

же цель, что прописана в законе, но несколько иными методами. Полагая, что директору ФСИН Юрию Калинин у есть с чего брать пример...

Командуют в зоне опера. Можно прописать в должностных инструкциях воспитателей все, что захочется, все равно на первом месте была, есть и будет оперативная работа по сбору (в первую очередь и главным образом по сбору), а также и «вбросу» информации.

Конечно, все это не самоцель и каждое действие персонала имеет какое-то значимое для всех них ощущение правильности. Большинство из работников учреждений ФСИН, как кажется заключенным, занимается оперативной или воспитательной работой, не будучи ни оперативниками, ни воспитателями. Поэтому все их действия будут носить «пожарный» характер, и они почти всегда вынуждены идти по следам событий и не могут предвосхитить их. Бунты заключенных – это прямая недоработка персонала. Впрочем, читая материалы о бунтах, понимаешь, что ФСИН тоже считает бунты своей недоработкой, но вкладывает в понятие «недоработка» совсем другой смысл. Говорят, например, о плохой агентурной работе, а совсем не о моральной атмосфере в зоне.

Может быть, это из-за того, что сотрудники мешают друг другу? Противостояние воспитателей с оперативниками – одна из таких помех. Может быть, психологи могли бы примирить эти две команды и обеспечить их методическими материалами на основе наблюдений и опросов контингента, но самих психологов бы кто защитил...

Оперативники обязаны осуществлять в местах заключения свою работу и добиваться, чтобы эски стучали друг на друга (и делали бы это как можно чаще). Характерна и показательна незатейливо-циничная наглядная агитация, используемая в некоторых «командировках»: «Запомни сам и передай другому: дорога в штаб – дорога к дому!».

Воспитатели, в идеале, должны быть против таких методов выявления и пресечения правонарушений и преступлений. Выявлять и пресекать, возможно, и нужно, но вопрос в том, какой ценой? Умный аналитик составит картину из простого общения, без доноительства, а непрофессионалу нужны факты, имена, пароли, явки. Сам додумать он ничего не сможет. И никогда не задумается об истинных причинах беспорядков, в коих может быть повинна и система.

Сейчас действует Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». По нему «лицам, содействующим органам» по контракту, уже гарантируются правовая защита государства, защита жизни, здоровья и имущества их и членов их семей. И даже освобождение от

уголовной ответственности за нетяжкое преступление. Полученные агентами вознаграждения не облагаются налогами и не указываются в декларациях о доходах. Период сотрудничества по контракту включается в трудовой стаж, и по нему начисляется пенсия. А если агент погибнет во время «оперативно-розыскного мероприятия», его семье и иждивенцам заплатят пособие в размере 10-летнего денежного содержания и назначат пенсию по потере кормильца.

В царской России, в Санкт-Петербурге, существовал Пажеский корпус – элитная школа русского офицерства. Одним из важнейших критериев при прохождении «вступительного экзамена» была проверка «абитуриентов» на недоносительство. Прошедший ее мог считать себя наполовину зачисленным в это престижное заведение!

Но это опять-таки идеальные формы. Вряд ли удивлю кого-то, если скажу, что жизнь и сложнее и проще одновременно. Любой начальник отряда (по определению – воспитатель) должен быть заинтересован в нормальном психологическом микроклимате в отряде. Однако на каждой планерке отрядники проходят соответствующую накачку от начальников оперотделов и отделов по безопасности и режиму (с требованием, например, явок с повинной)... О профилактической работе им думать, как правило, не дают, требуя результат «здесь и сейчас».

А здесь и сейчас протекает реальная жизнь зоны, в которой сосуществуют с двух сторон люди, наладившие взаимовыгодное сотрудничество и давно научившиеся обходить суровость и расплывчатость российских законов.

Ну а суровость российских законов, как всегда, уравнивается их неисполнением. И довольно часто даже внимательный наблюдатель не сможет заметить разницу между персоналом (особенно если персонал не в форме) и заключенными. Даже сами надзиратели знают, что 90% преступлений, совершенных или не совершенных их подопечными, оформлены настолько бездоказательно и с таким пренебрежением к формально действующему в стране закону, что в большинство преступлений никто, в том числе из персонала, не верит. И относится персонал к энкам не как к преступникам, а как к зависимым от себя партнерам.

Ну, есть, конечно, исключения. Отморозков в стране хватает, и если такому попадешь в руки, то выйдешь уже калекой. Издеваться будут просто так, без нужды. Не выпустят в туалет, разденут на морозе, будут куражиться, соврнут что-нибудь приехавшей старушке-матери, отказывая ей в свидании, подвешат на дыбе, наденут полиэтиленовый мешок, изнасилуют.. Но это все-таки тайно, без особой гласности.

Правда, и на глазах телекамер уже особо не стесняются. Кто не видел, как вышедших из автозака тут же сажают на корточки, заламывают руки до хруста костей, заставляют бежать, подгоняя палками и прикладами. А демонстрация, чуть ли не со сладострастием, по центральному телеканалу так называемой позы КУ (опять-таки незаконной!), которую охранники заставляют принимать пожизненно осужденных? Любой конвоир скажет, что это вызвано необходимостью и иначе нельзя. Чушь! Весь этот беспредел вызван непрофессионализмом конвоя, расплывчатостью (не осознанной ли?!) законодательства и безнаказанностью – только этим...

Весь опыт правозащитников позволяет утверждать – настоящих профи среди персонала нет или почти нет! Большинство из работающих в тюремных заведениях – вольнонаемные (есть и настоящие семейные династии). Достаточно попытаться выписать пропуск в учреждение, и сразу можно поймать равнодушный, а то и просто тупой взгляд какой-то бабы в полуформе, лениво цедящей слова и смотрящей мимо тебя. Она будет читать вслух твои документы и комментировать их при всех, ей никто не сказал, что этого нельзя делать. Вы будете стучаться в окно выдачи доверенностей, а окажется, что сотрудник болен и никто его не заменяет. А в бюро передач начальство будет заставлять молодых девчонок работать и по выходным, провоцируя у тех накапливающееся озлобление, которое будет выплескиваться на посетителей. В спецчасти никто не найдет жалобу заключенного, которую просто выбросили. Никто не организует нормальный прием этих жалоб у эков, вынужденных отдавать их дежурным без всяких уведомлений. А что делается внутри, невидимо для всех нас?..

Для объективности замечу – многие отрядные взваливают на себя ношу оперскую без особых угрызений совести. Имея поддержку оперчasti, «гораздо проще управлять толпой»¹. Если кто-то из эков, скажем, встал не вовремя по подъему или вышел во время летней жары в тапочках в локалку, то гораздо проще в таких случаях «упрятать в чулан»² «злостного нарушителя». А воспитательные беседы – это для любителей кино и романов, а не для современных отцов-командиров. Кстати, многие из воспитателей уходят на «повышение» именно в оперотделы...

¹ Выражение одного начальника отряда мурманской колонии.

² Водворить в ШИЗО.

Среди несовершеннолетних система стукачества внедряется и действует в полной мере, что уж наверняка не содействует тому воспитательному процессу, о котором любят повторять везде и всюду лагерные макаренки и сухомлинские.

Впрочем, большинство современных последователей Антона Макаренки в зоне озабочены проблемами куда как более земными.

Например, частенько от региональных управлений не доходят средства, отпускаемые для ИК на ремонт бараков. И отрядники вынуждены заниматься вымогательством у осужденных (через осужденных у их семей) стройматериалов, канцтоваров, обещая взамен ээку то, что ему и по закону положено – свиданку, «телефонный звонок другу», УДО и т. д.

Многие входят во вкус и начинают *«заниматься вымогаловом»* уже в свою пользу. Например, стеклами, привезенными родственниками для нужд отряда, можно остеклить собственную теплицу с огурчиками-помидорчиками. Некоторые из них, наиболее хитромудрые, заставляют посетителей-дарителей при сдаче «шефской помощи» представлять и товарно-кассовые чеки на привезенную «гуманитарку». (По этому поводу есть лишь одно предположение – это делается в тех случаях, когда деньги, предназначенные для ремонта из управлений исполнения наказаний, в колонии все же поступают. Такая схемка позволяет легально прикарманить бюджетные средства, приобщая эти чеки к отчетам о проведенных ремонтах.)

А ведь еще кому-то приходится участвовать в совместных с операциями экзекуциях-избиениях по *«перевоспитанию обнаглевших тварей»*. Как это было, например, в одной из питерских колоний³.

Сотрудники колонии, грубо нарушая закон, наделяют членов самодельных организаций своими полномочиями. Вот еще один отрывок из заявления бывшего осужденного: *«...дают им дубинки, чтобы они также беспредельничали в адрес осужденных. Лично я видел, как замести-*

³ Учр. УС – 20/5, пос. Металлострой, начальник – Шипитко И. Б.

(Из обращения ООД «За права человека» (исх. № 399-2005 от 19. 09. 2005 г.) к начальнику УФСИН по Санкт-Петербургу и ЛО В. А. Заборовскому – «...Стало известно о том, что на территорию колонии УС–20/5 регулярно и безосновательно вводится спецподразделение “Тайфун”. При этом “тайфуновцы” применяют к осужденным незаконные методы воздействия: позу “растяжка”, избиение без причин с особой жестокостью. Эти воспитательные “новации” проводятся в присутствии начальника колонии Шипитко И.Б. Насколько нам известно, иногда экзекуции посещает подполковник из СПб Управления исполнения наказаний. Не отстают от них и сотрудники ИК-5 Громов, Дробышев, Михайлов. На вопросы осужденных: “За что вы нас избиваете?” им отвечают: “Так, для профилактики”».)

тель начальника колонии Никонов давал дубинки активистам и говорил им: “Бейте их до посинения” – и они начинали нас избивать».

А ведь были и более «тонкие» методы. Например, в тюремной оперативно-воспитательной политике советского разлива нередко применялся метод: собирали в ленинской комнате только что прибывших для службы в роте охраны солдат-новобранцев, и какой-нибудь замполит, взяв в спецотделе десяток дел эзков (десяток в любой зоне можно наскрести), осужденных за убийство с отягчающими, приносил их и говорил: «Вот, смотрите, ребята – кого вы будете охранять!» Молодые, неопытные пацаны с ужасом смотрели и начинали бояться всех заключенных. Затем следовало обязательное объявление – за каждого подстреленного на контрольно-следовой полосе эзка 10 суток отпуска. За подобной «воспитательной работой» как-то забывалось, что все взаимосвязано, и поэтому только дилетант-проверяющий мог не поверить, если узнавал, что одуревший от казарменной муштры и дедовщины охранник выманивал эзка на КСП водкой или чаем и хладнокровно – чего жалеть подонков! – его расстреливал.

Может быть, такие «технологии» остались в прошлом, но мне с трудом верится в то, что менталитет «воспитателей», пользовавшихся такими методиками, существенно изменился. Использовала же оперчасть ГУ ФСИН по Курской области некоторых курских блатных авторитетов для того, чтобы после известных львовских событий заставить несколько сотен эзков забрать свои заявления о привлечении к уголовной ответственности избивавших их сотрудников.

Систематически нарушается один из важнейших принципов уголовного-исполнительного законодательства – равенство всех перед законом. Все эзки видят, как при поддержке администрации создается некая элита «более равных среди равных» из красноповязочников и блатных авторитетов. А тех, кто сопротивляется такому порядку, подвергают взысканиям (ШИЗО–ПКТ–СУС). То есть людей с обостренным осознанием своего достоинства делают злостными нарушителями.

Про следственные изоляторы уж и не говорю. Там абсолютный простор для экспериментов оперчасти. Допустим, какому-то оперу нужно оказать давление на особо несговорчивого арестанта. Минимум, если такого бедолагу начинают «кидать по хатам» (безосновательно переводить из камеры в камеру по несколько раз в неделю, а то и на дню).

А перевод из камеры в камеру – это сильнейший психологический стресс...

В питерском следственном изоляторе № 4 (ул. Лебедева, д. 39) был такой режимник П.П. Подтерецкий. Так вот Павел Павлович очень не любил камерных сексотов (правда, лишь оперских, а не своих) и при любом удобном случае «засвечивал» их перед братвой, прекрасно осознавая последствия своих действий.

В той же «Лебедевке» царствовал начальник изолятора Константин Тюрин. Он бывал в зарубежных командировках, где знакомился с мировым опытом своих коллег. Подчиненные Тюрина пересказывали, как он делился впечатлениями от поездки. Там он, разумеется, разглагольствовал о своей гуманности и милости к падшим. При этом, обходя однажды свои владения, на жалобу о перегоревшей лампочке ответил: «Какой вам свет? Вы же подонки и негодяи и должны сидеть в темноте, по колено в воде!»

Моя собственная тюремная жизнь тоже была полна экспериментами оперативников. Например, ко мне подсаживали стукачей, рядившихся под воров в законе. Один из них предлагал мне то пойти с ним в побег, то взять в заложники одного из вертухаев. А однажды, «затянув в хату» баклажку спирта, пригласил выпить. Я отказался, а через полчаса нашу камеру посетили все высшие чины «Лебедевки». Убедившись, что провокация не удалась, офицеры удалились, не скрывая досады.

Бывало, камеру, в которой я находился, превращали в интернациональную, переводя ко мне одновременно негра, араба, вьетнамца, литовца и эстонца и т. д.

Надо заметить, что подобными воспитательными методиками пользовались не только опера. В конце августа 1994 года, в преддверии отопительного сезона, медчасть тоже решила проявить заботу о эзках «Лебедевки». Были застеклены все окна в камерах. При этом окна были застеклены наглухо и намертво – без форточек, а за попытку «расстеклить» следовало немедленное и жестокое наказание. Тут же распорядились включить отопление на полную мощность.

Начальник медчасти изолятора Ильичев делает обход. На мое предложение перезастеклить нормально окна или отключить отопление, пока не наступят холода, отвечает: «Есть два пути решения этого вопроса. Первый путь – заложить батареи матрацами. Второго пути – налить на пол воды. Ну что вас учить, Борис Еремеевич, вы же сами все знаете!» На мое напоминание о данной им когда-то клятве Гиппократу –

«Ну я же ее Гиппократу давал, Борис Еремеевич, а не вам!» И глаза такие добрые-добрые...

Сотрудники, отвечающие за производственную зону, тоже вносят свою посильную лепту в создание невыносимых условий существования. Вот отрывок из письма заключенного Черникова (ИК-17, Р. Мордовия): «...кто на воле будет “плужить” (примечание: работать) за сто рублей в месяц за швейной машинкой? А тут катит, еще и в две смены остаются. Лишь бы только в “жилку” не идти, потому, что там настоящий дурдом. А в УИКе прописано – зарплата, как в соответствующей отрасли на воле. За условия труда и говорить нечего. Какой душ, какая вентиляция, какие наушники от шума?».

Кто осмелится протестовать? Только отдельные строптивцы, которые тут же зачисляются в «злостные нарушители». Остальным выгоднее потерпеть и притерпеться. Так можно даже дожждаться УДО...

УДО (условно-досрочное освобождение) в зоне – это не правовая форма воспитания осужденных, а дубинка, вгоняющая в безропотную покорность. Этим инструментом «воспитатели» кромсают личные дела и судьбы осужденных, сводя на нет замысел законодателя.

Недаром же в тюремном фольклоре появилось выражение – «лакированное УДО». Имеется в виду широко распространенное выкачивание с осужденных материальных средств. Родственники привозят начальнику краску, лак, стройматериалы и т. д., а за это осужденный получает призрачный шанс на условно-досрочное освобождение. Торговля процветает повсеместно⁴.

В этой связи нелепо и смешно слышать выступления некоторых высокопоставленных чиновников ФСИН, в которых они совершенно серьезно заявляют о снижении или увеличении рецидива преступлений среди бывших своих подопечных.

⁴ Из сообщений информационного агентства «За права человека»: «К осужденному Будцову Николаю Ивановичу (отбывает наказание в учр. ОН – 55/10, пос. Металлист, Тверской области, 16 отряд) обратился в ноябре 2004 года начальник 14 отряда ст. л-нт вн. сл. Энгелейков А. Н. Он предложил Будцову перевести на счет колонии полторы тысячи рублей для благоустройства колонии. За это Энгелейков твердо пообещал беспрепятственное прохождение Будцова на условно-досрочное освобождение. Надо отметить, что на момент этого предложения у Николая не было ни единого нарушения, более того, был ряд поощрений (он работал электриком в промзоне). И соответственно, он имел право на УДО и без этих пожертвований. Но требуемую сумму он все же перечислил».

Вот еще одна цитата из «Металлки».

«...Документы, подготовленные к рассмотрению на УДО, могут лежать в суде по несколько месяцев. Но для желающих обойти эту бюрократическую процедуру существует такса: \$700 – и ты на свободе!»

Так и хочется сказать – ну что за деньги за свободу! Правда, вручая указанную сумму, по укоренившейся негласной практике, зэк должен быть раболепен, угодлив и желательны, чтобы ранее он постукивал на своих собратьев или хотя бы не мешал операм. Как будто им можно помешать?

Воспитатели и оперативники, соперничая друг с другом, иногда заключают взаимовыгодные «альянсы». Так, в одной из колоний сотрудник воспитательного отдела оформил своего знакомого дилером известной фирмы сотовой связи. И теперь – «все в шоколаде». Зэки довольны – вся зона завалена мобильниками. Воспитатели довольны – поддерживаются социально-родственные связи заключенных и семейные бюджеты сотрудников. Оперчасть тоже не в накладе – информационный поток огромный...

Здесь остановимся, потому, что время мало что изменило. Все, о чем здесь сказано, ежедневно происходит в той или иной степени в любой российской зоне. И будет происходить, пока зона остается закрытой от общества. Дело даже не в контроле, а в постоянном взаимодействии. Продолжать бессмысленно – в каждом веке есть свое средневековье, когда еретиками признаются непохожие. Ату их... зона исправит.

А начинается все одинаково. В любом первом классе перед учительницей сидят как будущие надзиратели, так и их будущие жертвы. Они читают одни учебники и поют одни песни, но думают уже о разном. Задуматься бы – почему...

Олег Зыков

«Надо быть хитрее и умнее начальников»

Для меня никогда не стоял вопрос оценки качества власти. Меня всегда интересовало, как при этой власти, при той конструкции, которая существует здесь и сейчас, я могу помочь тем людям, которым хочу помочь. И у меня нет проблемы «нерукопожатных» людей. Если в результате тех или иных действий произойдет то, чего хочу я, а не власть – я буду это делать. Разумеется, я понимаю, в какой кабинет вхожу и какие слова в этом кабинете могут быть услышаны. Моя цель не в том, чтобы встроиться во власть. Я не делаю карьеры, ни политической, ни бюрократической, я двадцать лет главный врач в наркологическом диспансере и в другом качестве себя не вижу, политической деятельностью я прекратил заниматься в 1993 году. И если членство в Общественной палате, в Общественном совете при ФСИНе может быть полезно для тех целей и задач, которые я перед собой ставлю, значит, вопрос о том, входить туда или не входить, для меня не стоит.

Я занимаюсь защитой прав детей. Прежде всего меня интересуют дети, несовершеннолетние граждане нашей страны, которые оказались в конфликте с законом. Попали они при этом в колонии или не попали, особой роли не играет. Для меня сам факт конфликта ребенка с законом – симптом болезни, социальной болезни. Конфликт ребенка с законом – это повод оценить ситуацию, в которой это происходило. Правонарушение ребенка – всегда продолжение правонарушения по отношению к ребенку, поведение ребенка – это продолжение нашего собственного поведения. Нельзя помочь ребенку, не понимая причин

О. Зыков – президент Фонда НАН, член Общественной палаты РФ.

Материал подготовлен на основании интервью, которое О. Зыков дал редакции журнала в феврале 2007 г.

его поведения. А для этого надо создать профессиональную среду, которая поможет рассматривать ребенка как субъект реабилитации.

Сегодня не только ребенок, а человек вообще в нашей судебной системе – это объект для репрессий. Более трагично, когда это относится к маленькому человеку. Он вырастет и отомстит обязательно. Обществу просто невыгодно рассматривать ребенка как объект репрессий. Он личность, он сопротивляется ситуации, он субъект, но субъект реабилитации. Мы должны помочь ему найти собственные ресурсы, чтобы выйти с достоинством из этой жизненной коллизии.

Все вышеизложенное – это для меня базовая ценность, и потому любая возможность иметь отношение к формированию реабилитационной программы мне кажется важной и нужной, как и любая попытка влиять на ФСИН, будь то начальник этой службы или сама служба как ведомственный организм.

Ситуации складываются по-разному. В Общественном совете при Минюсте была возможность повлиять на состав этого Совета, и по инициативе этого Совета принимались нужные и важные решения, находившиеся в очевидном конфликте с ценностями, которые исповедует эта система еще с советского периода. В тот Общественный совет входили совершенно замечательные люди, мои друзья, настоящие, в отличие от меня, правозащитники, такие, как Людмила Михайловна Алексеева, Валерий Васильевич Борщов, Валерий Абрамкин, Андрей Бабушкин. Но кроме того, внутри этой службы был человек, который был переводчиком с нашего языка на язык начальника этой службы, генерал Болтков, на тот момент заместитель начальника ГУИН. Этот, несомненно, очень умный человек готов был выдерживать наши нападки и мог добиваться реальных решений от собственной администрации. Тогда система была более открытой, мы обсуждали конкретные проблемы, и принимались конкретные решения. Теперь это несколько иначе. Наше общество вообще эволюционирует в не очень правильном направлении.

Я хорошо понимал, что влиять системно на закрытую систему можно, только хоть в какой-то степени находясь внутри нее. Вообще, закрытые системы извне не реформируются, извне их можно только уничтожить. А реформировать их можно, только найдя позитивный ресурс внутри самой системы. И у меня возникла идея создания ассоциации воспитательных колоний, чтобы сами воспитательные колонии между собой общались, предлагали какие-то решения, которые не были бы в конфликте с намерениями руководства. Военизированная система предполагает вертикаль команды сверху вниз: начальник дает команду, подчиненный

выполняет. А ведь так не бывает, чтобы самый умный был начальник, к тому же у него обычно нет никакой информации, как лучше сделать то или иное дело. В том, старом Совете я без проблем заявил эту идею – ассоциации воспитательных колоний, – и она вошла в решение совета как пункт для исполнения. Меня поддержал генерал Болтков, он донес эту идею до господина Калинина, и все было замечательно.

Но... наступила реформа, вместо ГУИНа стала ФСИН, зависимость ее от минюста намного меньше, чем ГУИНа. Я столкнулся с новым лицом, заместителем Калинина генералом Семенюком. И когда я произнес словосочетание «ассоциация воспитательных колоний», он посмотрел на меня, как на идиота. Я решил сгладить неприятный эффект, стал обсуждать еще одну тему, как мне кажется, очень важную – создание службы пробации. Она должна заниматься человеком, который столкнулся с законом. Генерала чуть кондратий не хватил от слова «пробация». Я понял, что я со старым настроением попал в новое пространство. И сильно загрустил. Я понял, что базовые ценности, ради которых я, собственно, и присутствовал в этом пространстве, не реализуются ни в какой форме.

Однако потом возникла Общественная палата, которая создала ресурс дополнительного влияния на власть. Она создана по инициативе власти, и значит, власть по определению слушает эту Общественную палату или по крайней мере делает вид, что слушает, а дальше уже все зависит от твоей способности встроиться в этот процесс. Я вошел в комиссию по контролю за правоохранительными органами, которую возглавляет господин Кучерена. Внутри этой комиссии тюрьмой и судьбой людей, которые в этой тюрьме сидят, занимаюсь я. Поэтому в Общественный совет при ФСИНе палата рекомендовала меня.

К этому моменту я несколько раз встретился с Калининым. Во-первых, он пришел в Общественную палату на заседание нашей комиссии, потом я оказался членом Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которую возглавлял министр внутренних дел Нургалиев, куда входит Калинин, и у меня была возможность в формате этой комиссии обсуждать идею создания ассоциации. Думающий начальник поймет, что нет ничего плохого, если подчиненные будут предлагать какие-то решения, ведь у него остается право не согласиться. Именно это было моим главным аргументом в разговорах с Калининым. В результате, несмотря на реакцию своего заместителя, Калинин дал согласие на создание этой ассоциации, и в ноябре прошлого года мы провели учредительную конференцию. При-

ехали все начальники колоний. У нас 62 воспитательных колонии, 3 для девочек и 59 для мальчиков.

Это было очень интересно, там было много интересных людей, которые искренне относятся к тому, что они делают, переживают и хотят что-то изменить. Надо просто создать возможность им свою инициативу предлагать и в идеале реализовать. До этого я познакомился с удивительным человеком – когда-то он был начальником брянской воспитательной колонии, Саша Тутиков. Перед тем как уйти в запас, он был полковником внутренней службы, заместителем начальника УИН по Брянской области. Этот человек не утерял ни живости ума, ни искренности чувств, и в то же время это – человек системы. Во время учредительной конференции он был избран председателем ассоциации воспитательных колоний. Эта фигура устраивала и меня, и финовское начальство. Ведь система воспринимает его как своего.

Интересно, как происходила трансформация этой идеи. Я в первый раз получил от Калинина официальную бумагу, и там уже было совсем другое название: «Ассоциация общественных объединений в поддержку деятельности воспитательных колоний». Идея категорически видоизменилась. Включились иждивенческо-патерналистские механизмы. В результате довольно длительного и конструктивного диалога это стало называться «Ассоциация поддержки деятельности воспитательных колоний», и все-таки основная часть, 90% – это сами колонии, остальные 10% – некий набор общественных организаций, которые достаточно активно работают с воспитательными колониями.

Теперь можно выступать с конкретными инициативами, например дистанционного обучения, причем не воспитанников, а учителей. Уровень образования в воспитательных колониях очень разный, и он зависит от педагогического коллектива. Не существует механизма, чтобы заявить некоторую планку. Дистанционное обучение дает возможность, во-первых, сформировать эту планку, а во-вторых, помогать тем, кому можно помочь, подтянуться к этой планке. И ассоциация – это хороший инструмент для проведения таких технологий.

Тогда в Брянске обсуждали и другие чудовищные проблемы. Наше законодательство практически не решает проблему не то что судьбы, социально-реабилитационной программы для несовершеннолетнего после колонии, но даже механического перемещения к месту жительства, особенно девочек, для которых всего три колонии. И девочка выходит из новооскольской колонии Белгородской области, и она сама себе предоставлена. У нее скорее всего проблемы взаимоотношений с родителями. Просидев несколько лет в колонии, она окончательно теряет связь

с семьей, и рассчитывать на то, что кто-то за ней придет, почти не приходится. Есть единственная норма – о пайке на дорогу... Это же подлость, которую творит наше государство по отношению к детям. С этой подлостью надо что-то делать. Ассоциация может стать инструментом предъявления различных инициатив, конечно, предъявлять надо в форме документов, поправок, и я думаю, что у нас это получится.

Еще одна тема – налогообложение учебно-производственных комбинатов, которые есть в каждой колонии. Наше государство умудряется забирать у них налог на прибыль. От этих трех копеек забирает еще копейку. Тоже подлость, с моей точки зрения. Я уже говорил об этом с Екатериной Лаховой, председателем комитета Госдумы по делам женщин, семьи и детей, и она готова продвигать поправку об освобождении от налога на прибыль учебно-производственных комбинатов воспитательных колоний.

Коллектив, который сформируется в результате деятельности этой ассоциации, сможет проявить волю, потому что главная наша идея – создать информационное пространство внутри системы и осмысливать, что надо делать, куда бежать, что болит больше всего.

Каждый раз я пытаюсь заранее просчитать, какие ресурсы у меня будут в результате той или иной конструкции. Вот Общественная палата. Я знал прекрасно, что внутри этой Общественной палаты мне надо будет создать свой пяточок, с которого я буду кричать то, что я и до этого кричал. И пяточок этот будет немножко возвышаться над уровнем моря, и может, я сумею докричаться до кого-нибудь. С самого начала моей задачей в Общественной палате было сформировать какую-то конструкцию с целью защиты прав детей. Я хотел сделать отдельную комиссию, на это моего авторитета не хватило, но его хватило на то, чтобы создать там рабочую группу по защите прав детей. Я – член комиссии по контролю за правоохранительными органами и при этом руководитель рабочей группы по защите прав детей. А уже в рабочую группу я набрал своих единомышленников. И теперь у меня есть свой уголок внутри системы. То же самое в Общественном совете при ФСИН, на учредительном собрании я сказал, что хотелось бы, чтобы в общественном совете был некоторый набор секций, в том числе и секция по деятельности воспитательных колоний, и я намерен эту секцию возглавить. Получится или нет – зависит от персонажей, которые там присутствуют. Заместителем руководителя совета стала Мария Валерьевна Каннабих, которую я давно знаю и с большим уважением к ней отношусь. Это человек, который имеет свои представления о том, как

помогать колониям, имеет большой интерес к колониям, где содержатся женщины и работает с ними достаточно много. Я с ней заранее обсуждал эти вопросы, и она меня поддерживает. Таким образом, бюрократический цикл для меня как бы замкнется: есть ассоциация, Общественный совет, в котором я буду заниматься воспитательными колониями, есть контакт с управлением социально-воспитательной работы, которое возглавляет Виталий Леонидович Полозюк, человек очень разумный, с моей точки зрения, и компромиссный.

Одним словом, создается система отношений, в которой я смогу что-то сделать. При этом надо понимать, насколько система готова воспринять тут или иную идею, те или иные начинания, потому что очень нелепо, с моей точки зрения, выглядит такой пафос: «Я же говорю правильно, значит, вы обязаны меня слышать». Ничего подобного! Аудитория способна слышать только то, что она способна слышать. И для говорящего важно говорить то, что аудитория способна услышать, при этом двигаясь в том направлении, в котором для себя наметил говорящий. ФСИН, люди, там работающие, – очень специфическая аудитория, некоторые вещи она отторгает категорически. Там работают люди с определенным мышлением.

И никакая ксива мне полномочий не прибавит. Я не читал заранее положения о собственных полномочиях в Общественном совете ФСИН. Его писала система, и система ничего особо позитивного не могла написать. Я понимаю, что мое участие в жизни воспитательных колоний будет определяться не этим положением, а ресурсом моих отношений с людьми, которые я выстроил, опираясь на свои ресурсы, свои конструкции, свои возможности.

Система состоит из разных людей. Власть, плохая она или хорошая, состоит из людей. Мы жили при тоталитарной власти, там уловить оттенки разных людей было сложно, но все равно мы их улавливали. Сейчас все персонажи разные. Общественный совет – это не желание кого-либо из администрации ФСИН, это заказ первого лица государства. Президент Путин сказал, что нужно строить гражданское общество. И таким образом оно у нас строится. По собственной воле система этого бы не делала. Да и Совет этот отчасти вписан в систему, думаю, что с ней он конфликтовать никогда не будет. Острые вопросы обсуждаться скорей всего не будут, и все будет достаточно благостно.

И не надо провоцировать начальственных окриков, если мы хотим с ними договариваться, надо быть хитрее и умнее начальников.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

П Р И К А З

Москва

26 января 2007 г.

№ *31*

**О создании Общественного совета при
Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам
деятельности уголовно-исполнительной системы**

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» п р и к а з ы в а ю:

1. Создать Общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы.

2. Утвердить:

Положение об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы согласно приложению 1;
состав Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы согласно приложению 2.

3. Начальникам территориальных органов ФСИН России:

довести до сведения подчиненных подразделений информацию о создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы;

проанализировать деятельность аналогичных общественных советов при территориальных органах ФСИН России, при необходимости обновить их состав.

4. Контроль за исполнением приказа возложить на заместителя директора ФСИН России Семенова В.И.

Директор

Ю.И. Калинин

Исп. Чушкая А.Н.
тел. 249-21-09

Положение об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы

1. Общие положения

1.1. Настоящее Положение определяет компетенцию и порядок формирования и деятельности Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – Совет).

1.2. Совет является постоянно действующим совещательно-консультативным органом при Федеральной службе исполнения наказаний.

1.3. В своей работе Совет руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, а также настоящим Положением.

1.4. Совет осуществляет свою деятельность на основе принципов законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, невмешательства в оперативно-разыскную, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную деятельность, а также в производство по делам об административных правонарушениях.

1.5. Основной целью Совета является привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой (далее – УИС), защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

2. Полномочия Совета, права и обязанности его членов

2.1. В компетенцию Совета входит рассмотрение следующих вопросов:

2.1.1. Координация взаимодействия международных неправительственных и российских общественных организаций (объединений), религиозных конфессий с учреждениями и территориальными органами ФСИН России в работе по реформированию УИС и созданию условий для правовой и социальной защищенности сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

2.1.2. Информирование общественности и средств массовой информации о деятельности ФСИН России для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания.

2.1.3. Содействие в получении образования осужденными, а также несовершеннолетними, содержащимися под стражей, социальной реабилитации лиц, освободившихся от отбывания наказания.

2.1.4. Содействие в налаживании взаимоотношений ФСИН России с руководством производственных объединений, корпораций, фирм для получения заказов в целях развития производства в учреждениях ФСИН России и тем самым совершенствования трудовой адаптации осужденных и их профессиональной подготовки.

2.1.5. Участие в обсуждении с органами государственной власти вопросов совершенствования нормативной правовой базы по соблюдению прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

2.1.6. Распространение положительного опыта работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов сотрудников, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

2.2. Председатель Совета:

2.2.1. Организует деятельность Совета, ведет его заседания, распределяет обязанности и поручения между членами Совета, осуществляет общий контроль за выполнением планов работы, исполнением решений Совета.

2.2.2. Создает необходимые условия для коллективного обсуждения и решения вопросов, внесенных на рассмотрение Совета.

2.2.3. В отсутствие председателя его обязанности исполняет один из заместителей председателя Совета.

2.3. Члены Совета:

2.3.1. Исполняют свои обязанности на общественных началах.

2.3.2. Участвуют в мероприятиях, проводимых Советом, подготовке материалов по рассматриваемым вопросам.

2.3.3. Вносят предложения, замечания и поправки к проектам планов работы Совета, по повестке дня и порядку ведения его заседаний.

2.3.4. Знакомятся с документами, касающимися рассматриваемых проблем, высказывают свое мнение по существу обсуждаемых вопросов, замечания и предложения по проектам принимаемых решений и протоколу заседания Совета.

2.3.5. Вносят предложения руководству ФСИН России по совершенствованию взаимодействия учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, с международными неправительственными и российскими общественными организациями (объединениями), религиозными конфессиями в решении вопросов, касающихся дальнейшей гуманизации условий отбывания наказаний, социальной защиты сотрудников, работников и ветеранов УИС.

2.3.6. Информировывают руководство ФСИН России о нарушениях прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах.

2.3.7. Запрашивают сведения о деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека.

2.3.8. Принимают участие в разработке и реализации программ по актуальным проблемам деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России в области улучшения условий отбывания наказаний осужденными, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

2.3.9. Обладают равными правами при обсуждении вопросов и голосовании.

2.3.10. Обязаны лично участвовать в заседаниях Совета и не вправе делегировать свои полномочия другим лицам.

2.3.11 Могут поощряться за активную работу в Совете и личный вклад в дело реформирования УИС.

3. Порядок формирования Совета

3.1. Положение об Общественном совете, его количественный и персональный состав утверждаются директором ФСИН России.

3.2. В состав Совета входят представители международных неправительственных и российских общественных организаций (объединений), религиозных конфессий, а также граждане Российской Федерации, оказывающие содействие в деятельности УИС. На организационном заседании Совета открытым голосованием избираются председатель Совета, его заместитель (заместители) и секретарь.

3.3. Общественный совет вправе образовывать комиссии Общественного совета. В состав комиссий Общественного совета входят члены Общественного совета.

3.4. В целях повышения эффективности работы Совета его состав один раз в три года обновляется на одну треть.

3.5. Членами Совета не могут быть:

3.5.1. Президент Российской Федерации, члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члены Правительства Российской Федерации, судьи, иные лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, лица, замещающие должности федеральной государственной гражданской службы, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации, должности муниципальной службы, а также лица, замещающие выборные должности в органах местного самоуправления.

3.5.2. Лица, признанные недееспособными на основании решения суда.

3.5.3. Лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость.

4. Организация деятельности Совета и взаимодействия с руководством ФСИН России

4.1. Совет осуществляет свою деятельность в соответствии с планом основных мероприятий, составленным на год, утвержденным председателем Совета и согласованным с руководством ФСИН России.

4.2. Основной формой деятельности Совета являются заседания, которые проводятся не реже одного раза в полугодие.

4.3. За месяц до начала заседания Совета его члены вносят предложения в повестку и готовят для обсуждения информационные материалы, которые доводятся до сведения руководства ФСИН России.

4.4. Принятые решения по рассмотренным вопросам носят рекомендательный характер и отражаются в протоколах заседаний, копии которых представляются директору ФСИН России.

4.5. Документационное и организационное обеспечение заседаний Совета осуществляет секретарь Совета. Он решает вопросы с руководством ФСИН России о месте, времени и обеспечении условий для проведения заседаний, информирует членов Совета о проведении заседаний и находится в прямом подчинении председателя Совета.

4.6. ФСИН России представляет по запросам Совета необходимые ему для исполнения своих полномочий сведения, за исключением сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну.

Алексей Мокроусов

Все лучшее – вождям

Дарить подарки – дело приятное и даже полезное. Одаривать одних – родственников и близких, а также просто приятных людей, этим можно заниматься из собственной радости. Другим – одаривать на официальных юбилеях и торжествах – следуя протоколу. Но вот одаривание бога сродни принесению жертвы, пусть и от чистого сердца.

Насколько много любви в подарках лидеру страны, какие в них еще заложены оттенки и смыслы, как дары отражают язык взаимоотношений человека и власти, и попыталась разобраться выставка «Дары вождям», прошедшая в московском Новом Манеже. Она претендует на звание наиболее осмысленной экспозиции этого сезона. Организованная в рамках празднования 200-летия Музеев московского Кремля (что лишь поначалу кажется необычным, зато понимаешь всю точность выбора подобной темы именно к этому юбилею), выставка объединила более 500 экспонатов не только из кремлевских запасников, но и 14 других музеев и архивов. Все они – подарки советским лидерам, от Ленина до Горбачева, включая так называемых «малых вождей», вроде Ворошилова или Косыгина.

Одни подарки сугубо официальные – как фотографии зарубежных политиков в красивых рамах, преподнесенные Хрущеву, или парадное оружие, которого за 70 лет надарили так много, что под него в Георгиевском переулке выделили целую витрину. Особенно хороша сабля с бриллиантами и изумрудами, подаренная Косыгину королем Марокко Хасаном II в 1971 году. Стальной клинок украшен орнаментом из красной, чертой и зеленой эмали, а также золочения. Представлен и дар советскому народу от Испанской республики. К 20-летию Октябрьской революции советские граждане получили красивый кинжал-багинет в ножнах. Кинжал, впрочем, сохранил надпись, свидетельствующую о прежнем адресате: в 1920 году Артиллерийская фабрика в Толедо пре-

поднесла его виконту де Эса, военному министру в правительстве Альенде Саласара. Передаривать чужие подарки в частной жизни считается дурным тоном, но у политики своя мораль. Тем более приятно дарить отнятое у врага: трофей – один из краеугольных камней истории.

А в 1961 году Леонид Ильич получил от вождей племени экровит кинжал «хадендаа» и пояс с ножнами. Кинжал, имеющий S-форму, с ручкой X-формы, распространен в Эритрее и некоторых провинциях Судана. В оформлении подарочного экземпляра (в 1961 году из Президиума Верховного Совета СССР его передали в Музей подарков СССР, а после его закрытия четыре года спустя в Музеи Московского Кремля) использовались серебро и золото. Незадолго до этого в Москву привезли еще один ценный дар из Африки: император Эфиопии преподнес Нине Петровне Хрущевой сумку из золота. Первая леди страны, судя по всему, этим аксессуаром не пользовалась: уже в 1962 году, то есть еще в хрущевскую эпоху, дар был передан в Музей подарков СССР. Как и большинство других экспонатов выставки, сумочку впервые представили широкой публике.

Другие подарки – от простого народа, порой куда более простые по исполнению, приземленные, но, что называется, «от всего сердца» – вроде албанской народной обуви дженча и цервули. Авторы выставки, О. Соcнина и Н. Скорин-Чайков, считают, что «подарки соединяют, на первый взгляд, несоединимое – обычных людей и вождей. Когда инвалид от рождения, пенсионер, рабочий или домохозяйка посылали свои “скромные подарки” главе государства, они вступали в прямой диалог с властью». Из-за чего дистанция не только сокращалась, но и определялась навеки – от обожествления (посмертного Ленина и прижизненного Сталина) до порой неосознанно формально-ироничных даров Брежневу.

Портрет вождя оставался самым любимым даром.

На выставке показан и портрет Ленина, сложенный из зерен риса, пшеницы, гороха, гречихи, мака, фасоли и кукурузы, и портрет Сталина, выполненный как мозаика из алюминиевых заклепок и гаек авиационного образца. Портреты Брежнева отличаются той же степенью маразма, что и его эпоха в целом: Винницкая область Украины, например, преподнесла генсеку к его 70-летию его же, генсека, портрет из сахара. Типа – лижи, не хочу! А одна оренбургская мастерица связала в том же 1976 году настоящий оренбургский платок из козьего пуха – с погрудным портретом Леонида Ильича (что, в общем-то, противоречило традиционной эстетике этих платков).

Но все же доминируют изображения первого вождя. Как только не изображали Ленина! Вот он явлен как аппликация из марок (от юго-

славской правительственной делегации в 1960-м Хрущеву), вот из перьев птиц (белорусы – Сталину в 1949-м), а то и просто: ручное вязание крючком (жена эстонского моряка сразу в московский музей Ленина в 1970-м). Но и здесь есть свои чемпионы по курьезам. В первой половине 30-х годов Центральный музей Ленина получил, например, ленинское изображение, сплетенное из человеческих волос. Его автор, парикмахер Г. Борухов, рассчитывал тем самым внедрить в мир новое искусство – картины-гобелены на основе человеческих волос. По этому поводу парикмахер вступил в переписку с тогдашним народным комиссаром по военным и морским делам Климом Ворошиловым и даже посетил его лично: дескать, сколько славы во всем мире принесет родной стране это художественное изобретение. Несмотря на встречу с наркомвоенмором, дело почему-то не пошло. Сохранились трогательные и одновременно жуткие в своей наивности письма Борухова Ворошилову, фрагменты из которых публикуются в каталоге: «Помня Ваш совет ... вот уже два месяца как я оставил парикмахерскую и приступил к работе над новыми картинами. В частности, мне хочется изготовить большое панно для будущего Дворца Советов, полагаю, там такое будет уместно. Сюжет у меня напрашивается – первый удар по Деникину». Но при этом – жалуется пионер искусства – продовольственной карточки нет, от распределителя открепили, а жить приходится в темном сыром подвале. И это-то – при поддержке вождя!

В качестве решения проблемы т. Борухов предлагал выделить ему квартиру при первом Доме Советов, где он устроил образцовую парикмахерскую (т. Енукидзе в курсе), а также назначить его по специальности в Кремль (можно и зав.парикмахерской) либо на худой конец в санаторий Совнаркома.

Сообразительный был товарищ. На месте Ворошилова я бы поостерегся садиться в его кресло, чтобы побриться.

Многие подарки носили откровенно политический смысл – как рисунок Жана Демаре «Встреча Петра I и Людовика XIV в Париже 11 мая 1717 года (Прием в честь царя Московии)». Рисунок служил наброском к гравюре, выпущенной в качестве альманаха (то есть сопроводенной обильным текстом) за 1718 год. В декабре 1944 года его преподнес Сталину Шарль де Голль, прекрасно понимавший лестный и льстивых характер порождаемых аллюзий. В 1962 году рисунок поступил в Музей подарков СССР от Управделами ЦК КПСС, восемь лет спустя его передали на хранение кремлевским музеям. Сам Музей подарков СССР так и не успел открыть свои залы для публики: после снятия Хрущева его фонды передали 13 собраниям.

А вот понимала ли подсознательный смысл происходящего дарительница самого необычного экспоната выставки, установить уже, скорее всего, не удастся. Внучка декабриста Ивана Анненкова (1802–1878) прислала в 1949 году вождю всех народов браслет, сделанный из оков своего дедушки. Тот сидел в свое время в Нерчинске и в других отдаленных местах, по-прежнему востребованных в сталинскую и более поздние эпохи. Фрейд в конце 40-х был у нас не в почете, но дело его процветало.

Любовь иных была настолько искренней, что принимала порой совсем уже причудливые формы (и причудливые – здесь явный комплимент). Так, одна из жительниц Ялты стала вышивать речь т. Сталина на заключительном заседании XIX съезда КПСС, произнесенную 14 октября 1952 года. Речь некоротка, работа трудная... поспела женщина как раз к очередному съезду, двадцатому, в адрес которого и послала свое панно, выполненные при помощи шелковых нитей, мулине, бисера; техника – вышивка гладью. А там – доклад Хрущева и прочие связанные с разоблачением культа личности события. Так что панно размером 82 на 140 см было логичным образом «сослано» в музей Сталина в Волинском, а в июне 1966 года, после закрытия музея, передано в фонды Центрального музея Ленина. До знаменитого ковра площадью в 70 кв. м., изготовленного к сталинскому юбилею, панно все равно не дотягивало.

Особый интерес вызывали бы предметы, подаренные в свое время тем лидерам партии и правительства, кто был позднее репрессирован – Бухарин, Троцкий, Тухачевский, комсомольский вожак Косарев... Но таковые организаторам выставки, как они утверждают, просто не попались (видимо, были уничтожены после арестов «малых вождей»). Зато, готовя материалы для раздела подарочных шахмат, устроители экспозиции нашли фотографию с изображением уникального комплекта фигур. В 1922 году сотрудники ЦК подарили Ленину комплект шахмат «Советские и буржуазные деятели», изготовленный в самом авангардном на тот момент художественном заведении советской России – ВХУТЕМАСе. «Наша» команда состояла из рабочего и крестьянки в роли ферзя и короля. Конями стали Микоян и Фрунзе, офицерами – Троцкий и Сталин, ладьями – абстрактные Завод и Фабрика. Зато в роли пешек выступали Майский и Рыков, Каменев и Томский, Бухарин и Радек, Зиновьев и Калинин (не отсюда ли и вся последующая пропагандистская фразеология, связанная с понятием «пешек в чужой игре?»).

Противников представляли, в частности, Пилсудский, Пуанкаре, Врангель, Каутский и Милюков.

Интересно, что этот комплект исчез согласно более позднему решению того же ЦК: в октябре 1950 года он был выведен из спецхране-

ния как ненужный и уничтожен. Кроме фотографии, ничего от этого полуанекдотичного памятника эпохи не осталось.

Позднее шахматные фигуры все же делали в более абстрактной манере – видимо, чтобы политическая конъюнктура не заставляла уничтожать их сразу. Так, в 1964 году немецкий завод тяжелого машиностроения им. Кирова (почему Кирова?! Зачем его помнили в ГДР? Кем он им там представлялся? Просто бред какой-то!) вручил Никите Сергеевичу шахматы, где в роли фигур выступала тяжелая техника в виде башенных кранов и шагающих экскаваторов.

Пользовались ли всем этим вожди?

Какими-то вещами точно нет – в каталоге публикуется, например, перевод письма жителя голландского города Роттердама, которое прикладывалось, судя по всему, к паре башмаков, переданных им в декабре 1960 года в адрес Хрущева. Столь странный подарок был послан вскоре после знаменитого заседания Генассамблеи ООН, где советский лидер, сломав председательский молоток, начал стучать по трибуне своим ботинком. Ехидный голландец послал и председателю Генассамблеи «вечный» молоток. Сопроводительное письмо к башмакам аккуратно перевели на русский – подпись переводчика Суворова удостоверяет текст перевода.

Какие-то дары неизбежно съедались: например, в каталоге цитируются служебные записки министра иностранных дел А. Громыко, связанные с корзинами фруктов от бирманского премьер-министра У Ну в честь хрущевского дня рождения. А когда СССР передала Бирме свои дары – технологический институт, госпиталь и гостиницу, – премьер еще прислал фруктов. Но уже восемь корзин. Нам показалось неудобно отмалчиваться: в Бирму полетели три килограмма черной игры. Разве что может быть жалко для третьего мира? В начале 60-х черную икру в СССР все равно ели мало и как-то неохотно.

А что до более материальных вещей...

Известно, что Сталин даже не посетил огромную выставку подарков, присланных к его юбилею и так и названную – «Подарки И.В. Сталину от народов СССР и зарубежных стран». Выставку разместили на Волхонке, в здании нынешнего Музея изобразительных искусств имени Пушкина, а также в Музее Революции. На открытии побывали руководители почти всех коммунистических партий, от Тольятти до Мориса Тореза. Им было что посмотреть: от полотна Айвазовского, присланного Финляндией, до письменного стола с потайным механизмом, выдвигавшим наверх графин с рюмками (от австрийцев). Отца всех народов ждали здесь в любую минуту, и час икс объявлялся неоднократно. Но он так и не наступил:

вождь отказался хотя бы одним глазком взглянуть на предназначавшиеся ему красоты и ценности. Видимо, сдержанность к подношениям влюбленных подданных – истинная черта небожителей.

Музей подарков СССР, как стали называться эти фонды после 1953 года, просуществовал недолго. Он был расформирован, а его сокровища (порой буквально в смысле) переданы другим музеям. Среди переданного и впрямь есть ряд первоклассных произведений искусства. Так, в Музее личных коллекций представлена шпалера «Рекрут ста деревень», выполненная по рисунку Жана Люрсы – все из тех же присланных к сталинскому 70-летию даров (обычно она украшает здание Музея личных коллекций на Волхонке). Есть и картина Нади Леже, русской художницы, ставшей супругой французского классика Фернана Леже, – она изобразила жену и детей председателя французской компартии.

Позднее нравы упростились. В каталоге помещены удивительные по своим подробностям воспоминания Г. Гараджи, бывшего в начале 80-х секретарем парткома музея Ленина. Именно Гарадже поручили провести экскурсию для Брежнева по закрытой выставке подарков, присланных к 75-летию генсека и организованной в Зале заседаний ЦК. Леонид Ильич явился на выставку после долгих недель ожидания. Гараджа отметил, что его не заинтересовали совсем ни официозные портреты (хотя среди авторов были и Налбандян, и Таир Салахов), ни вазы, ни прочий кич: «Среди огромного количества подарков нелегко было выделить что-то душевное, искреннее. В массе своей это была многообразная и многоликая пошлость – именно туда и тянуло как магнитом Викторию Петровну». Супруга Брежнева требовала «завернуть с собой» буквально все, что ей приглянулось, дабы украсить свое жилье. Расстраивало только, что хрустальные вазы – главный символ благополучия в советские времена – были безнадежно испорчены вделанным в них портретами юбиляра.

Интересно, что с мужем у нее разгорались тихие стычки: квартира на Кутузовском, где жили Брежневые, была, как ни странно, невелика, и все туда явно не влезало. Так, Брежнев отказался взять с собой семейный портрет его и супруги, подаренный четой Рашидовых, зато захотел другую картину, где он был изображен с матерью. Картину представлял Шеварднадзе, а автором ее был тогда мало кому известный Зураб Церетели.

Стычки, впрочем, прекращались после легкого взмаха густых брежневских бровей. Зато подаренное этому известному охотнику оружие Виктория Петровна уже сама «отписала» своим охранникам.

Растаскивание государства начиналось с мелочей. В начале перестройки наследники Брежнева не стеснялись еще демонстрировать

телевидению некоторые из даров дедушке, которые они получили в наследство и теперь собирались продавать – на поддержание собственного живота. Впрочем, судя по иным свидетельствам, весь процесс передачи даров «сверху» в музейные фонды был порой довольно неформальным, а судьбой их распоряжались иногда и вовсе непонятные силы. Апофеозом этого процесса стала судьба фондов музея Ленина, распадавшегося после 1991 года (лишь недавно, в ходе подготовки московского биеннале современного искусства, неожиданно выяснилось, что из здания музея даже исчезли механизмы эскалаторов – что же говорить о коллекциях?!).

Пестрота даров не облегчает задачу экспонирования. Только кажется, что показать такую массу занимательных экспонатов можно как угодно: сила свидетельства такова, что перебьет любое оформление. Но организаторы, готовившие проект в течение пяти лет, решили показать России, что такое современная выставка. Для ее оформления пригласили мэтра архитектуры Евгения Асса, который не просто придумал впечатляющий дизайн, построенный на чередовании парадных колонн и интимных кабинетов, но и осмыслил все экспонаты в рамках философских категорий пространства и времени. Причем колоннаду напоминает не только помпезный сталинский стиль, но и главный зал Российского Этнографического музея в Петербурге, который строился в конце XIX века с целью увековечить память императора Александра III. В этом зале поначалу размещались дары народов России императору и его семье. А есть ли что более важное, чем преемственность традиций? Особенно в русской жизни?

Сниженной, фарсовой формой всех этих многочисленных музеев подарков стал музей телепрограммы «Поле чудес». Тысячи сувениров и даров, привозимых участниками программы со всей страны Леониду Якубовичу, размещаются сейчас в одном из павильонов экс-ВДНХ, ныне ВВЦ. Адрес музея по-фрейдистски точен: идеологического давления с целью создания нового «всемирного любимого вождя» последние два десятилетия вроде бы не наблюдается. А привычка осталась.

Александр Сидоров

Паровозный детектив

История песни – история страны

История блатных песен отражает историю русского народа – яркую, непростую, зачастую трагическую. Многие шедевры уголовной «классики» берут начало в народной песне, а затем впитывают в себя события и реалии иной жизни. Сама по себе эта тема авантюрна и увлекательна, но порою к ней добавляются детективные штрихи и нюансы, придающие исследованию скандальный оттенок.

Так вышло и с известной блатной песней, которую одни называют «Постой, паровоз, не стучите, колеса», другие – «Летит паровоз по долинам и взгорьям». Она до сих пор является своеобразным «яблоком раздора» среди любителей уголовно-арестантского фольклора.

Огромную популярность песня о паровозе приобрела после того, как была исполнена в кинокомедии Леонида Гайдая «Операция Ы» Юрием Никулиным и Георгием Вициным. А в 1999 году ростовское издательство «Феникс» выпустило мою книгу «Блатные песни с комментариями Фимы Жиганца», где обращалось внимание на то, что песня «Постой, паровоз, не стучите, колеса» является переделкой дореволюционной «Вот тронулся поезд в далекую сторонку». Речь в ней ведется от лица солдата, которому дали отпуск на три дня для прощания с матерью:

*Вот тронулся поезд в далекую сторонку –
Кондуктор, нажми на тормоза:
Я к маменьке рудной с прощальным поклоном
Спешу показаться на глаза.*

*Летит паровоз по долинам и взгорьям,
Летит он неведомо куда;
Я к маменьке родной заеду ненадолго,
А срок мне представлен на три дня.*

*Прости меня, мама,
Прости, дорогая! –
Вот все, что я маме скажу.
Теперь я не знаю, в которую минуту
Я буйную голову сложу...*

Вариант этой песни известен, в частности, в исполнении Жанны Бичевской.

Рядом я поместил расширенный уголовный вариант «Паровоза»:

*Летит паровоз по долинам и взгорьям,
Летит он неведомо куда.
Мальчишка назвал себя жуликом и вуром,
И жизнь его – вечная игра.*

*Постой, паровоз, не стучите, колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза!
Я к маменьке родной с последним приветом
Спешу показаться на глаза.*

*Не жди меня, мама, хорошего сына –
Твой сын не такой, как был вчера:
Меня засосала опасная тряпина,
И жизнь моя – вечная игра.*

*А если посадят меня за решетку,
В тюрьме решетку я прорву.
И пусть луна светит своим продажным светом –
А я все равно я убегу!*

*А если заметит тюремная стража –
Тогда я, мальчишечка, пропал:
Тревога и выстрел – и вниз головою
Сорвался с баркаса¹ и упал.*

¹ Баркас, барказ – тюремная стена (устар.). Вариант – «с карниза». Любопытно, что на «старой фене» было два разных обозначения стены в зависимости от ее «функций»: «баркас» – стена тюремная, и «батис» – стена в магазине, банке или других объектах для краж с проломом. Сейчас оба слова забыты.

*Я буду лежать на тюремной кровати,
Я буду лежать и умирать...
А ты не придешь ко мне, родная мама,
Меня приласкать, поцеловать.*

Однако, как выяснилось в 1996 году, авторство «Паровоза» приписали бывшему работнику «Ленфильма» Николаю Ивановскому. И даже привели «канонический вариант» слов песни:

*Постой, паровоз, не стучите, колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза.
Я к матушке родной с последним поклоном
Хочу показаться на глаза.*

*Не жди ты, мать, сыночка, беспутного сына,
Не жди ты, мать, сыночка, никогда.
Его засосала тюремная тряпина,
Он с волею простился навсегда.*

*Пройдут мои годы, как талые воды,
Пройдут мои годы, может, зря.
Не ждет меня радость, клянусь тебе свободой,
А ждут меня по новой лагеря.*

(1946 г., Карелия, Петрозаводск)

В принципе, на роль автора этой песни Ивановский вполне подходит. Он родился в 1928 году, четырнадцати лет попал в детскую колонию за воровство. Песню, по его словам, написал на зоне, когда ему было 18 лет. Освободился в 25-летнем возрасте (в год смерти Сталина; возможно, по знаменитой «бериевской» амнистии). Отошел от преступной жизни, через год после зоны попал на «Ленфильм», где проработал 35 лет начальником осветительного цеха. Знал и Никулина, и Вицина, и Даля, и многих других актеров. Писал стихи и прозу, публиковался в периодической печати. Стал членом Союза писателей и Союза кинематографистов...

Эту версию об авторстве сегодня отстаивает Александр Дюрис, племянник Ивановского. Подобное утверждение не выдерживает никакой критики, опирающейся на знание подлинного – фольклорного – источника... Приведу здесь, в качестве еще одного доказательства

широкого бытования этой песни, фрагмент из воспоминаний Юрия Никулина:

«Я, кроме анекдотов, коллекционировал песни. Даже в армию взял альбомчик, который прошел со мной через войну. Песня “Постой, паровоз” тоже была в том альбомчике. Автора я, конечно, не знаю. Ее я записал уже после войны, когда демобилизовался. А в фильме песня появилась так. Во время съемок “Операции Ы” Гайдай сказал: “Нужна песня, какая-нибудь блатная”. Я спел парочку, но они показались ему грубыми, а нужна была жалостливо-лирическая. И я вспомнил “Постой, паровоз...”, и она подошла...».

Конечно, Ивановский (если вообще речь может идти о его причастности к авторству песни), вполне мог создать свою «блатную версию» народной песни...

Крестьяне нам не указ!

Так есть ли у блатной песни о паровозе и кондукторе фольклорные корни? Несомненно. Тому имеется множество доказательств. Так, например, Виктор Астафьев в 1958 году издает роман «Тают снега», где пишет:

«Следом за трактором шагали женщины с ведрами, корзинами и лопатами. Они то и дело сворачивали на межу, опрокидывали ведра. Куча картофеля заметно росла. До Птахина донеслась песня. Он удивился. Давно люди не работали с песнями, тем более осенью. Весной – другое дело. Песня была старая, здешняя, про девушку, которая уезжает в далекие края, не вынеся душевных мук.

Вот тронулся поезд

В далекую сторонку,

Кондуктор, нажми на тормоза!

Я маменьке родной

С последним поклоном

Хочу показаться на глаза...

Вместе со всеми пела и Тася. Слов она не знала, но к мелодии быстро привыкла и подтягивала...».

Добавим к этому свидетельству и другие факты.

В книге Майкла и Лидии Джекобсон «Песенный фольклор ГУЛАГА как исторический источник (1917–1939)», опубликован еще один любопытный вариант песни про паровоз:

*Стойте паровозы, колеса не стучите,
Кондуктор, поднажми на тормоза.
К маменьке родимой в последнюю минуту
Хочу показаться на глаза.*

*Не жди ты, моя мама, красивого сыночка.
Не жди, он не вернется никогда,
Его засосала тюремная решетка,
Он с волей распростился навсегда.*

*Хевра удалая, смелая, блатная,
Та, которой жизнь трын-трава,
Все мои Кирюхи, вся семья большая,
Едет на гастроли в лагеря.*

*Что ж нам еще делать, мальчикам горячим?
Семьи наши высланы в Сибирь.
Мы же ухильнули, работнули дачу,
И за это гонят в Анадырь.*

*Вечно не забуду маму дорогую,
Знаю, будет чахнуть, горевать по мне.
Ведь ее сыночков, всю семью большую,
Раскулачка гонит по земле.*

В примечаниях указано, что текст взят из коллекции Александра Варди, эмигранта, многие годы собиравшего фольклор сталинских лагерей (сам он отбывал срок в Магадане с 1939 по 1941 год). Ныне она хранится в Университете Стэнфорд. На полях рукописи стоит пометка «Магадан, 1939 г.».

Правда, ни первое свидетельство (Астафьева), ни это второе Александра Дюриса не убедили... Я не буду приводить все его аргументы – они представляются мне с филологической и исторической точек зрения малокомпетентными. Чего только стоит мнение солидарного с Дюрисом в его борьбе за авторство песни Михаила Дюкова о том, что строки про «раскулачку» – полная несурезица: какие могут быть воры с крестьянским происхождением? Если бы Михаил Дюков почитал хотя бы Варлама Шаламова, он бы узнал, что именно в 30-е годы в ряды профессиональных преступников влились тысячи молодых здоровых крестьянских парней и они среди арестантов играли значительную роль (хотя «законными ворами» и не были)...

Песнь о летающем паровозе

Однако и это еще не все свидетельства. В Гуверовском институте хранится работа Владимира Юрасова «Песня в советских тюрьмах и лагерях». Она написана в 1950 году, когда «автор» «Паровоза» Николай Ивановский еще мотал срок. В работе приводится вариант песни с первой строкой «Летит паровоз по долинам и селам» – той самой, которая отсутствует в «каноническом» тексте Ивановского, зато присутствует во многих других, прежде всего – в «рекрутской» народной песне, которую исполняет Жанна Бичевская. Сам Юрасов родился в 1914 году. В 1938-м был арестован, в 1941-м бежал из лагеря, жил по подложным документам, воевал, получил звание подполковника (1945), после войны был уполномоченным Министерства промышленности строительных материалов в Восточной Германии, бежал в Западную Германию, а с 1951-го обосновался в США, редактировал журнал «Америка», был комментатором радиостанции «Свобода». То есть после 1941 года Юрасов ни разу не был в Советском Союзе и слышать песню, якобы созданную в 1946 году и ходившую по лагерям, просто не мог. Он приводил текст, который услышал в ГУЛАГе.

Свой ответ на вопрос, как в 1950-м году в Западной Германии мог появиться куплет с «летающим» паровозом, который присутствует во многих исполнениях песни (в том числе в исполнении Владимира Высоцкого в первой половине 60-х годов), пытается дать Михаил Дюков:

«В романе Михаила Демина “Блатной” упоминается такой факт, что сам Демин услышал песню “Постой, паровоз” и дополнил ее своим куплетом со словами:

*“Лети, паровоз по долинам и взгорьям,
Летит он неведомо куда...”.*

...теперь мы знаем, откуда и где был “пришит” чужеродный куплет. Если учитывать тот факт, что сам Демин попал в тюрьму только в середине войны (год 1942–1943), а переделка свершилась спустя некоторое время (конкретно он не упоминает), то можно предположить, что это песня была услышана в лагере и там же переделана, а это был год 1946–1947».

Но здесь – все неправда. Про «Паровоз» Демин писал в автобиографическом романе «Блатной», вышедшем во Франции в 1972 году, следующее:

«Не менее разнообразен и репертуар майданников; тут воспеваются поезда, вокзалы, просторы родины... “Летит паровоз по зеленым просторам. Летит он неведомо куда... Назвался, мальчонка, я жуликом и вором и с волей распростился навсегда”».

Дюков не читал этого отрывка и потому процитировал песню неточно. Кроме того, ведь Демин не утверждает, что «дописывал» какой-либо куплет. Он просто приводит отрывок арестантской песни, широко известной в блатных кругах. Кстати, наряду с «Паровозом» Демин цитирует множество других уголовных песен, в том числе песни Соловецких лагерей, на тот момент широкой публике совершенно не известные: их полные тексты вышли значительно позднее.

Но и на этом история «летающих паровозов» не завершается. В первой половине 90-х годов в передаче Эдуарда Успенского и Элеоноры Филиной «В нашу гавань заходили корабли...» прозвучал еще один вариант «Паровоза». Текст его был опубликован в 1995 году в сборнике песен «В нашу гавань заходили корабли»:

*Летит паровоз по долинам и горам
Летит он неведомо куда.
Назвалась, девчонка, я ишаком завода,
И с волей простилась навсегда.*

*Работаю в заводе, делаю детали,
Привыкла я к токарному станку.
Теперь я не знаю, в какую минуту
Я с этого завода убегу.*

*Начальник, начальник, не топай ногами,
А мастер, не прыгай, как коза!
Вы дайте мне отпуск на три денечка,
Я дома наемся досыта.*

*Ехала я долго, грязна и голодна,
Приехала – наелась досыта.
Ой, маменька родна, замучили в заводе,
Я больше не поеду до суда!*

*Летит паровоз по долинам и горам,
Кондуктор не жмет на тормоза...
Теперь я, девчонка, еду уж на Север,
На Север далекий навсегда!*

Судя по реалиям этой песни, она была создана в годы от 1940-го по 1956-й. В 1940-м Президиум Верховного Совета СССР издал ряд указов: о переходе на 8-часовой рабочий день, о переходе на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятия. За нарушение этих указов устанавливалась уголовная ответственность от 2 до 4 лет заключения. Закрепление было полным и касалось всех – от учащихся фабрично-заводских школ до директоров предприятий. Некоторые историки считают, что по этим указам были осуждены миллионы человек. Лишь в 1956 году уголовная ответственность за самовольный уход с работы (кстати, и за опоздание на рабочее место) была отменена.

Совершенно безосновательно предполагать, что и этот вариант «стилизован» уже после того, как «Постой, паровоз» стал популярен благодаря кинофильму «Операция Ы». Зачем кому-то понадобилось вдруг «стилизировать» в 90-е годы «Паровоз» под 40-е?!

А если еще допустить, что народной рекрутской песни «Вот тронулся поезд в далекую сторонку» не существовало, значит, исполнители песни о заводе переделали на свой лад «стилизацию» Жанны Бичевской! Иначе явных совпадений никак не объяснить. Вот первая зацепка:

*Теперь я не знаю, в какую минуту
Я с этого завода убегу.*

Сравните с «рекрутским» вариантом:

*Теперь я не знаю, в которую минуту
Я буйную голову сложу.*

Далее:

Вы дайте мне отпуск на три денечка.

Где же упоминание об отпуске и именно в три дня – в блатной песне? Его и не может быть. Это не «клеится» к уголовному миру. Какой отпуск у уркагана? Зато к работягам подходит – в самую масть! Поэтому и переключалось это упоминание из народного варианта **«а срок мне представлен на три дня»**.

Так же несомненно, что ко времени создания «пролетарской» обработки существовала уже и блатная переработка «Паровоза», на что указывают строки:

*Назвалась я, девчонка, ишаком завода
И с волей простилась навсегда.*

В блатном варианте:

*Назвался я, мальчонка, жуликом и вором,
И с волей простился навсегда.*

Джордж Вестингауз предоставляет улики

Не слишком удачно обстоят у Дюриса и дела с анализом текста фольклорного первоисточника знаменитой блатной песни. Он сразу попадает впросак, утверждая следующее:

«Со слов дядьки знаю, что в его песню вкралось одно искажение. Вместо “Я к маменьке родной с последним приветом” должно быть “с последним поклоном”. “Поклон” более соответствовал блатной сентиментальности тех лет, когда уголовник мог запросто кого-то зарезать, а через час в бараке под песни “проливать слезы”...».

Сентиментальность блатных здесь не при чем. В **оригинальной** блатной песне слова про «последний поклон» маменьке звучат нелепо. Ни в одной исконно блатной песне такого сугубо народного обращения нет и быть не может. Только – мать, мама, в крайнем случае – мамочка. Но не «маменька», и не «матушка». Можно свериться с известными песнями «Мамочка, мама, прости дорогая», «На заливе тает лед весною» и т. д. «Маменька» – лексика дореволюционная, но никак не «подсоветская».

Теперь о поклонах. Это что за ритуал? Народный – да, но не у блатных! Поклон батюшке-матушке характерен для русского дореволюционного быта. После коллективизации и индустриализации, ломки через колено старых патриархальных порядков новой властью – откуда взяться поклонам?

Вспомним: «маменька» была в «Грозе» Островского, там же и сцены прощания с земными поклонами и троекратными, со всеми по старшинству, поцелуями. Или в «Братьях Карамазовых» Достоевского:

– Совершенно возможно! – тотчас же согласился Красоткин и, взяв пушечку из рук Илюши, сам и передал ее с самым вежливым поклоном маменьке.

Та же традиция поклона матери – и в русской песне «Степь да степь кругом»:

*Ты лошадушек
Сведи к батюшке,*

*Передай поклон
Родной матушке.*

А вот из «Похождений одного матроса» Станюковича:

И папеньке с маменькой передайте нижайший мой поклон и как я благодарен за ласку.

В русской литературе и фольклоре таких примеров можно привести тысячи. В блатном фольклоре – ни одного!

Нелепо звучат и другие претензии Александра Дюриса, например, к народной песне про рекрута. Обвиняя Бичевскую в «переделке» дядинного паровоза, он пишет:

«Социальные (технические) признаки задавались самим оригиналом песни “Постой, паровоз”: “паровоз”, “не стучите, колеса”, “кондуктор, нажми на тормоза”. А также производным вариантом: “летит паровоз”. В переписанный, адаптированный вариант добавлены технико-канцелярские термины: “срок мне представлен на три дня”, “в которую минуту”.

Так как мы имеем дело с русским народным фольклором, который существовал в своих языковых (и временных, и социальных) закономерностях, спросим, откуда вдруг народная языковая стихия являет в своем творчестве канцеляризм – “срок представлен”? (Еще К.И. Чуковский в своей книге “Живой как жизнь” говорил о проникновении в советскую эпоху канцеляризов в русский язык). Ну, “представлен к Георгиевскому кресту” – это понятно: награда, георгиевский кавалер и т. д. Отпуск: дан, в крайнем случае – предоставлен...

...Если бы Ж.Бичевская пригласила грамотного специалиста, он бы вместо “в которую минуту” сумел бы встроить “в чужую”, “в дальнюю”, “во вражьей сторонке” “я буйную голову сложу”. Что более подмаскировало бы песню под русскую народную. Причем встроил бы – ритмически, не калеча слова и их сочетания (“а срок мне представлен на три дня”)».

И вновь здесь Дюрис выглядит совершенно беспомощно... «А срок мне представлен на три дня», «в которую минуту», «буйную голову сложу» – все это как раз **живой народный язык!** Для того, чтобы понять и почувствовать его, можно для начала прочесть замечательные работы русских фольклористов. К примеру, «Меткое московское слово» Евгения Иванова. Сказки и предания Бориса Шергина. Или хотя бы русские сказки Афанасьева. Или открыть Владимира Ивановича Даля. Там даны яркие примеры: «*которого щенка берешь?*», «*ни которого яблока не беру, плохи*», «*который Бог вымочит, тот и высушит*», «*который нибудь*», «*который ни есть*»...

Все глупости Дюриса перечислять утомительно. Но совершенно случайно он подсказал мне еще один аргумент в пользу существования фольклорного первоисточника блатной песни о паровозе и кондукторе. Дюрис пишет:

«Маловероятно, что в теплушках, увозящих солдат на фронт 1-й мировой войны, были кондукторы и тормоза. Скорее всего, управляя движением поезда (и торможением) машинист – из паровоза».

Замечательная реплика! Во-первых, непонятно, почему солдат должен ехать на побывку к матери в теплушке, а не в обычном вагоне? Но главное не это. Невольно Дюрис дал «маячок», привязывающий действие именно к дореволюционным временам. Совершенно очевидно, что герой песни **не имеет ни малейшего представления о принципе работы поезда!** Хотя бы о принципе действия тормозов. Действительно, **кондуктор ни при каких условиях не мог НАЖАТЬ на тормоза!** С самого начала (1868) «нажать» на изобретенный Джорджем Вестингаузом пневматический железнодорожный тормоз, действующий при помощи сжатого воздуха, не представлялось возможным. Экстренное торможение осуществлялось первоначально при помощи специальной ручки, которую дергали вниз, а позднее стали дергать на себя рычаг, называемый «стоп-краном».

Малограмотный солдат из простонародья начала XX века этого вполне мог не знать. Для простого паренька из «глубинки» такие премудрости были в диковинку. Для него и поезд был чем-то вроде космического корабля для нынешнего обывателя. А вот для опытного «жюльмана» конца 40-х годов подобное неведение было непредставимо! Уркаганы постоянно «гастролировали» по городам, «работали» в поездах, железнодорожный транспорт к середине XX века в России жулику был отлично знаком. Он-то «бомбил» в «центрах цивилизации», а не в деревне землицу пахал...

Так что душераздирающий возглас гулаговского жюльмана – **«Кондуктор, нажми на тормоза!»** воспринимается как дикий анахронизм.

Песни нет, а ее поют! Но есть у борцов за авторство Ивановского еще один аргумент, который кажется им неопровержимым. Михаил Дюков, которого я искренне уважаю за его подвижническую работу по изучению русского шансона, вопрошает:

«Если эта песня старинная, то почему ее нет в репертуаре певцов начала 20-го века ни у советских, ни у эмигрантов?! В период 1-й мировой войны были популярны патриотические песни, но и среди них “Вот поезд тронулся” или нечто схожего по смыслу и тексту найти не удалось. Почему?»

Может, ее просто тогда еще не написали?!

Я не поленился и пролистал “Русские народные песни” (достаточно обширный труд, около 300 текстов), там есть раздел “Солдатские и рекрутские песни”, но ничего похожего на вариант Ж. Бичевской найти не удалось».

Для справки вынужден сообщить, что народных русских песен насчитываются **сотни тысяч**, если не миллионы. И тексты далеко не всех из них напечатаны даже в специальных сборниках. Сборник из 300 песен может считаться в этом море комиксом для не слишком развитых подростков. Еще пять-шесть лет назад я не мог найти «казачьего» текста песни «Течет реченька». Сейчас в Интернете этих текстов с добрый десяток.

То, что песня не вошла в небольшой сборник, вовсе не значит, что ее не существует. Даже если вы не найдете ее в ста сборниках, она может звучать в то же самое время в народе. Потому что фольклор – это все-таки **устное** народное творчество.

Впрочем, что касается «рекрутской» дореволюционной песни о кондукторе и тормозах, она существует до сих пор. Причем не только в репертуаре Жанны Бичевской, но и, например, в репертуаре ансамбля «Казачий строй» из Мариинска Кемеровской области. Позднее ее записал на компакт-диск «Казачьи песни» (Polyphony Studio, Новосибирск, 2006) фольклорный ансамбль «КрАсота»:

Вот тронулся поезд в далекую сторонку.

«Кондуктор, нажми на тормоза!»

Я к маменьке родной с последним поклоном

Хочу показаться на глаза.

Летит паровоз по долинам и горам,

Летит он неведомо куда.

Я к маменьке родной заеду ненадолго,

А сроку мне представлено три дня.

«Не жить тебе, мама, ни с сыном, ни с внучкой,

Не жить со снохою молодой!

Осталась мне доля – семьей моей стали

Лишь шашка да конь вороной».

«Прости меня, мама, прости, дорогая!» –

Вот все, что я маме скажу.

*Теперь я не знаю, в каком диком крае
Я буйную голову сложу.*

*«Укрой меня, мама, молитвой с любовью,
А я за тебя помолюсь».*

*Прости меня, мама, спаси меня, Боже,
А может, я к маме вернусь.*

Кстати, о рекрутской казачьей песне, послужившей основой для блатного «Паровоза», упоминается и в заметке о фольклорном казачьем фестивале «Атаманом будешь?», опубликованной в газете «Вечерняя Тюмень» (№39, октябрь 2006 года).

Эпилог

И все же авторов «паровозного скандала» следует от всей души поблагодарить. Ведь не будь их, возможно, не удалось бы поднять такие пласты фольклорного материала, узнать о бурной биографии «комических куплетов», исполненных Балбесом и Трусом в забавной кинокартине. А ведь биография эта дорогого стоит. В ней переплелись песенный фольклор и русский быт, судьбы солдат царской России, коллективизация и каторжный труд советских людей, лагерные будни заключенных и даже история тормоза Вестингауза... Ради этого стоило и дискутировать!

Ростислав Горчаков

Баллада о Рыжем Джеке

Всякий раз, как мне попадаются на глаза обращенные к россиянам призывы вступать в ряды защитников правопорядка, я вспоминаю балладу Вероники Долиной «Рыжий Джек», где ирландская мать дает своему сыну прямо противоположный совет:

*Рыжий Джек, твои Дженни и Кэтти
Не пойдут за тебя нипочем –
Будешь маяться в целом свете,
Если станешь ты палачом.
Стань бродяга, последний бражник,
Все пропей с головы до ног,
Но не будь ни тюремщик, ни стражник –
Это все палачи, сынок!*

Правоту матушки Джека подтверждает история ирландской полиции: в начале девятнадцатого столетия прославленный юрист и реформатор Дэниэл О'Коннел назвал местных блюстителей порядка «сборищем буйных головорезов с тесаками, одно лишь появление которых вызывает у любого добропорядочного горожанина ужас и отвращение, а у любого подонка – желание незамедлительно присоединиться к безнаказанной банде». На источник этой безнаказанности указал единомышленник О'Коннела, ирландский государственный секретарь сэра Роберт Пил: «Пока за полицией не будет введен жесткий контроль парламента, она останется магнитом для отбросов общества. Открытая нетерпимость граждан к насильникам – вот рычаг, с помощью которого парламент сможет добиться права неусыпно контролировать полицейскую практику».

Призывы Пила и О'Доннела упали на благодатную почву. Ирландские «Дженни и Кэтти» наотрез отказывались принимать ухаживанья

кавалера, стоило тому заикнуться о желании служить в полиции. Их родители демонстративно поворачивались спиной к «буйным голово-резам» даже в захудалых деревенских пабах. Округа и графства буквально засыпали парламент сотнями петиций о неотложности полицейской реформы. Рычаг гражданской активности, в который верил сэра Роберт, оказался настолько действенным, что середину XIX века ознаменовала целая серия парламентских актов, последовательно укреплявших контроль общества за полицией. Уже в 1865 году утвержденный парламентом Дублина генерал-инспектор Генри Браунригг с гордостью писал сэру Роберту Пилу, что *«Все 1100 ирландских констеблей могут считаться моделью исполнения служебного долга для полицейских Британских островов и стран континентальной Европы»*.

Сказать такое о российской милиции 2007 года вряд ли рискнул бы даже самый высокооплачиваемый сценарист наших криминальных телесериалов. Нынешнее печальное состояние сил правопорядка объясняют по-разному. Кто-то возмущается низкими окладами, кто-то – коррумпирующим влиянием рыночной экономики, психологи сетуют на «чеченский синдром». Вероятно, своя доля истины есть в каждом из этих предположений. И все таки, самый точный диагноз нам по-прежнему дает версия сэра Роберта Пила: там, где за блюстителями порядка нет гражданского контроля, начинает неумолимо действовать «магнит» отрицательного отбора.

В справедливости этой версии я убедился задолго до эпохи чеченского синдрома. Пусть не говорят, что от ленинских субботников не было никакой пользы – она была! Лет двадцать назад в сибирском порту Игарка мне довелось разбирать на таком субботнике чердак предназначенного к слому барака, который некогда служил милицеейским общежитием. Под грудой макулатуры обнаружилось редкостное сокровище: пухлая подшивка приказов по городской милиции за 1934–1955 годы. Каким-то необъяснимым образом она уцелела вопреки знаменитой «тридцатьчетверке» (изданному в 1955 году приказу МВД за номером 0034 об уничтожении милицеейских архивов сталинской поры). Впрочем, первые же листы убедили меня, что ничего такого уж необъяснимого в моей находке не было. Нарушение строжайшего министраерского предписания оказалось выразительным эпиграфом к совершенно фантастическому содержанию подшивки. Судя по текстам приказов, единственным, что отличало атмосферу описанных О’Доннелом «сборищ буйных голово-резов с тесаками» от атмосферы, воссоздаваемой ломкими страницами милицеейских скоросшивателей, был технический прогресс: на смену тесакам пришли револьверы.

Приказ № 59 от 23 октября 1934 года.

«Арестовываются за устройство пьянки и стрельбу из наганов по пассажирскому пароходу “Ян Рудзутак” мл. милиционер Кривых Степан на 7 суток с исполнением служебных обязанностей и командир отделения Арендов на 5 суток с исполнением служебных обязанностей».

Учитывая специфику эпохи, в которую милиционеры палили по «Рудзутак», приказ № 59 воспринимается почти как чудо. Тогдашний УК позволял квалифицировать действия обоих героев приказа сразу по трем статьям: в качестве террористического акта (ст. 58-8), в качестве бандитизма (ст. 59-3) и в качестве подрыва работы транспорта путем повреждения социалистического имущества (ст. 79). Все три деяния считались государственными преступлениями, за каждое из которых виновникам светило *«лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением приотягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры наказания»*. Можно легко представить, какую именно меру по совокупности трех жутких статей выбрали бы местные Ульрихи и Вышинские, попадись им под руку обвиняемые, не обладавшие патентом на вседозволенность в виде милицейского удостоверения! Имевших такое удостоверение «стрельцов», как мы видим, даже от работы не отстранили. Чем не чудо?

Чудеса в книгах игарских приказов продолжались и после убийства Кирова, когда зловещая 58-я принялась менять демографию страны с прожорливостью колоссальной мясорубки. Суды исправно пополняли ее воронку не только жертвами политических процессов, но и «потерявшими бдительность» жертвами Бахуса, чьи заводские пропуска, паспорта или – страшно сказать! – воинские билеты оказывались украденными. По стране прокатилась настоящая волна «похмельных самоубийств»: обнаружив наутро пустые сумочки и карманы пиджаков, многие бедолаги выбрасывались из окон или вешались. Многие – но не стражи порядка!

Приказ № 12 от 15 февраля 1937 года.

«Милиционера Небылицына арестовываю на трое суток с исполнением служебных обязанностей за пьянку и халатное отношение, выразившееся в том, что 10 декабря, зайдя в ресторан пьяным, Небылицын попытался увести в милицию неизвестного гр-на, внезапно заподозренного им в краже. Задержанный толкнул Небылицына. Последний упал, а задержанный выхватил у Небылицына из пьяных рук наган и бросился бежать, выкинув оружие в канаву, где Небылицын его потом нашел».

Состав преступления очевиден даже пионеру. Мало того, что человек заявляется в ресторан с казенным оружием «в пьяных руках», так он вдобавок тут же этого оружия и лишается! Какой кары мы для него вправе ожидать по строгим меркам 37-го? А той же самой, что и для стрелявших по «Рудзутаку»: несколько дней ареста с исполнением служебных обязанностей. Эта дивная безнаказанность вдохновляла блюстителей порядка на все более дерзновенные подвиги. Описания которых придают новый смысл словам Роберта Конквеста «При виде милиционера у квартирной двери трепетала вся страна»:

Приказ № 1 от 2 января 1937 года.

«Арестовываю участкового инспектора Титаренко на пять суток с исполнением служебных обязанностей за дискредитацию Рабоче-Крестьянской милиции, выразившейся в том, что 1 января 1937 года, часов примерно в 10 явившись в свою квартиру в пьяном виде, он стал избивать свою жену. Последняя бросилась от него бежать и ворвалась в квартиру Начальника. Сорвана с крючков моя дверь, несмотря на то, что Титаренко не раз об этом был предупрежден».

Обратите внимание: суровость кары за утрату боевого оружия заметно уступает суровости наказания за сорванную с крючков Начальственную дверь. Надо полагать – по причине неоднократности преступного срывания. Но лихие подчиненные плевать хотели как на предупреждения своих отцов-командиров, так и на сам Президиум Верховного Совета с его грозным указом от 26 июня 1940 года, согласно которому опоздание на работу свыше 20 минут считалось уголовным преступлением. Вспомним описанный в «Архипелаге» эпизод с «воронком», где урки изнасиловали девушку, только что приговоренную судом к пяти годам лагерей (приговор был вынесен за якобы самовольный уход с работы, подстроенный «недотроге» бывшим ее начальником). Вспомним этот эпизод – и сравним:

Приказание № 2 от 3 мая 1950 года.

«Подвергнуть аресту на 10 суток сержанта Зыкова Тимофея. Несмотря на предупреждение всему составу ГО МВД о повышении бдительности во время международного праздника 1 мая, Зыков 30 апреля на дежурство не явился, напился пьяным, из хулиганских побуждений на улице пытался применить в действие личное оружие, но револьвер наган у Зыкова отобрали рабочие Игарского порта, сдавшие оружие дежурному охраны».

Вопиющим контрастом между пятью лагерными годами честному человеку и десятью сутками ареста непросыхающему подонку можно, конечно, воспользоваться, чтобы вновь заклеить ужасы сталинско-

го режима. Вот только зачем? Нет его больше, этого режима. А вот милицейский произвол как был, так и остался. Значит, ужасы режима здесь ни при чем. Но что тогда причем? Почему ирландцам удалось справиться со своими подонками еще в XIX веке, а наши и в XXI продолжают цвести пышным цветом?

Для начала мысленно повторим строчку из баллады про рыжего Джека: «Твои Дженни и Кэтти не пойдут за тебя нипочем». В игарском фольклоре такой строчки быть не могло – сибирские «Дженни и Кэтти» вели себя, мягко говоря, несколько иначе, нежели их давние ирландские сверстницы. Разумеется, все приказы по милиции были строго засекречены, но репутация этого учреждения не составляла для сибирячек ни малейшей тайны. В крохотном сибирском городке пьяные похождения стражей порядка становились достоянием оживленных пересудов еще до того, как под очередным приказом появлялась дрожущая с похмелья подпись «Ознакомлен» – и, тем не менее, небрезгливая готовность дочерей выйти замуж за милиционера почти никогда не встречала сопротивления родителей. Последствия этой готовности не заставляли себя долго ждать:

Приказ № 91 от 29 ноября 1951 года.

«25 ноября милиционер Хорошев вместо того, чтобы явиться на дежурство в 8 часов вечера, явился в 10 часов, причем в дежурной комнате поссорился со своей молодой женой, намереваясь револьвером системы “Наган” застрелить последнюю. Приказываю арестовать Хорошева на трое суток без исполнения служебных обязанностей».

Приказ № 91 почему-то слабо повлиял на отношение Хорошева к прекрасному полу. Не прошло и двух недель, как неутомимый женоненавистник был арестован вновь. Примерно по тому же поводу и на те же трое суток:

Приказ № 119 от 20 декабря 1951 года.

«12 декабря милиционер Хорошев, вместо того, чтобы увести пьяного из хирургического отделения, сам напился пьяным и явился обротно в милицию, где был лейтенантом Бабушкиным с дежурства снят. Но домой не направился, а пошел в пьяном виде проверять паспорта, в половине двенадцатого ночи ворвался к парекмахеру Урецкому, потребовал у его жены паспорт, после чего с оружием ворвался в общежитие, где помещаются девушки, и также потребовал паспорта. Приказываю Хорошева подвергнуть аресту на трое суток без исполнения служебных обязанностей».

Для нетрезвых любителей врываться по ночам с оружием в женские общежития кратковременные аресты были примерно тем же, чем

пресловутая дробина для слона. Хотя, справедливости, ради следует отметить, что «дробиною» оказывались и выговоры – даже строгие, и даже если к ним добавляли предупреждение.

Приказ № 79 от 28 мая 1952 года.

«6 мая 1952 года оперуполномоченный лейтенант Бабушкин самовольно ушел с работы на квартиру к паспортисту Старанчукову, где ими была организована выпивка. Бабушкин в нетрезвом состоянии вернулся в дежурную комнату к 12 ночи, а паспортист на работу не являлся совсем. Приказываю: объявить строгий выговор каждому с предупреждением».

Констатация неявки милиционеров на работу для книги приказов почти банальна. Но в данном конкретном случае она, как говорится, «дорогого стоит». Ибо Старанчуков отвечал за регистрацию обитателей двух отдаленных спецпереселенческих поселков, и его отсутствие на работе обернулось месячным лишением нормы питания для калмыцких ссыльных, которые не смогли отметить свои справки в положенный день. Но об их судьбе книга милицейских приказов умалчивает – численность контингента спецпереселенцев проходила по другому ведомству, чьи архивы бесследно исчезали в строгом соответствии с распоряжениями руководства. На дальнейшей карьере Старанчука лишенные питания калмыки никак не отразились. Как тут вновь не вспомнить балладу о Рыжем Джеке:

*Будь моряк – и покинешь сушу,
Но все же найдешь свой свет в ночи,
А кто спасет твою грешную душу,
Если ты, Джек, пойдешь в палачи?*

Охотников позаботиться о душе сибирских Джеков в Игарке было немного, поэтому, вне зависимости от количества арестов и выговоров, описания вооруженных милицейских дебошей продолжали заполнять страницы книги приказов с неколебимым постоянством.

Приказ № 134 от 27 сентября 1952 года.

«Участковый уполномоченный сержант Кропачев 25 сентября в 11 часов вечера учинил ссору со своими квартирантами Ивановой и Калашниковой. Ссора приняла характер такой, что Кропачев нанес угрозы квартиранткам револьвером системы “Наган”, после чего обе гражданки сбежали из квартиры сержанта в милицию. За дискредитацию органов милиции МГБ приказываю объявить участковому уполномоченному Кропачеву строгий выговор с предупреждением».

Ирландские «сборища буйных головорезов» в свободное от пьянства время справлялись и с кое-какими общественными обязанностями – в Дублинском музее истории полиции отмечено, например, что *«16 августа 1819 года полицейские из отряда Патрика Маллингара после трехдневного преследования догнали и зарубили в Фойнсе цыганских конокрадов, присвоивших кобылу фермера Коннорса»*. В Игарке милиционеры тоже предавались не одним лишь загулам. Так, Хорошев, уже известный читателю неудачной попыткой пристрелить собственную молодую жену, получил в книге приказов благодарность за то, что 4 ноября 1951 года сумел отыскать гр-на Иванова, «преступно похитившего из рыбопоповского магазина патефон». Лейтенант Бабушкин «в ходе конного патрулирования на лошади Серко пресек попытку незаконного доения колхозного скота». А командир отделения Арендов (тот самый, что стрелял по пассажирскому пароходу) даже поспособствовал разоблачению утерявшего бдительность сослуживца:

Приказ № 4 от 20 февраля 1936 года.

«Считать уволенным со службы госмилиционера Волюнкина Кирилла за отмеченное тов. Арендовым распитие спиртного напитка с чуждо классовыми элементами, что дискредитирует органы Рабоче-Крестьянской милиции».

Напитки напитками, но книга приказов свидетельствует, что с главными своими задачами милиция справлялась безупречно. Милиционеры безупречно конвоировали врагов народа к пунктам приведения в исполнение высшей меры наказания, безупречно препятствовали «проникновению раскулаченных за пределы спецзон», безупречно проводили «социальную профилактику» в среде греческих, финских, литовских и прочих ссыльных – словом, образцово занимались всем тем, чем и положено было заниматься стражам порядка в одной из заполярных столиц империи ГУЛАГа:

Приказание 3 50 от 20 декабря 1952 года.

«Выполняя указания Партии, Правительства и лично товарища Сталина, работники МГБ и милиции зорко охраняют мирный труд и безопасность Советского народа от посягательств со стороны преступного элемента. Задача всего личного состава состоит в том, чтобы неустанно повышать свою бдительность и помнить, что враги народа, шпионы, диверсанты постоянно пытаются подрывать мощь и обороноспособность нашего государства. Приветствую и поздравляю офицеров и сержантов милиции МГБ с 35-й годовщиной органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, желаю вам новых успехов. Да здравствует Коммунистическая Партия Советского Союза и Великий Вождь Советского Народа товарищ Сталин!»

Удивительное дело: в то время, как массовые репрессии сталинских лет привели в Игарке к жесточайшему дефициту кадров практически во всех родах деятельности, от судоремонта до лесопиления, милиция никогда не испытывала недостатка в желающих охранять, конвоировать и расстреливать! Правда, был довольно высок и постоянный процент приказов об отчислении по собственному желанию уже через месяц-другой службы. Как правило, увольнялись молодые люди, не имевшие до того ни единого замечания! Кто знает, быть может, их матери разделяли чувства, которые заставляли ирландок давних лет предупреждать своих сыновей:

*Будь ты шорник, кузнец иль плотник,
Будь разбойник Ищи-Свищи,
Будь лесник или же охотник,
Только, Джек, не ходи в палачи!*

Того же мнения, вероятно, придерживалась и мать Владимира Петровича Паршакова. Она воспитала своего сына достойным человеком: вместо того, чтобы ревностно «уничтожать кулаков, как класс», он щедро делился с голодными крестьянскими детьми продуктами из собственного милицейского пайка. Более того: он продолжал упрямо подкармливать этот «чуждо классовый элемент» даже после двух взысканий!

Приказ №40 от 23 сентября 1934 года.

«Увольняется из органов Р.К. милиции младший госмилиционер Паршаков за связь со спецпереселенцами».

Есть в книге приказов и другие подобные примеры, но из-за их многочисленности они воспринимаются на общем фоне как обратное отражение пословицы «в семье не без урода» – в милиции не без хороших людей. К сожалению, подолгу такие люди на страницах книги никогда не задерживались: жесткий отрицательный отбор, на который с самого 1917 года была запрограммирована вся страна, осуществлялся в «органах» с особой тщательностью. Доля успешно проходивших этот отбор росла по мере того, как общество преобразовывалось по сталинскому образу и подобию, причем преимущественным соблазном милицейской службы все реже становились чисто материальные факторы. Ее главный «магнит» заключался в другом: в практически абсолютной безнаказанности. Той самой, которая, по словам сэра Роберта Пила, отталкивала «добропорядочных горожан», одновременно притягивая «отбросы общества» – людей, которые не видели ничего зазорного в избивении женщин, стрельбе по пароходам, взломе чужих квартир и сломе чужих судеб.

В Ирландии «добропорядочным горожанам» удалось справиться с вооруженными «отбросами» при помощи парламентского публичного контроля за деятельностью сил правопорядка. Что помешало унижаемым, избиваемым и оскорбляемым милицией сибирякам тоже засыпать Верховный Совет лавиной возмущенных петиций? Думаю – элементарный здравый смысл. Опыт дублинских парламентариев в Игарке, само собой, не изучали, зато своих «народных избранников» игарчане знали, как облупленных. Депутатом от их округа в Верховном Совете был не кто иной, как Лаврентий Павлович Берия, который не мог не понимать, что «органы» создавались партией вовсе не ради уважительного отношения к женщинам, а ради совсем иных, Главных Задач. С ними, по мнению Лаврентия Павловича, милиция справлялась безупречно. Поэтому насчет реакции «избранника» на протесты против милицейского произвола, особо гадать не приходилось. Ирландцам подобная реакция не грозила даже при общенациональных волнениях 1848 года.

Впрочем, осторожное «здравомыслие» сибиряков длилось ровно столько, сколько длилось всевластие партийной бюрократии – и ни днем дольше. Стоило слегка растерявшись на заре перестройки хозяевам страны допустить сограждан к реальному самоуправлению, как те же самые игарчане принялись реформировать городскую милицию куда проворнее любых ирландцев. За какие-то несколько лет горсовет сумел ликвидировать большинство наихудших последствий полувекового отрицательного отбора.

Он наверняка ликвидировал бы и остальные, но тут опомнившиеся «лидеры перестройки» вернулись к испытанному временем средству установления общественного согласия: танкам (сэру Роберту Пилу такого рода парламентский «рычаг», само собой, в кошмарном сне привидеться не мог). Танки не подводили наших вождей ни в Кенгире, ни в Новочеркасске, ни в Праге. Не подвели они их и в Москве – после расстрела Белого дома время в стране потекло вспять. Сначала неторопливо, а затем со все нарастающим ускорением. Внешне стрелки милицейских часов, казалось бы, двигались в правильную сторону: пухлые скоросшиватели сменились компьютерами, патрульная лошадь Серко уступила место джипам, наганы – автоматам. Но, как уже говорилось, технический прогресс никогда не влиял на безнаказанность всевозможных Патриков Маллингаров и Тимофеев Зыковых, вооружаясь они хоть тесаками, хоть гранатометами и действуй они хоть в Фойнсе, хоть в Благовещенске. Былая притягательность службы в «органах» быстро вернула себе утраченную при свержении Железного Фе-

лика магнетическую силу, поэтому нет никаких оснований сомневаться в правдивости слов депутата Госдумы Гудкова, утверждающего, что «талантливую молодежь все больше тянет в учебные заведения ФСБ». Какими именно талантами богата эта молодежь, депутат не уточнил. Вероятно, он справедливо решил, что все понятно и без разъяснений.

Напев старой ирландской баллады временами еще доносится до нас, но слова уже едва различимы, словно поют их на каком-то странном языке – не то полузабытом, не то вовсе незнакомом:

*Рыжий-рыжий сынок мой Джеки,
Рыжий-рыжий Джеки О'Нил,
Лучше б ты не родился вовеки –
Только б ты в палачи не ходил!*

Похоже, что еще немного, и мы окончательно перестанем понимать, о чем эта песня, с чего бы матушке Джека так уж волноваться и почему она не хочет, чтобы ее сын освоил вполне почтенное занятие. Чужой язык! Совершенно чужой.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Декларация

Создание Фонда «В защиту прав заключенных» – это попытка объединить силы людей, так или иначе занимающихся проблемами нарушения прав заключенных. Наш Фонд – правозащитная организация.

Мы будем оказывать помощь тем заключенным, чьи права нарушаются или нарушены, вне зависимости от того, кто они, в какой колонии содержатся, является ли они жертвой судебной ошибки или несут свое наказание в соответствии с законом.

Мы осознаем и понимаем, насколько трудно обществу понять мотивы и деяния людей, которые привели их в места заключения. Многие заключенные – не классические жертвы с чистым прошлым и ясным будущим. Они преступили закон, но за это уже понесли суровое наказание, потеряв свободу, оказавшись изолированными от общества, родных и близких, лишившись многих своих прав. Но и им, как и другим гражданам нашей страны, Конституцией РФ гарантированы неотъемлемые права человека.

Никто не имеет права их пытать, бить, убивать, унижать человеческое достоинство, подвергать пыткам, истязаниям и насилию. Тем более это не должны делать законные представители общества в лице сотрудников правоохранительных органов и системы исполнения наказаний.

Мы понимаем, что без объединения усилий всех заинтересованных сторон, без участия органов власти, представителей пенитенциарной системы, общественности, бизнесменов, предпринимателей, адвокатов, журналистов, простых граждан такую проблему не решить.

Мы открыты для диалога и совместной работы и готовы принять любую Вашу помощь.

Марина Поливанова

Андрей

Об Андрее писать трудно, потому что при всей своей открытости он был человек в каком-то смысле неуловимый. В любом разговоре он погружался глубже затрагиваемой темы, может быть, из-за того, что взгляд его на вещи был всегда абсолютно независимым и непредвзятым.

Я познакомилась с ним летом 1999-го, когда впервые поехала с Центром Содействия в колонию. Андрей, как я потом узнала, появился в Центре совсем незадолго до меня, но понимание тюремной проблемы им было таково, что он произвел на меня впечатление человека, занимающегося этим уже несколько лет.

С ним было удивительно легко общаться, даже не помню, когда мы оказались на «ты», при том, что разговор с Андреем никогда не был поверхностным. Если уместно будет здесь процитировать Пушкина – разговор его был прост и важен. В нем были непосредственность и сложность мысли, скромность и уверенность в своих выводах, которые он мог упрямо отстаивать. Андрей был одновременно аскетом – он мог ночевать в Центре несколько ночей не раздеваясь, на тюремных нарах, оставшихся в Центре после очередной выставки «Человек и тюрьма», и питаясь бутербродами с чаем, и одновременно эстетом с тонким и безошибочным чутьем. При подготовке выставок Андрей был незаменим. Он был единственный автор и практически единственный исполнитель одной из последних передвижных выставок Центра, предназначенной для профилактики подростковых правонарушений. Тонко пользуясь знанием темы и знаками уголовной романтики, он создал экспозицию, ориентированную на подростковый менталитет и восприятие. Несовершеннолетние зрители стояли перед этими стендами часами.

Андрей виртуозно заваривал чай, презирая чайные пакетики и перекипевшую воду. Как-то я принесла ему, думая развлечь, эссе Оруэл-

ла о чае, но тут же поняла, как это смешно – все равно, что принести задачник для старшекласников аспиранту.

Мы исколесили вместе с Андреем несколько сот километров между разными колониями, а посещая зоны, ты чувствуешь себя в некотором роде сталкером, пробирающимся по враждебной территории, где неизвестно, какое препятствие может оказаться фатальным. Странствовать с Андреем было надежно и уютно, его теплота, поддержка и сопереживание ощущались всегда.

Когда Андрей обижался, а обиды, думаю, неизбежны в любой неформальной организации, в его обиде не было враждебности, и свойственная ему теплота общения не исчезала, хотелось погладить его по голове, как обиженного ребенка, и немедленно утешить.

Особенно мне вспоминается одна поездка с Андреем, это фактически был подарок Андрея нам. Мы поехали в деревню в Тверской области, в антропософскую коммуну, где жили дети, подростки и уже выросшие бывшие воспитанники с интеллектуальными и поведенческими отклонениями. Андрей прожил в этой деревне два года, топя баню на 20 человек, готовя еду, ухаживая за аутичными детьми, работая в поле, заготавливая варенье на зиму, приобщая ребят к киноискусству и музыке. Самому ему, как нам потом рассказали, одну из зим пришлось жить в баньке, которая протапливалась только два раза в неделю. Андрей знакомил нас с обитателями, кормил, водил по окрестностям, водил купаться в лесном озере, играл нам на рояле. Теперь я перебираю фотографии той поездки, сделанные Андреем с той талантливостью и зоркостью, которые были ему присущи, и ощущаю потерю его еще более остро. Последний раз мы увиделись с Андреем 1 декабря, за месяц до его болезни, на книжной выставке Non-Fiction. Мы бродили между россыпей книг, обсуждая одну, которая произвела сильное впечатление на нас обоих, я уговаривала Андрея купить еще что-нибудь, и он как-то грустно и, теперь думаю, провидчески сказал, что пока не решил, какие именно книги будут ему нужны в ближайшее время.

Андрей Борисов

Неужели все будет опять бесполезно?

Недавно мне попала на глаза дореволюционная книга с вполне типичным для XIX века названием – «В мире отверженных». Ее автор, некто Л. Мельшин, из дворян, на протяжении двух трехсотстраничных томов обстоятельно описывает подробности своей каторжной жизни.

Не думаю, что книга эта была чем-то для того времени уникальным. Нам известны «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, написанные тридцатилетием раньше, сахалинские записки А.П. Чехова. Тема интереса к народу и его страданиям вообще была тогда популярна, и не одна сотня людей из высшего общества по причинам политического характера смогла в те десятилетия лично ознакомиться с прелестями каторжного быта. Думается, что и книга на подобную тему выходила не одна – мы не искали специально, но позднейшие авторы упоминают еще нескольких имен, писавших о заключении.

Тем не менее книга эта нас удивила, и тому было несколько причин. Много лет мы уже занимаемся изучением тюремного мира России. Наш Центр, созданный в 1988 году бывшим политзаключенным Валерием Абрамкиным, начал свою деятельность с попыток социологического и этнографического осмысления реалий современной тюремной жизни. За несколько лет было собрано огромное количество писем и интервью, были изданы первые обобщающие сборники материалов, сопровождаемые первыми комментариями и выводами авторов. В работе принимали участие и профессионалы от социологии –

В тексте цитируются книги: Л. Мельшин. «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника». 2-е издание редакции журнала «Русское Богатство». С.-Петербург, Типография Б.М. Вольфа, 1899; «Тюремный мир глазами политзаключенных». Серия «Уголовная Россия. Тюрмы и лагеря». М.: Издательский дом «Муравей», 1998; А. Сидоров (Фима Жиганец). «Великие битвы уголовного мира». Ростов-на-Дону: «Март», 1999.

Опубликовано на сайте «Тюрьма и воля» (www.prison.org) в 2006 г.

здесь следует прежде всего упомянуть В. Чеснокову. Работал тогда с нами и В. Белановский. Однако многое из собранного так и не было издано, и вскоре – уже в начале 90-х – работа постепенно переключилась на «борьбу с реальностью». Многих тогда опьянили открывшиеся возможности перемен, и в этих переменах нужно было участвовать. Немало внимания потребовала и появившаяся еженедельная радиопередача «Облака». Вышло так, что основное поле деятельности организации сместилось в область политики и журналистики. Это вовсе не было тупиком, потраченные усилия принесли свои плоды. Кроме того, все это время мы не переставали собирать материалы и осмысливать их. Но времени, чтобы делать это систематически, больше не было.

Поэтому знакомство с книгой, написание которой когда-то было определено сходными мотивами, было для нас сюрпризом. Сюрпризом приятным, ибо автор не только обладал определенным литературным талантом, позволившим ему сделать целый ряд живейших зарисовок тогдашней жизни, но и некоторой моральной интуицией, постоянно толкавшей его к анализу и размышлению, благодаря которым книга и стала возможной. Сами мы в свое время положили в основу своих исследований рассказы политзаключенных, поскольку именно эти люди могли рассказать о своей жизни в тюрьме более развернуто. Среди других интервью, собранных нами, самыми информативными оказались беседы с авторитетами, а из оставшихся рассказов – жизнеописание главпетаха и интервью с опальным прокурором – людей, проявивших большую степень интеллектуальной самостоятельности, которая и позволила каждому из них достичь своего статуса.

Иными словами, перед нами вдруг оказалась книга «тогдашнего авторитета», к тому же это было куда более подробное свидетельство, чем любое отдельно взятое из имевшихся у нас современных свидетельств.

Как жаль, подумал я, что не нашел времени разыскать эту книгу раньше. Помнится, в одной из поездок тюремное начальство пыталось пристыдить меня за употребление тюремных понятий. Вы на каком, дескать, языке говорите, когда произносите слова «красная», «черная» зона и прочие. Это, видите ли, не русский язык. Я отлично осознавал тогда, что здесь пытаются искоренить некоторые вещи с помощью уничтожения их названий, и на этот выпадотреагировал тем, что сказал: мой язык – *современный* русский. Так по крайней мере я отстаивал право называть вещи своими именами. Но оказывается, и реалии-то, ими обозначаемые, – вовсе не только современные, пусть раньше у них и не было этих названий. Одним из излюбленных методов борьбы старосоветского МВД с тюремными понятиями являлось опровержение легенд

о давности воровских традиций. Дескать, не было ничего такого, и все эти рассказы – дурная тюремная романтика, которая выгодна лишь кучке возвысившихся авторитетов. Эта тактика жива и сейчас.

Нельзя сказать, что тюремное начальство совсем не право, поскольку каждое поколение приносит с собой свое особенное «возрождение традиций», и в этом поддержании традиций сплетаются самые разные мотивы, в том числе и, конечно, грязные. Одним из самых серьезных открытий, сделанных Валерием Абрамкиным и Валентиной Чесноковой, ведь именно и является обнаружение одного из таких возрождений, произошедших в советской тюрьме в 60-е годы, когда все сколько-нибудь известные воры в законе были вырезаны или отошли от дел. Правда, мотивы на сей раз вряд ли следует признавать грязными. Приведу цитату из предисловия к книге «Тюремный мир глазами политзаключенных».

«Как мы уже говорили, влияние блатных, воров в законе, на основную массу заключенных к концу 50-х годов было весьма незначительным. В несколько раз (по некоторым оценкам, на порядок) уменьшилось после кровавой междоусобицы и “ломок” количество воров в законе. Упорствующих “законников” отправляли в специальные тюрьмы, заводили на них новые уголовные дела, обрекая, по сути, на пожизненное заключение. Новые правила, введенные в 1961 году, предусматривали еще ряд мер, которые должны были привести к окончательному исчезновению блатных в сообществе заключенных. Вводилось раздельное содержание различных категорий осужденных, и теперь рецидивисты не могли оказаться вместе с впервые угодившими за решетку, а совершившие тяжкие преступления – с теми, кто был арестован за незначительные или легкие правонарушения. Родилось понятие “отрицательно настроенные осужденные” (или “отрицалово”). Отрицалово выявлялось не только по каким-либо конкретным действиям, расцененным как “противодействие администрации”, “уклонение от общественно-полезного труда” и т. п., но и по донесениям информаторов оперслужбы, которая тщательно выискивала всех сочувствующих воровской идее и ставила соответствующие отметки в их личных делах. “Отрицательно настроенных” также старались держать отдельно от остальных, в специальных тюрьмах или во внутрилагерной тюрьме (БУР, ПКТ). По-видимому, во многих регионах... это давало определенные результаты. Старые работники ИТУ утверждают, что в первой половине 60-х в обычных колониях настоящих блатных не было... Но с середины 60-х годов в

большинстве колоний утверждается новый неформальный порядок, в котором блатные начинают играть все более значительную роль. А еще через 20–25 лет и в открытой печати, как о весьма заметном явлении, начинают писать о ворах в законе.

Парадокс заключается в том, что попытка «поставить на путь исправления» (т. е. включить в секции, сотрудничающие с администрацией) поголовно все население ГУЛАГа привела к росту влияния уже почти уничтоженных воров в законе. Несмотря на многолетнюю борьбу с идеологией криминальной субкультуры, именно она сейчас составляет основу тюремного закона. «Вставшие на путь исправления» (или, согласно лагерной терминологии, козлы), люди, открыто сотрудничающие с администрацией, как и воры в законе – это теперь весьма небольшие прослойки. Основная же масса заключенных оказалась между ними и сориентировалась, наконец, все-таки на блатных, а не на козлов. То есть не на сотрудничество с администрацией».

Теперешнее тюремное начальство в своем опыте опирается самое раннее на период 70-х годов, а большая часть из работников Минюста (ранее МВД – тюрьмы несколько лет назад были переданы другому министерству) знает тюремную Россию лишь с начала 90-х. И многие из них действительно знакомы с тюремным сообществом отнюдь не с лучшей стороны. Поэтому в их словах была определенная правота. Но даже теперешняя ситуация с тюремным законом вовсе не так тривиальна. В советские времена заключенные отправлялись в зоны далеко от родных мест, срок свой они могли отсидеть в двух и более местах – советский ГУЛАГ систематически тасовал и перемещал свой «спецконтингент», способствуя большей однородности нравов и порядков. К концу 90-х образовалась иная практика – регионы стали отсылать своих сидельцев в другие места преимущественно лишь в тех случаях, когда в самой области или крае не было колонии соответствующего режима. Остальная масса заключенных отбывала свой срок неподалеку от дома, и только города-мегаполисы, вроде Питера и Москвы, продолжают сеять своих «клиентов» по всей стране. Способ смешивания людских масс приобрел иной характер – теперь внешняя миграция вольных людей просачивается в нутро тюрьмы. А миграция эта включает и перемещение людей внутри разных бандитских тусовок. Так что на фоне быстро образовавшихся местных тюремных традиций (каждый УИН теперь – относительно отдельная вотчина) универсальным и связующим элементом стали мигранты, в том числе залетевшие по недоразумению в тюрьму «братки» (как известно, в 90-е многим из них впол-

не удавалось избежать заключения). И братки эти, надо сказать, часто приносили с собой под маской «понятий» совсем иные жизненные устои – вовсе не те, что образовались в 60-е годы и так упорно вытравливались советской властью в 80-е с помощью системы «крытых» тюрем – печально знаменитых «Лебедей». Образно это можно представить так, что малолетка (подростковая колония) заплонила собой всю тюрьму. А на малолетке, как неоднократно уже писалось, все то, что почитается на взрослых зонах как закон, вырождается в дикий и нелепый внешний ритуал – почитается буква, но не суть.

Все это, однако, не означает, что в тюрьме некому было их встретить. Но так уж сложилось, что в 90-е многие из старых воров были убиты, а вновь коронованные часто никогда не сидели, так что размывание тюремного закона малолеткой происходило и по причине утраты самой основы их морального превосходства – умения жить в стесненных условиях тюрьмы и умения жизнь эту разумно организовывать. Авторитеты рангом пониже и остальные заключенные, помнящие старые понятия, сумели их сохранить лишь в тех регионах, где сама администрация оказалась либо слабее, либо мудрее. Мы знаем несколько таких регионов, но тот, который я упоминал, был явно не из таких.

Поэтому, развенчивая правильные понятия, эта конкретная тюремная администрация занималась не только регистрацией некоторого положения вещей, она это положение вещей пыталась оправдать. И будь у них историческая память подлиннее, они иначе б аргументировали свою позицию. Цитирую книгу Л. Мельшина «В мире отверженных»:

«Бродяги вообще являются сущим наказанием каждой партии. Это люди по преимуществу испорченные, не имеющие за душой, что называется, ні foї, ні loї, но они цепко держатся один за другого и составляют в партии настоящее государство в государстве. Бродяга, по их мнению, высший титул для арестанта: он означает человека, для которого дороже всего на свете воля, который ловок, умеет увернуться от всякой опасности, уйти от всякой кары. В плутовских глазах каждого бродяги так и написано, что какой, мол, он непомнящий!.. Каторжная часть партии, особенно в Западной Сибири, где бродяги составляют большинство, находится обыкновенно в загоне; их меньше, они бесправнее, запуганнее, на них, как бы по преимуществу, лежит печать отвержения, даже с арестантской точки зрения: не сумел, мол, выкрутиться! А то и еще хуже: за сухари продал себя!.. Уважением пользуются только “вечные”, да те, про которых наверно знают, что они уже не в первый раз идут и опять сумеют “со-

рваться". Но вообще каторжная часть партии, по преимуществу, зовется презрительным именем "кобылки" (сибирское название саранчи) и "шпанки" (стадо овец). Положительно отказываешься иной раз верить тому, что рассказывают о проделках бродяг в тюрьмах и по дороге, а между тем не верить нельзя – это неприкрашенные факты. Бродяги-царьки в арестантском мире, они вертят артелью, как хотят, потому что действуют дружно. Они занимают все хлебные, доходные места: они – старосты и подстаросты, повара, хлебопеки, больничные служителя, майданщики, они все и везде. В качестве старост они не добавляют кормовых, продают места на подводах; в качестве поваров крадут мясо из общего котла и раздают его своей шайке, а несчастную кобылку кормят помоями, которые не всякая свинья станет есть; больничные служители-бродяги морят голодом своих пациентов, обворовывают и часто прямо отправляют на тот свет, если это оказывается выгодным...

Впрочем, в последнее время бродягам, слышно, сломили рога. Больше всего подкосил их Сахалин, поглотивший в свои недра тысячи беспаспортного люда; сыграли роль и вообще более строгие узаконения относительно бродяжества. Прежде бродяг судили на поселенье, где бы их ни арестовали, но с 1878 года на поселенье судят только арестованных в российских губерниях, а всех остальных – в каторгу. Из каторги же сотни и тысячи пересылаются на Сахалин. Ряды бродяг сильно стали редеть – особенно бродяг старых, закаленных в боях, строго следивших за неуклонным соблюдением старинных арестантских законов. К этому нужно прибавить, что тюремные условия изменились: начальство начало вмешиваться в артельные порядки арестантов, в их интимную, внутреннюю жизнь, став при этом решительно на сторону каторжан; во многих тюрьмах бродягам прямо запрещено занимать какие бы то ни было артельные должности. Стала и каторжная кобылка поднимать голову. В томской пересыльной тюрьме, где собирается иногда до 3000 арестантов, несколько раз происходили страшные избиения бродяг. В одной такой бойне их было убито и изувечено, говорят, до пятидесяти человек. Новый дух, проникающий в тюремный мир, производит общее разложение и падение старинных арестантских обычаев и нравов. Много исчезает симпатичных, но еще более безобразных сторон. Сухарника (сменщика), изменившего своему договору, прежде обязательно "пришивали", если не в одной, так в другой тюрьме; убивали также того, кто "засыпал" (уличил) товарищей по делу, всех "язычников" (доносчиков). В той же томской тюрьме в прежние годы чуть не каждую ночь

случались убийства, и из тюремного колодца нередко вытаскивали трупы пропавших перед тем без вести арестантов. Но всему тюремному миру, начиная от Киева вплоть до Владивостока, ходили, бывало, “записки”, указывавшие на преступления какого-нибудь арестанта против обычного права и настаивания на его “прикрытии”. Существовал даже арестантский закон – казнить смертью “язычника” по получении на его счет семи подобных записок.

Теперь бродяги начинают вести себя смиреннее и, когда видят неустойку в какой-нибудь словесной стычке с каторжными, только скрежещут зубами и говорят, отходя прочь: “не те времена... новый род!..”

Очень знакомо, не правда ли? И в самом деле, не устраивай тюремные власти время от времени своеобразную «уборку», то что же бы было в тюрьмах? Так, может, мои оппоненты все же правы?

Однако как вам описание тогдашних «маляв»? Что же за извечная сила правит в мире и неужели у нас в России НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ?

Продолжу цитировать:

«Меня назначили на Шелай, в совершенно новенькую, только что отстроенную тюрьму, вмещающую не больше 150 человек. Рудник, к которому она принадлежала, долгое время заброшенный, теперь только что возобновляли. Доходов от него в течение многих и многих лет нельзя было ожидать, так как требовались огромные предварительные работы для осушения старых шахт и выработок; устраивая эту маленькую тюрьму, начальство имело в виду, главным образом, произвести опыт образцовой каторжной тюрьмы, наподобие заграничных. В последние годы, слышно, во всей Нерчинской каторге заведены те же порядки, какие были при мне в Шелаевской или, как говорили в просторечии, в Шелайской тюрьме; но в то время, когда их только что заводили, они являлись для арестантов страшлищем, как что-то новое, никому еще неизвестное».

Далее идет описание прибытия в тюрьму:

«– Смир-р-но!! Шапки до-л-лой!! – крикнул Бог весть откуда взявшийся надзиратель. Команда эта была так неожиданна, что непривычная к ней, утомленная шпанка растерялась и далеко не скоро и не единодушно сняла шапки.

– Эт-то что?! – крикнул штабс-капитан, стуча тростью о землю. – Не слушаться команды?

– Виноваты, ваше благородие, – проговорил кто-то из арестантов, – по неопытности, ей-Богу, по неопытности.

– Заморилась, вишь ты, кобылка, – подтвердил другой.

– Молчать!!

Все стихло. Ни одни кандалы не звякнули, ни один вздох не раздался. Все держали в руках шапки. Даже конвой стоял, как-то особенно прямо вытянувшись.

– Шапки надеть, – сказал начальник смягченным голосом.

– Накройсь! – командовал надзиратель. Все, точно осовелые, неспешно накрылись.

– Вот что! – заговорил Лучезаров, подступая к нам ближе и все так же тяжело опираясь на свою костяную трость с медным набалдашником. Голос у него был тихий и как будто утомленный, но на пространстве ста сажень был бы слышен полет мухи – так тихо было кругом. – Вот что. Слушайте внимательно. Вы вступаете в ворота тюрьмы, в которой до вас ни одного арестанта не было, тюрьмы, в которой действуют особые правила. Да, особые правила! (Голос начал повышаться.) Многие из вас, быть может, не первый уже раз попадают в каторгу, не в первую тюрьму входят. Они вспоминают, пожалуй, пословицу, что новая метла всегда чище метет, но ненадолго ее хватает; что только первые дни будет здесь строго, а потом все пойдет тем же порядком, как и везде, явятся и карты, и водка, и майданы, и Иваны, и даже сухарники. Выбросьте из головы эти глупости. Я буду непонятно строг и никогда не устану исполнять данные мне свыше инструкции. Буду справедлив, но строг. Больше строг, чем справедлив! Помните, ни на минуту не забывайте того, что вы каторжные, лишены всех прав, в том числе и права на доверие. Знайте, что одному надзирателю я поверю скорее, чем семистам арестантам. За праздность, леность, грубость,слушание, за малейший проступок я буду карать. Скажу вам прямо: я не большой поклонник плетей и розог, так как хорошо знаю, что для таких артистов, как вы, они нипочем. Нет, я буду бить вас по более чувствительным местам. Кроме сурового содержания в карцере, на хлебе и воде, в кандалах и наручниках, даже на цепи, если понадобится, я буду лишать виновных скидок и отдавать под суд».

Позволю себе процитировать больше. Теперь описание первой кормежки:

«Я лег на нары и отвернулся к стене. Но дележка была уже окончена; арестанты бросились разбирать свои порции. Голод, как гово-

рится, не тетка, и, прождав некоторое время, я тоже подошел взять свою долю. Меня удивила ее скромная величина: счетом было ровно пять кусочков мяса, каждый с наперсток величиною, и из этого числа половина состояла из неудобных для жевания сухожилий. Я полюбопытствовал спросить, столько ли дается мяса в других рудниках.

– По закону везде одно и то же полагается, – отвечал словоохотливый Гончаров. – Только... это уже от нашего брата зависит, чтоб все, что полагается, до рта доходило. Это еще хорошая вот порция: раз, два, три, четыре... Что же! шесть кусочков у меня. Это еще слава Богу. В нерабочий день можно быть сытым. В других тюрьмах, где нашей кобылке полная воля дана, поверите ли, такой порции и в светлый Христов день не получите!

– Почему же так? Коли там ваша воля, значит, начальство там уже не обманет вас?

Все засмеялись над моей наивностью. Гончаров тоже хихикнул и помолчал немного.

– Как вы судите по-робячьи! – сказал он наконец. – Да наш брат, кобылка, хуже начальства. Начальство-то у меня не украдет, потому я сам мошенник, а свой украдет. А не он у меня украдет, так я у него. На то мы и мошенники.

– Кто же мясо крадет?

– Кто!.. Да разве там мало причиндалов, на кухне-то. Староста, повара, дневальные, костогрызы...

– Это что за костогрызы?

– Которые кости грызут: жиганы, которые проигрались и есть нечего. Порцию-то свою иной за месяц вперед спустит. Ну, и толчется в кухне, когда мясо крошат. Иваны тоже у старосты и у поваров покупают.

– А как же я слышал, будто у арестантов строго преследуется воровство в тюрьме, у своего брата?

– Это точно. Самым последним человеком тот считается у нас, кто у своих же ворует – табак там, али сахар. И помни: ежели поймут вора в тюрьме, до смерти заколотят! Я сам всю жизнь вором был, чего таиться? Первой степени подлец и разбойник был; ну, а в тюрьме... Тут я честный человек и морду тому поколочу, сукиному сыну, кто скажет, что я вот хоть с эстолько украл когда у своего брата-арестанта!

– А разве не такое же воровство – красть у артели мяса?

– Нет, это разные вещи! У нас это воровством не считается.

– Какое же это воровство? – подтвердил Чирок с видом глубокого убеждения. – Тут с общего согласу. В старосты на поправку идут...

А то из-за чего же и стараться? Артель с тем и выбирает. Никакого тут воровства нету.

– Вестимо, нету, – хором проговорила вся камера. Один Гончаров, как показалось мне, хитро посмеивался, куря свою трубку. Меня заинтересовала эта странная арестантская логика.

– Да ведь сами же вы жалуетесь, – сказал я, – что казенный обед в других тюрьмах настоящие помои? Ведь так нельзя жить целые годы: замрешь!

– Там не замрешь! – отвечал мой собеседник. – Там у каждого есть деньги. Там я к казенной-то баланде за грех считал и притронуться. И баланду, и кашу в Покровском у нас целыми ушатами надзирательским свиньям относили.

– Хорошо, если есть старательские, – не унимался я, – но не во всех ведь рудниках они есть, да и работать там могут только самые сильные.

– Да разве только старательские одни! Вы нашего брата еще не знаете, вы, как дите малое; все-то вам разжуй да в рот положь...

– И то еще скажете: ложь! – срифмовал Железный Кот.

– У нас много доходных статей, и каждый может найти свою точку. Кто в карты выиграет, кто на стрёме постоит, надзирателя покараулит и за это тоже свою долю получит; кто водкой торгует, кто из семейных – пирожками, молоком, кто карты у себя держит. Да Боже ты мой! Мало ли сколько изворотов найдет смекалистая башка! Прачка – тот полотенце мне выстирает, я ему заплатить сколько-нибудь должен, потому это не казенная работа. Другой болезнь какую-нибудь измыслит себе, в больницу ляжет: молоко или мясо продает за несколько дней, вот на табачишко и есть. А проигрался в пух и прах – казенную вещь можно спустить. Ну, конечно, шкурой иногда платиться приходится: так ведь это тоже нашему брату, что в бане попариться... Ха-ха-ха! Еще в пользу идет – кровь разгоняет... Таким вот манером и живут. Есть, положим, в тюрьме двести целковых – они так и идут из рук в руки колесом, не залеживаются долго у одного. Все на них и кормятся».

Тут же после обеда начальник тюрьмы (Шестиглазый) выстраивает арестантов:

«Шапки опять опустились на головы. Минуты две Шестиглазый стоял и безмолвно оглядывал арестантов, которые были ни живы, ни мертвы.

– Вот что, – начал он повелительным голосом. – Сегодня, с моего дозволения, вы выбрали общего старосту, поваров и других артельных служащих. Пускай они знают (да и вы все знаете!), что я не потерплю в моей тюрьме воровства. За каждый случай замеченного мошенничества в кухне, в больнице или на другой артельной должности я буду отдавать виновных под суд. Не говорю уже о том, что воровать у своих товарищей даже с вашей арестантской точки зрения позор и стыд. Знайте сверх того, что, кроме отпускаемых на котел казенных продуктов, я ничего пропускать в тюрьму не буду. Чай, сахар и табак можете выписывать на свои деньги только один раз в неделю и не больше, как в назначенных мною размерах на одного человека. Никаких майданов я не допущу. Частных улучшений пищи также не дозволю. Не дозволю, чтоб одни жили лучше или хуже других! Другие тюрьмы мне не указ. Шелайская тюрьма – образцовая каторжная тюрьма, и я хочу, чтоб она не на бумаге только была каторжной. Каторжный режим, по моему глубокому убеждению, должен быть также и пищевым режимом. Впрочем, если кто хочет, может отдавать свои деньги на улучшение пищи для всей тюрьмы. Надзиратели, разводите арестантов по камерам».

Надеюсь, вы поняли, почему я так долго цитировал. Опять все подозрительно знакомо, не так ли? Не правда ли, несмотря ни на что, Лучезаров-Шестиглазый вызывает у нас симпатии? Каждому из нас доводилось встречаться с подобными людьми пусть не в тюрьме, но в армии или в среде чиновников. У нас ведь время от времени случаются где-то люди, имеющие прогрессивные взгляды. Стремящиеся эти взгляды отстаивать. При этом в этих людях заметна человеческая теплота, это не «машины духа», добывающиеся своего во что бы то ни стало.

И как, однако, знакома эта ситуация обновления! Ведь тому же Лучезарову здесь противопоставляется некто Разгильдеев – зверь в человеческом обличье, правявший каторгой в прежние годы. К тому же явно утверждается, что Шелайская тюрьма – опытный полигон, модель, которая станет для всей остальной каторги образцовой. Любители дореволюционной России непременно пустят при этом слезу и скажут о прогрессивности российских реформ конца XIX столетия. Кто-то также, наверное, проведет параллель с сегодняшним днем – вот, дескать, опять взялись за ум, возрождаем лучшее.

Но я не зря процитировал так много, и внимательные читатели давно уже успели обратить внимание и на некоторые несуразности в образцовой тюрьме. Да, старосты воруют из общего котла. Да, Лучеза-

ров это стремится преодолеть. Но по свидетельству самой «кобылки» – именно кобылки, которую бродяги очевидно объедают, – на казенной баланде не проживешь, а если запрещается своя еда, то новые порядки означают существенное ухудшение жизни в тюрьме.

Подобные реформы, кстати, случились и во времена Хрущева. И внешняя логика реформ тоже вроде была благой. Рецидивистов стали сажать отдельно от новичков. Запретили иметь личные деньги в тюрьме. Ввели ограничения на посылки и свидания. В течение первых лет хрущевского правления тюрьма действительно была куда более сытным и прибыльным местом, чем воля, – освободившиеся выходили с небольшим капиталцем, бывшие колхозники получали паспорт и уже не были приписаны, как крепостные, к родному колхозу. С этим-то и пытались совладать реформаторы. Они старались сделать тюрьму наказанием, а не воровской малиной. И эти ограничения были ослаблены лишь вначале 90-х в результате всероссийского бунта заключенных. Мы привыкли считать хрущевские времена «оттепелью». Поначалу это действительно было так, но более поздние годы хрущевского правления едва ли стоит считать лучше сталинских.

И если смотреть на все это из тюрьмы, то вряд ли виден будет тот вектор развития, который обычно стремятся начертить. Как бы его ни рисовали: от царя к большевикам, от Сталина к Хрущеву, от СССР к возрожденной России. Если смотреть на все это глазами тюрьмы, то перед нами лишь циклы, повторяющиеся с завидной настойчивостью – время от времени кто-то пытается «навести порядок», но усилия его вязнут в хитросплетениях жизни и противная сторона – криминальное сообщество – берет реванш. Был такой реванш и в 30-е годы. Цитирую Александра Сидорова «Великие битвы уголовного мира», обстоятельно изучившего историю проблемы:

«Вся история “воровского ордена” показывает, что исполнение «закона» и строгое следование “правилам” зависят, прежде всего, не от самих представителей уголовного мира, но от условий, в которых вынуждены действовать профессиональные преступники. А обстановка складывалась явно не в пользу “блатных”.

Во-первых, уголовникам приходилось жить в тех же тяжелейших, жутких условиях лагерных строек, что и всем остальным заключенным. Разумеется, они, как опытные старожилы мест лишения свободы, более чем кто-либо другой могли приспособиться к этим условиям, притесняя другие группы эзков и выбирая для себя лучшее из худшего. Но выбор был не слишком богат.

Никто не собирался устанавливать для «воров» специальную диету – ели то же, что и другие. Грабили работяг – это безусловно. Но и с тех взять можно было немного, только часть пайка. А что тот паек? Вот для примера. На строительстве тракта Чибью – Крутая (тяжелые работы) при выполнении нормы ээк получал в день 1 кг черного хлеба (вернее, должен был получать). На остальных работах – 600–800 г. При невыполнении норм – 300–400 г. В штрафном изоляторе – 200 г. В ежедневный рацион буровиков входило 75 г крупы и 11 г жира. Прочим рабочим – 60 г крупы и 8 г жира. Месячная норма мяса – 2 кг. Мясо – только солонина, которая чаще всего заменялась рыбой. Из овощей – турнепс, редко – кислая капуста. Ни сливочного, ни растительного масла, ни молочных продуктов заключенным не полагалось. О посылках и передачах тоже можно было не мечтать.

Во-вторых, лютые чекисты, видя сопротивление «воровского мира», опять-таки повели себя жестоко. Без особых церемоний они создавали из «блатарей» так называемые РУРы – роты усиленного режима. Собственно, такие роты действовали еще на Соловках для устрашения тамошних арестантов. Но в период «трудовой перековки» этот опыт особенно пригодился. РУРы были изолированы от основной массы заключенных и состояли исключительно из уголовников. Штрафной паек, холодные шалаши и палатки: хочешь – вкалывай, обустройся, зарабатывай пожрать. Не хочешь – подыхай. Работаешь – из РУРа переведут в обычную бригаду...

Автор настоящего исследования не может в полной мере согласиться с выводами Солженицына о том, что якобы все «урки» занимались только тем, что «заряжали туфту» и нещадно эксплуатировали остальных ээков при полном попустительстве чекистов. То есть наверняка, в конце концов, дело к этому и свелось. И быть иначе не могло. Потому что надо же было чекистам-воспитателям рапортовать о том, что их старания по «перековке» «блатарей» увенчались успехом! Потому что многочисленные инструкции требовали оказывать доверие уголовникам-рецидивистам. Потому что пособия-монографии (например, Иды Авербах, которую часто цитирует Солженицын) призывали «использовать лучшие свойства блатных» – романтику, азарт, самолюбие, разжигать классовую ненависть к кулакам и контрреволюционерам.

Однако прежде чем опереться на «блатной актив», лагерная администрация должна была четко указать уркаганам их место. Да, чекистам надо было опереться на «блатарей» – но не на «блатарей» независимых, живущих по своим, «воровским» «понятиям», а на жуликов, принявших правила игры в «перековку». Сначала ты обязан при-

знать, что исправился, стал “новым человеком”. И лишь тогда отношение к тебе будет особое.

Пока “воровской” мир не понял этих правил и упорствовал, стоя на своем (“я честный вор, тяжелее кошелька ничего в руках не держал!”), до тех пор чекисты гнули его и ломали.

И все же ГУЛАГ 30-х годов – это, конечно, вотчина “блатных”, профессиональных уголовников. И не только потому, что администрация лагерей делала ставку на “социально близких” (это отрицать бессмысленно, особенно в контексте официальной политики государства). Дело еще и в другом: профессиональные преступники имели за спиной тюремный опыт, богатые традиции, они были сплоченным «братством», которое умело наводило в местах лишения свободы свои порядки и поддерживало их жестокими и эффективными методами...

Вскоре “воровские” группировки приобретают в лагерях громадное влияние и вес. К ним и к их лидерам все чаще обращаются заключенные для разрешения своих конфликтов.

При этом следует иметь в виду, что настоящие, “авторитетные” “воры” избегали сотрудничества с начальством, не занимали руководящих должностей, не работали и жили исключительно за счет других арестантов.

Бригадирские должности, впрочем, занимала «воровская пристяжь», снабжая “законников” всем необходимым. Кстати, если уголовник был не “коронован”, то для него не считалось особенно зазорным и повкалывать. Разумеется, большинство из них не столько работали, сколько “заряжали туфту”.

Именно этот описанный здесь реванш и стал отправной точкой, за которой потом последует сталинское уничтожение воров в процессе «сучьей войны» и хрущевские реформы.

Вернусь к упомянутому спору с современными тюремщиками. Одним из поводов, к нему подтолкнувших, была жалоба ВИЧ-инфицированных одной из колоний, жалоба на то, что их держат вместе с остальными. История этого вопроса не проста. Еще несколько лет назад во многих местах лишения свободы были волнения по поводу того, что к ним подселяют инфицированных. Заключение боялись заразиться. Они требовали раздельности во всем, вплоть до отдельной посуды для приготовления пищи и отдельной бани. Руководство УИНов огородило в некоторых колониях специальные участки, где и стали содержать ВИЧ-инфицированных. Прошло 2–3 года, и страх схлынул.

Теперь стали говорить, что ВИЧ-инфицированных нужно изъять от статуса изгоев и нужно поселить вместе с остальными. Наш Центр сам способствовал тому, чтобы в некоторых колониях это произошло. И мы видели успешность подобного опыта.

Однако в этом регионе я столкнулся уже со следующей ситуацией – здесь заключенных селили вместе согласно директиве сверху. Положение было таково, что остальные заключенные уже не боялись инфицированных, хоть и не были от такого соседства в восторге. Большое неудобство от совместного проживания, напротив, испытывали сами ВИЧ-инфицированные. Поскольку это означало, что они лишились всех ранее полагавшихся им послаблений. А именно – несмотря на плохое самочувствие и слабость, никто из них не имел права прилечь днем на постель, которая (как на всех на красных зонах) должна быть аккуратно заправлена. Никто из них не имел права отказаться от работы, не имел никаких других льгот. В общем, ради удобства в управлении начальство отменило их особый статус. И, что интересно, аргумент был такой: изъять ВИЧ-инфицированных от положения изгоев, которое, как известно, близко к статусу «обиженных». Ну и конечно (как же без этого!), ссылались на закон. Вот пример «прогрессивного реформирования», теперь уже из современности. К чести других регионов, скажу, что там до такого не дошло. Почему-то там «закон» не помешал чувству меры.

И вот здесь действительно виден некоторый вектор изменений.

Фигура Лучезарова, несмотря ни на что, вызовет симпатии не только у интеллигента, но даже и среди нынешних эзков. Какой-никакой, он все же «настоящий хозяин». И если он имеет некоторые идеалы и, их добиваясь, создает прежде немислимые и уродливые порядки, то хотя бы видно, что делается это искренне. И это совсем не те благовидные предлоги, которыми прикрывались более поздние реформаторы. На фоне этих «гуманистов» Лучезаров действительно выглядит лучше. И беда нашего времени в том, что мы разучились замечать в лучезаровских «идеалах» дефекты, нам уже не до жиру. Автора «Мира отверженных» еще жутко коробит обязанность снимать перед начальником шапки. Нас же, сегодняшних, это уже удивляет. Вообще, удивительно читать эту книгу и встречать в ней первые, «девственные», оценки явлений, которые позже станут рутинной, и никто уже не будет задумываться, почему это так, и мы будем устало устранять следствия, не пытаясь искать причины:

«Большинство [арестантов]... – игроки, жиганы, сухарники, палачи, готовые превратиться в жертвы, и жертвы, могущие завтра же стать палачами; люди, которые, как будто нарочно, созданы природой для жизни в каторге, и особенно в пути "следования"». Вряд ли даже

понимают они, что можно жить иной, лучшей жизнью, чем этот ад крошечный. Они находятся в вечном угаре и хмелю без вина, в вечной ажитации и заботе, хотя бы предмет заботы не стоил и выеденного яйца: им нужно, главным образом, само волнение. Это самый страстный и живой элемент каторги. Спросите: для чего день и ночь играет вот этот, молодой светлорусый парень с испытанным, бледным лицом и лихо-радочно горящими серыми глазами, почти не умеющий играть и вечно получающий розги за промот казенных вещей, вечно голодающий и, к тому же, служащий предметом общих насмешек? Взгляните в его постоянно озабоченное лицо, в его словно тоскующие глаза – и вы получите ответ. Без карт или водки, а может быть, даже и без розог, без чего-нибудь пряного, возбуждающего, жизнь будет не в жизнь этому разсвихнувшемуся с пути человеку! Из таких-то прожигателей жизни и выходят так называемые “сухарники” и “вечные тюремные жители”.

Сухарником зовется малосрочный каторжанин или лишенец, соглашающийся за пустое вознаграждение, за несколько рублей, за красную рубаху (или, как в насмешку говорят арестанты, за сухари) поменяться именем и участью с долгосрочным или даже “вечником”.

Не могу не упомянуть, между прочим, об особом виде сменки, значения которого я долго не мог уразуметь, но который имеет тем не менее глубокий и чрезвычайно остроумный смысл. Меняются именами бессрочный с бессрочным же. Какой-нибудь Белоносов уходит вместо Долгошеина, на которого он ни капельки не походит ни лицом, ни приметам, а Долгошеин остается, положим, в больнице или до следующей партии. Само собой разумеется, что “ошибка” очень скоро обнаруживается и там, и здесь. В одном месте начальство набрасывается на Белоносова, в другом на Долгошеина.

– А! Ты сухарник?

– Никак нет-с, – отвечают и Белоносов, и Долгошеин и, несмотря на явную нелепость своих слов, упорно продолжают утверждать, что они именно те самые личности, которые показаны в статейных списках, что они осуждены на бессрочную каторгу. Конечно, случись это в одной и той же тюрьме, начальство тотчас же сумело бы разобраться в путанице; но предполагается, что сменщики успели уже разделиться приличным расстоянием, и напасть на настоящий след не так-то легко. Местные начальства торжествуют: пойманы сухарники, продавшие себя за красную рубаху... Белоносова. и Долгошеина судят (опять-таки предполагается, в различных пунктах) и, как сменщиков, приговаривают на три года каторги каждого с телесным наказанием. А им того только и нужно было...»

Мы забыли. Давно забыли о том, что тюрьма сама по себе противоречит человеческой сущности. Ведь каждый из нас проходит в жизни какое-то развитие. Для этого он должен располагать некоторой свободой, а вместе с тем и ответственностью, чтобы куда-то направлять течение своей жизни. При этом все мы совершаем ошибки, а затем пытаемся их исправить. И тот, кто придумал отправлять человека в тюрьму, чтобы там он исправил свои ошибки, упустил из виду то, что в стесненных условиях (а любая тюрьма – это ограничение и стеснение) шансы проявить ответственность также ограничены. Далеко не все из нас способны на эдакое душевное сальто-мортале, которое предполагает пересмотр всей своей жизни внутри тюрьмы. Гораздо чаще пересматривается не жизнь, а ограниченные ее проявления и привычки. Поэтому в результате тюрьма не повышает степень самосознания, а оттачивает определенные социальные технологии: от «не так технично замел следы» до «не так приспособился», в лучшем случае «не так подумал, поэтому не сумел совладать с собой». Кроме того, сама логика тюремного наказания направлена на лишение человека свободы, а вместе с тем и ответственности. Чем дольше человек пребывает в этих условиях, чем больше эти условия регламентированы, тем меньше и результативность такого наказания. Человек отучается организовывать свое время, свои планы. В любой тюрьме постоянно происходит борьба. Борьба между заключенными и администрацией за мельчайшие подробности повседневного быта. Заключенные добиваются большей свободы. Администрация стремится их этой свободы лишить – в лучшем случае – лишь для соблюдения некоторого рутинного порядка, в худшем – для производства «наказанности». Аргументы зависят от продвинутости сторон – это и удобство, и чувство меры и «закон», причем удобство для разных сторон имеет различный смысл, равно как и закон. И всегда находятся люди, которые смогли все же совершить упомянутое «душевное сальто-мортале». Эти-то люди как раз и оттачивают в тюрьме социальные технологии более высокого порядка в своем противоборстве-партнерстве с администрацией. Они уже не выпускают из рук нить жизни, и администрация вынужденно отдает им часть власти. Вот кто, собственно, является подлинным авторитетом. Стилистика эпохи и социальной жизни на воле накладывает отпечаток на стилистику противостояния-партнерства их с администрацией. Поэтому-то нет, не было и не будет «извечных» тюремных законов, и время от времени кастовая система, и нравы в тюрьме меняются и будут меняться. Поэтому те тюрьмы, где существует разумный баланс между авторитетами и администрацией, эти тюрьмы называются «черными». Там, где администрация во что бы

то ни стало старается прибрать к рукам все – «красными». Может стать – это и есть коверканье языка, поскольку «красное» на Руси традиционно значит «красивое», «высокое», а «черное» – «злое», «низкое». Но за словами «красное» и «черное» стоят подлинно Платоновы понятия, и никакая софистика не в состоянии отнять у тюремного жителя понимания сути этого противопоставления. А то, что красное и черное в русской символике перевернулись – это уже вина истории.

А может, и не вина, а мудрость. Ведь другая ипостась этого противопоставления – это мечта о красивом порядке, грех всех идеалистов, против грязи рутинной практики, в чем копаются любые социальные технологи. И я не берусь судить, чья сторона более несимпатична. Оставляя в стороне запачканные в крови руки идеалистов, замечу, что именно технологическая жесткость и неразъясняемость тюремных условностей не позволяет людям из другого мира, то есть людям, никогда не покидавшим воли, положительно отнестись к «тюремным понятиям». Эта сторона у тюремного закона есть, и она часто заслоняет собой другое, более важное обстоятельство – семена социального опыта, вырабатываемого авторитетами, претворяемого позднее в «закон», куда более жизнеспособны, чем гипотетические рассуждения парламентариев, готовящих очередные законопроекты. Причем я здесь говорю именно о тех, кто детально обдумывает эти проекты, о действительных наследниках Лучезарова. О тех же, кто голосует за новую стопку кодексов, в них не заглядывая, не стоит и говорить.

И наша давняя российская беда в том, что именно этот социальный опыт объявляется маргинальным. Точнее, делается все так, чтобы он стал маргинальным. На воле жизнь постоянно меняется. Мы вновь и вновь черпаем поток инноваций из-за рубежа и сами прибавляем что-то к развитию. И если получается так, что общество четко делится на тех, кто имеет доступ к переменам, и тех, кто почти не имеет, то и получается, что жизнеспособные социальные технологии, очищенные от надуманных построений и чуждых заимствований (что есть сильная сторона тюремного закона), не могут вовремя обновляться через встречу с технологиями бытовыми и научными, а последние не проходят полного тестирования на социоэкологическую вредность. Эта взаимная притирка постоянно стремится случиться в России, и вновь и вновь появляются обстоятельства, этому мешающие.

Я подошел к мотивам, которые заставили нас когда-то оставить стерильно-социологические и этнографические исследования. Вот уже много лет главным девизом нашего центра является «сокращение численности тюремного населения». Дело в том, что решение этой про-

стой количественной формулы почти равнозначно осуществлению нашей русской социальной идеи. Мы вовсе не стремимся к упразднению тюрьмы. Несмотря на все сказанное выше, мы понимаем, что такие времена не пришли еще и вряд ли будут возможны в скором времени. Сейчас для России действительно важно уничтожение стены, фактически разделяющей наше население на две разные нации – сидевшие и их родственники и не сидевшие вообще. Преступность в России есть, и ее, возможно, даже будет больше. Но нужно отвыкать от мысли, что тюрьма – это средство избавления от преступности. Тюрьма – всегнанавсего социальная привычка, институт, которого избежать нельзя, но зато можно постепенно менять. Причем, мы думаем, что количество людей, в ней побывавших, вполне может увеличиться – ведь в малых дозах такое наказание все же для многих бывает действенным. Главное не в числе отсидевших, главное – сколько времени каждый из туда угодивших провел без воли. Лишение свободы на долгий срок лишает возможности обратной социальной интеграции. Такие люди вторично выталкиваются из общества, и не происходит главного – диалога отсидевшего с тем, кто может по глупости сесть. Душевный и социальный опыт наказанного не транслируется на свободу. Вольные люди не учатся на чужих ошибках. А отсидевшим не дается шанса ознакомиться с общечеловеческим опытом. Происходит двоякое прерывание передачи традиций. И это сегодня тем более важно, что развитие жизни пошло куда стремительней, недостаток в живых развивающихся опорах-традициях сегодня испытывают и куда более развитые страны Запада. Получается, что тюрьма, первоначально созданная для преодоления хаоса преступности, в нынешнем своем виде этот хаос лишь усиливает.

Вот и выходит, что мы имеем, с одной стороны, тюремных авторитетов, для которых их жизнь в тюрьме – это разновидность карьеры, и опыт, ими оттачиваемый, – узкоспециален. А с другой стороны – инфантильное общество, не способное сконцентрироваться на решении ни одной проблемы, поскольку для каждого случая не хватает важнейшего ингредиента – основательности.

Наша цель – любыми методами объединять эти две половины, тюрьму и волю. Здесь уместны и частые посещения тюрьмы, причем не столь важно, с какой целью, важен сам факт передачи новой информации и помощи, чтобы процесс одичания не заходил далеко. Здесь уместны и наши выставки – так оставшиеся на свободе знакомятся с тем, что творится в тюрьме. Здесь также уместна и радиопередача, которая позволяет и тем, кто снаружи, и тем, кто внутри, ощутить себя в общем культурном пространстве, позволяет иметь общие воспоминания. И, конечно,

уместны наши брошюры, дающие свежий срез правовых реалий, облегчающий угодившим в тюрьму пробить дорогу на свободу, а тем, кто на воле, понять и ощутить, что такое бороться с химерой российского правосудия. Вот, собственно, четыре главных наших направления, которые с разной степенью успеха удается пока сохранять в последние годы.

Гипотетически можно представить, что мы и те, кто с нами, добьемся своего. И тюремные нравы, и внешние законы переменятся. И те, кто после нас будет пытаться объединить тюрьму и волю – те будут движимы уже иной силой. Так всегда в жизни бывает: суть становится оболочкой, а в прежней оболочке вдруг проглядывает смысл. Возможно, так все и будет. Интересно спросить тогда: неужели мы тоже попадем в тот бесконечный цикл, что проглядывает из найденной нами книги, когда мы сопоставляем ее с 30-ми и 60-ми годами? Неужели все будет опять бесполезно? Или останется вектор? Какой?

Ведь он и сегодня есть, этот вектор. Опять процитирую:

«Бравому штабс-капитану Лучезарову, который основывался на чисто-внешних данных, на том, что во вверенной ему тюрьме все обстоит “благополучно”, нет ни карточных игр, ни промота казенных вещей, ни пьянства, ни буйства, совершенно естественно могло казаться, что тюремное дело в его руках кипит и процветает, что он идет впереди своего века, или, по крайней мере, ни на шаг не отстает от выводов самоновейшей криминальной науки; но мне, перед которым открывались порой сокровеннейшие глубины преступной души, дело было виднее, и я с болью в сердце видел, что ничего существенного, ничего хорошего этим страшным режимом не достигалось... Я видел, что все эти грозные команды, строи, маршировки, все эти крики о снимании и надевании вовремя шапок через несколько же дней обращались для арестанта в привычку, которой он следовал так же машинально, как машинально подносил ложку ко рту, а не к носу, когда хотел есть, что даже ни малейшего страха и страдания эти вещи ему не доставляли. По собственному уверению любого из арестантов, он целый день готов бы был снимать и надевать шапку, лишь бы не допекали его другими, более существенными для него способами... Да и чего же иного стали бы вы ожидать от человека, у которого совершенно атрофировано понятие о человеческом достоинстве, о праве, об унижении? Больше того: у человека, у которого до сей поры вы же, представители интеллигенции (в лице властей и чиновников), старались по возможности подавить, а не развить это понятие?»

Страдать подобным страданием способен только интеллигентный человек, и, действительно, я с положительностью могу утверждать, что за годы моего прозябания в Шелайской тюрьме из сотен перебивавших в ней арестантов эта сторона тюремной жизни действовала угнетающим образом не больше как на 2–3 интеллигентов, имевших несчастье, подобно мне, попасть в каторгу».

Абсолютно очевидно, что у тех, кто попадает сегодня в тюрьму, вышеупомянутого человеческого достоинства больше. Однако вектор не в том, ведь совершенно ясно, что достоинство это быстро сламывается, и подчинение опять низводится до такого же автоматизма. Вектор в другом. Теперь внешние формы унижения потеряли былую актуальность – лучезаровы уже сделали свое дело, и успел провернуться некоторый цикл, результатом которого стала, наоборот, подчеркнутая внешняя корректность между самими осужденными, а также к осужденным со стороны администрации. Прибывающих в тюрьму нынче ломают глубже: они теперь вынуждены «снимать шапки» перед дискурсами – выказывать принадлежность к той или иной системе суждений. Вот почему в 70-е стала так велика пропасть между «козлами» и «правильными». Вот почему нынче, уже после 90-х, вызревает новый вид авторитетности. Раньше таковых называли «один на льдине». Теперь вряд ли встретишь такую крайнюю форму самостоятельности, зато элементы ее постепенно распыляются по всему тюремному сообществу. И теперь уже говорят, что и козлы бывают правильные, и можно встретить авторитета, играющего в шахматы с опущенным. В ситуации 90-х, когда правильные понятия уплощились до идеологии, когда руководящие недоумки загоняли в зоны ОМОН для «исправления» людей, нередко угодивших туда вовсе не по причине совершения преступлений, любая идеология стала разновидностью маски, от которой всякий после примерки освобождался, как мог. Спустя столетие уже не снятие шапок, а ношение этих масок стало автоматизмом. Как это отразится на социальном устройстве колоний, покажет время. Пока что мы имеем некоторый набор региональных практик.

И задача нашего центра не теряет актуальности в свете этих прогнозов. Мы догадываемся, что, видимо, ни на одном из направлений нам так и не удалось продвинуться серьезно. Точнее, что-то происходит, но происходит и через нас, и помимо нас. Единственное, что нам, наверное, удалось – так это удержать самое идею. Так уж бывает у нас в России – знать можем все, но сделать – почти ничего. Некоторые говорят, что наша страна – полигон экспериментов. Если так – то пусть хоть результаты их будут известны.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор Центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой проект по социальному сопровождению несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительная работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию о тюремных нравах и обычаях, о судьбах известных арестантов, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте публикуется новая серия брошюр Центра: «Нормативно-правовые акты для уголовно-исполнительной системы». В нее вошли в том числе брошюры «Правила внутреннего распорядка ИУ»; «Правила внутреннего распорядка СИЗО»; «УДО и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 05.03.2007 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная